

ЖИВАЯ СТАРИНА

Учредитель
и инициатор
возобновления
издания
Государственный
республиканский
центр русского
фольклора

ВОЙНА В НАРОДНОЙ ПАМЯТИ

ЭКСПЕДИЦИИ

- Традиции православных и мусульман на пограничье Сербии, Черногории и Боснии
- Экспедиция на русско-белорусское пограничье

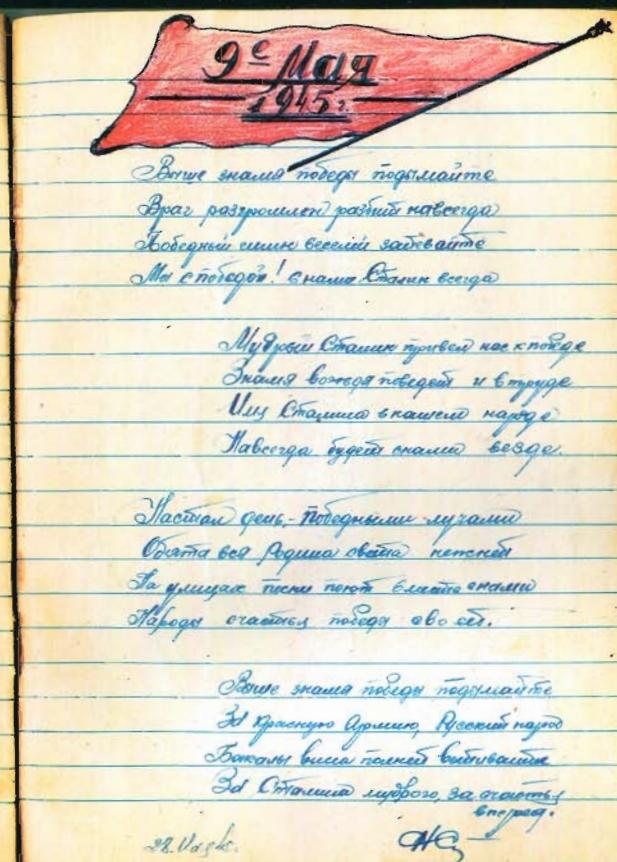
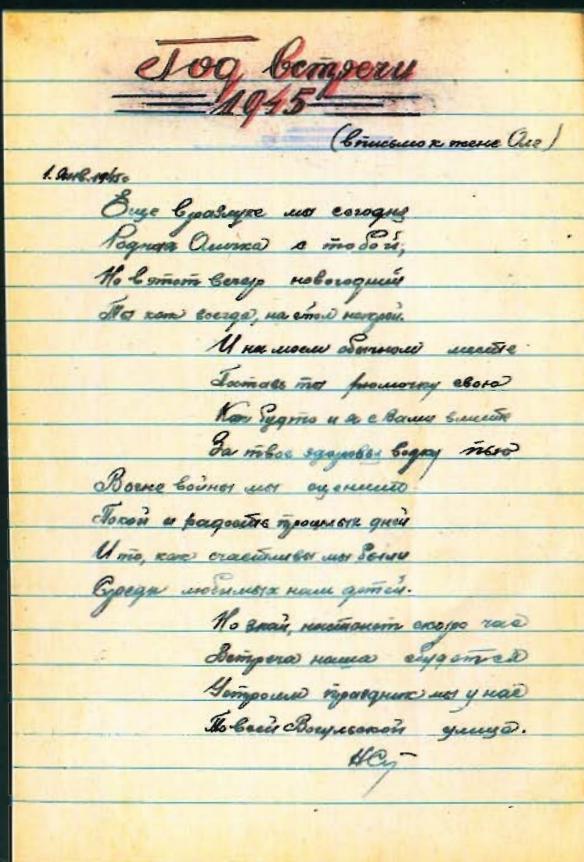
ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ И НАРОДНАЯ КУЛЬТУРА

- Легенды Галичского озера
- Почитаемые источники в Ветковском районе Гомельской области

На 1-й стр. обложки:
Белокаменная
плита с левой сто-
роны от южного
портала храма
(церковь Николы
Надеина, Ярос-
лавль). 1622 г.,
23 июня. Фото
А. Г. Аведеева. 2010 г.

Женское ожерелье.
Эстония.
XVIII–XIX вв.

◀ Разворот тетра-
ди, в которую пере-
писаны стихи
и песни, сочиненные
Н. А. Седых на фрон-
те. Ок. 1945–1947

Мы открываем этот номер «Живой старины» рубрикой, посвященной 70-летию со дня Победы в Великой Отечественной войне. Среди публикаций этой рубрики — материалы из семейного архива В. Н. Седых, отец которого, Н. А. Седых (1909–1975), будучи призованным в ряды РККА, организовывал на фронте армейские ансамбли песни, пляски и музыки. Читайте статью В. Н. Седых на с. 3–8

▲ Ансамбль народных инструментов в с. Ларьяк (ныне Ханты-Мансийский АО). 1938 г.

◀ Гвардии старший лейтенант Н. А. Седых. Май 1945 г.

► Никандр Адамович Седых и его супруга Ольга Федоровна Седых (Макарова) в возрасте 19 лет. 11 сентября 1928 г.

ЖИВАЯ СТАРИНА

Журнал о русском фольклоре и традиционной культуре

СОДЕРЖАНИЕ

ВОЙНА В НАРОДНОЙ ПАМЯТИ

Письма с фронта Никиты Ильича Толстого. Публикация С. М. Толстой	2
В. Н. Седых. «Нам песня помогала выжить и победить» (из семейного архива)	3
Н. Ю. Данченкова. Память о войне в причтаниях М. А. Королёвой (с. Татарово Владимирской области)	8
Стихотворная мемуаристика Н. А. Ветровой. Публикация, вступительная статья и примечания М. В. Строганова	11
Рассказы о войне из Селижаровского района Тверской области. Публикация М. Н. Толстой	13

МИФОЛОГИЯ МЕСТА В НАРОДНОЙ ТРАДИЦИИ

Д. В. Громов. Легенды Галичского озера	17
М. В. Ахметова. Предание о Сониной роще (г. Бологое Тверской области)	21
Г. И. Лопатин. Почитаемые источники в Ветковском районе Гомельской области	24
И. Ю. Васильев. Памятники Краснодара в оценках горожан и современная обрядность	27
К. Э. Шумов. Пространство в представлениях цирковых и спортсменов	31

ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ И НАРОДНАЯ КУЛЬТУРА

А. Г. Авдеев. Надписи в русских былинах: камни на распутьях дорог (заметки эпиграфиста)	35
Д. А. Радченко. Рукописные «небесные письма» в России XIX в.: «письмо из Лангедока»	39
С. Н. Амосова. «Сказание о 12 пятницах» в рукописных тетрадках из Латгалии	41
Апокрифические молитвы Карелии. Публикация В. П. Еришова	44
М. В. Калашникова. Когда песня перестает быть песней: жанровые трансформации в альбомах и песенниках	48

ВЫСТАВКА

А. Б. Островский, А. В. Ратникова. «Звонкая монета: монеты в традиционных культурах Евразии»	52
---	----

ЭКСПЕДИЦИИ

А. А. Плотникова. Традиции православных и мусульман на пограничье Сербии, Черногории и Боснии	55
В. А. Кухтина, Н. А. Савина. Экспедиция на русско-белорусское пограничье	58

ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ

В. Я. Петрухин. «Запад» и «Восток» в сравнительной демонологии	63
Н. В. Бессонов. Цыганский архив И. М. Андрониковой: новый этап дискуссии	64
Н. В. Петров, Н. С. Петрова. Новое издание литовских сказок на русском языке	67
О. В. Трефилова. Авторефераты диссертаций по этнографии, фольклору, этнолингвистике, защищенных в 2014 г.	69

НАУЧНАЯ ХРОНИКА

В. Е. Добровольская, Е. А. Дорохова. Всероссийское совещание о мониторинге фольклорных традиций и мерах по сохранению фольклора	70
--	----

Издание осуществлено при финансовой
поддержке Министерства культуры
Российской Федерации

Главный редактор

О. В. Белова, доктор филол. наук;
Институт славяноведения РАН

Редколлегия:

С. В. Алпатов, канд. филол. наук, доцент;
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

М. В. Ахметова (зам. главного редактора), канд. филол. наук; Государственный республиканский центр русского фольклора

Л. Н. Виноградова, доктор филол. наук;
Институт славяноведения РАН

Н. Ю. Данченкова, канд. искусствоведения; Государственный институт искусствознания

М. А. Енговатова, канд. искусствоведения, профессор; Российская академия музыки им. Гнесиных

А. Б. Мороз, доктор филол. наук, профессор; Российский государственный гуманитарный университет

С. Ю. Неклюдов, доктор филол. наук, профессор; Российский государственный гуманитарный университет

В. Я. Петрухин, доктор ист. наук, профессор; Институт славяноведения РАН

И. А. Разумова, доктор ист. наук; Центр гуманитарных проблем Баренц-региона Кольского научного центра РАН

С. М. Толстая, доктор филол. наук, профессор; Институт славяноведения РАН

ПИСЬМА С ФРОНТА НИКИТЫ ИЛЬЧА ТОЛСТОГО

Отмечая 70-летие Великой Победы, мы вспоминаем первого главного редактора возобновленной «Жизни старины» академика Никиту Ильича Толстого (1923–1996), который встретил победу простым солдатом-автоматчиком в частях Красной армии, куда он вступил добровольцем осенью 1944 г. Ему был тогда 21 год. Он родился в Югославии в семье эмигрантов, окончил русско-сербскую гимназию в Белграде и получил аттестат зрелости, когда немцы уже оккупировали Югославию. Сначала ему пришлось работать чернорабочим на разборке разрушенных белградских домов, потом чинить вместе с отцом обувь, делать из папье-маше кукол и игрушечную мебель и т.п. Позже, когда в Белграде уже трудно было прокормиться, он уехал вместе с родителями в городок Новый Бечей в Воеводине, где жила семья его дяди. Там он связался с сербскими партизанами, сначала это были отдельные разрозненные группы, совершившие нападения на немцев, а потом образовался регулярный партизанский отряд, который в октябре 1944 г. встретил Красную армию и оказал ей активную помощь. Толстые и другие русские эмигранты помогали, чем могли: женщины устроили госпиталь и ухаживали за ранеными, мужчины служили переводчиками и проводниками, помогали наладить связи с местным населением. Там Никита Ильич вступил добровольцем в Красную армию, участвовал в форсировании Тисы, в тяжелых боях под Будапештом и Веной. Победа застала его в Австрии, севернее Вены. С фронта он написал письмо в Москву своей тетке Анне Ильиничне Толстой, «тете Анночке», старшей сестре его отца и первой внучке Л. Н. Толстого. На солдатском треугольнике стоял простой адрес: Москва. Хамовники. Анне Ильиничне Толстой. И письмо дошло. Находясь на фронте, Никита Ильич не мог писать своим родителям, остававшимся в Югославии. Им писала тетя Анночка, и так он связывался с родителями через Москву. Большинство из этих писем, написанных в период с февраля по август 1945 г., сохранилось. Их обнаружила в 2013 г. дочь Никиты Ильича Фекла в рукописном отделе Государственного музея Л. Н. Толстого в Москве, в фонде А. И. Толстой-Поповой. Мы публикуем два письма, относящиеся к марта и апрелю 1945 г., которые могут служить яркими иллюстрациями к тем историческим дням и одновременно свидетельствами о незаурядной личности простого солдата и будущего академика.

ВЕНГРИЯ, ФРОНТ 9 МАРТА 1945 г.

Добрый день, дорогая тетя Аня,

вот уже третье письмо пишу тебе, а от тебя получил только одну открытку, посланную 7-II-45 г. Дорогая тетя Аня, если бы ты знала, какая радость здесь на фронте получить письмо с Родины и какое событие для бойца это письмо. Обыкновенно парень, получив письмо, ходит целый день с ним в руках и читает всем своим товарищам. И все ребята получают письма, и бывало чуть завидят почтальона, бегут к нему навстречу, и я бегу тоже навстречу, и так обидно и горько, когда ребята кругом с письмами стоят, жадно глотают дорогие строки, а тебе ничего нет. Одиноко тогда на душе: сразу и дом свой вспомнишь, и забор облезлый, и собака своя припомнится — длинноухая с куцым хвостом. Итак, дорогая тетя Аня, пиши, пожалуйста, мне почще, если только у тебя свободное время есть, ну а если свободного времени мало, то все же выкрои как-нибудь пять минут на короткое письмечко. Если у тебя бумаги не хватает — напиши мне, постараюсь прислать.

Ты ведь живешь в столице, там сейчас войны нет; жизнь, наверное, бьет ключом. Здесь на фронте, когда читаешь на последней странице «Правды» только название кинофильмов, пьес, драм, и то как-то сердце радуется. Думаешь тогда, что в мире существует не одна только земля, изрытая снарядами, не одни только мокрые окопы да сгоревшие хаты, где-то там в МХТ ставят «Анну Каренину».

а быть может, и тебе выпадет счастье побывать в «художественном». Все это напоминает о лучшей жизни на Родине, а здесь, в чужой стране, скучно. Впрочем, быть может, я напрасно сгущаю краски, во всей нашей фронтовой жизни есть свои неотъемлемые положительные черты и свои радости. Я уверен, что я нигде бы так тепло и радостно не встретил 27-ую годовщину РККА, как я встретил ее здесь на фронте. Все, и речь нашего начальника, здравицы, хоровые песни ребят, отдельные выступления бойцов и охрипший телефон и даже мои дилетантские стихи оказались к месту. И я еще раз почувствовал себя в большой дружной красноармейской семье. Твою открытку я читал товарищам, они все вместе со мной радовались тому, что я разыскал тебя, они шлют тебе привет и просят тебя написать что-нибудь о сегодняшней Москве. Почти все они в армии еще с 1941 года.

Так хочется получать письма с Родины и так трудно писать на Родину. Причина к этому та, что жизнь наша красноармейская очень однообразна и если и бывают более крупные события, то почти всегда они военного характера — сама понимаешь, об этом писать нельзя. Приходится писать о погоде, о здешней весне, которая, кстати сказать, не очень приятна — холодный ветер, а иногда и снег до сих пор не покидает нас.

Хочу написать еще о том большом патриотическом и героическом подъеме, который сейчас у нас в Армии. Солдаты неохотно отходят на отдых, стремясь оставаться на передовой, пройти вперед. Все с нетерпением ждут нового решительного наступления: каждому хочется сейчас приблизить час окончания войны.

По вечерам ребята собираются все вместе, и я читаю им вслух газеты: фронтовые, дивизионные, армейские. Иногда добываю центральные — «Правду», «Известия», журналы. Конечно, приходится как следует побегать, прежде чем достать газету или какую-нибудь книгу или брошюру. Но я со своей стороны не жалею труда, пота и своих длинных ног. Так я познакомился почти со всеми подразделениями дивизии: и в клубе меня знают, и в дивиз. редакции, и на Дот-е, и в сан-бате, и в авто-роте, и даже в хоз-взводе. Так и говорят всегда мне: «Ох, здравствуйте, Лев Николаевич» — это подсмеиваются, конечно, что мол прадед умница был, а ты балбес.

И еще зовут меня ребята Миклуш. Это произошло так: у мадьяра имени Никита нет; существует от близкого по звуанию Николая мадьярск. Миклош, ну, а ребята, конечно, по-своему, по-русски переделали и получился «Миклуха» или «Миклуша». Еще в шутку «политруком» зовут, это потому, что я внимательно слежу за всеми статьями в «Правде» и иногда объясняю их содержание.

Вот и все как будто, что могу написать о себе. Мало, конечно, но большего, пожалуй, сейчас не напишешь, да ведь надо же немножко оставить и на другое письмо.

Писем от отца не получаю уже больше 3-х месяцев. Недавно один из наших военных поехал в наш район, я отправил с ним письмо и приложил твою открытку. Быть может, письма пропадают, ты сама понимаешь, насколько трудна почтовая работа в фронтовых условиях. Если ты получаешь от отца письма, напиши об этом мне.

Жду письма, крепко целую тебя и всю вашу семью, желаю всего, всего najleшего. Пусть иногда, хоть раз в неделю, вспомнят обо мне — незнакомце: так приятно подумать, что кто-то о тебе вспоминает. Эта мысль так же радостна, как радостна первая звезда на закатном горизонте. Впрочем, прости за неудачную поэзию, она, кажется, здесь излишня.

Еще раз целую крепко

твой племянник Никита

Полевая почта 49582

Толстой Никита Ильич

Фотокарточку постараюсь прислать: хотя здесь на фронте сфотографироваться очень трудно. Если пришлю, не пугайся! Мой рост — почти два метра.

5 АПРЕЛЯ 1945 г.

Добрый день, дорогая тетя Аня,

это письмо пишу тебе из Австрии, мы уже глубоко вклинились в ее территорию. Сейчас здесь идут жестокие бои, хотя и враг все

время пятится назад. Нас же ведет вперед небывалое воодушевление и воля к скорейшей победе, а она, конечно, не за горами. Снова, как и раньше, горят села — но теперь уже немецкие — разыгрывается новая великая битва, с небывалым еще до сих пор накоплением техники и войск. Приятно себя чувствовать маленьким, крохотным винтиком в одном едином целом огромной советской военной машины. И мне уже выдали благодарность за отличные боевые успехи при овладении гор. Будапештом. Теперь хотелось бы побывать еще и в Вене. О Вене мечтают все бойцы нашего фронта, мы знаем, что нам не придется быть в Берлине — это счастье выпадет другим фронтам, так неплохо хоть рассчитаться со второй германской столицей. Вспоминается сейчас окончание одного стихотворения, кажется, Н. Занута, помещенного еще в 1928 г. в «Красной Нови»

«все равно мы ворвемся и грохнем

В европейскую черную ночь!»

— тогда он отвечал заграницному Влад. Ходасевичу, который писал: «Над европейской ночью темной заламывает руки он». Но теперь Европа больше не заламывает рук — перед нами стоит Германия на коленях. Забавляет также обилие белых флагов — это обозначает сдачу, немцы сдаются на милость победителя. Красная Армия идет неудержимо — мы действительно «ворвались и грохнули». Возможно, что это письмо и не успеет еще дойти до русских границ, как Вена будет наша.

И опять в памяти всплывает мой небольшой литературный архив.

Вспоминаю, как Маяковский еще в 1914 году в стихах «Война объявлена» писал:

«Постойте, шашки о шелк кокоток

Вытрем, вытрем на бульварах Вены!»

— страшно даже, насколько актуальны сегодня эти слова. Что не удалось России 20 лет назад, то сегодня осуществляется. Да, действительно, мы будем в Вене!

От тебя по-прежнему нету писем.

Из дому же вести хорошие. Там сейчас все хорошо, в смысле питания и всего остального — отлично.

Отец действительно служит на советской службе — и несет ответственную работу. Часто разъезжает: почти все время в пути. Мать сильно без меня скучает — это понятно, дело ее материнское姑гить да поплакать. Мне же грустить нельзя — нужно себя все время держать в руках — быть бодрым, крепким. Мать моя понемногу делает куклы из варен. бумаги — эта работа не трудная и благодарная. Эти вести привез мне один из наших военных: он был в Новом Бече.

Чуть не забыл написать тебе про дядю Володю — он здоров, хотя его положение много хуже отцовского, но я надеюсь, что отец его как-нибудь вытянет. В этом отношении папа мой как старший брат всегда много делал для дяди Володи. Одно плохо, что у дяди Володи упрямый характер, он всегда старается «жить своей головой», но это получается не всегда удачно. Если ты переписываешься с Новым Бечеем, то не теряй связи никак.

О тебе же я сам часто думаю. Хотел тебе собрать и послать посылку, но наше командование еще полтора месяца тому назад запретило их (Наверное из-за перегрузки транспорта). До того же времени я не знал твоего адреса. Досадно очень, но ничего не делаешь. Как только в нашей дивизии разрешат отсыпать посылки,

Никита Ильич Толстой. Австрия, лето 1945 г.

отошлю тебе что-нибудь из мануфактуры. Пиши мне больше про себя и про всю твою семью. Хочется мне больше знать о вашей жизни. Жду писем, хотя их и нет. А пока до свиданья, целую всех крепко, крепко — желаю счастья, здоровья.

Искренне Твой

Никита

Толстой Никита Ильич

Полевая почта 49582

P.S. Очень скучаю без русских книг. Если у тебя есть какие-то уже прочитанные и для тебя малооцененные брошюры, небольшие сборники стихов, пришли мне их по воинской почте. Пересылка бесплатна.

Публикация С. М. Толстой

(доктор филол. наук,

Ин-т славяноведения РАН, Москва)

Валерий Никандрович Седых,
канд. ист. наук, Ин-т истории Санкт-Петербургского гос. ун-та

«НАМ ПЕСНЯ ПОМОГАЛА ВЫЖИТЬ И ПОБЕДИТЬ» (из семейного архива)

В год 70-летия Великой Победы хочу рассказать о своем отце. Мысль поделиться материалами из семейного архива давно не давала мне покоя, но, как всегда, что-то отвлекало — семья, дети, диссертация, статьи... Сейчас, с появлением внуков, это время настало.

Мой отец, Никандр Адамович Седых, родился 4 июня 1909 г. в с. Кравцовка Тереховской волости Гомельского уезда Могилёвской губернии, о чем есть метрическая запись о рождении (4 июня) и крещении (5 июня) по Кравцовской Троицкой церкви за 1909 г. (тайство крещения совершил священник Александр Чесский с псаломщиком Тимофеем Шараховским)¹. Село в то время (1909 г.) было достаточно большим и преуспевающим — 2084 десятин земли, 185 дворов и 1142 жителя. В настоящее время село продолжает существовать, но живет в нем лишь 278 жителей. Семья отца по реформе П. А. Столыпина была переселена в Сибирь, в Омскую губернию. Там в 1928 г. отец встретил мою маму, уроженку г. Тара — Ольгу Федоровну Седых (Макарову), с которой прожил 47 лет. Кроме четырех лет войны мама всегда была рядом с отцом. Из 11 детей, родившихся до

|| Война в народной памяти

войны, к моменту ее окончания в живых остались только моя сестра Нина (1931 г.р.), большую часть жизни проработавшая в библиотеке, и брат Анатолий (1939 г.р.), ставший музыкантом и преподавателем (к сожалению, уже ушедший из жизни).

Музыка всегда звучала в нашем доме. Не имея музыкального образования, отец тем не менее играл на 18 музыкальных инструментах — скрипке, балалайке, мандолине, гитаре, пианино, аккордеоне, баяне, гармонике, гусялях, цимбалах и др. Одна из комнат нашей квартиры была целиком заполнена инструментами, и, когда в дом приезжали родственники, каждый из них мог выбрать свой инструмент. В 1967 г. отец принимал участие в торжественном концерте во Дворце съездов, посвященном 50-летию Октябрьской революции, где исполнял русские народные мелодии на гусялях, цимбалах и гармошке-«черепашке», а в следующем году представлял музыкальную промышленность СССР на выставке в Марселе: при этом образцы из СССР были расположены в двух больших залах советского павильона, и папа мог продемонстрировать, исполняя мелодии, любой из них.

Благодаря инициативе отца, где бы ни жила семья в доводенный период (Омская, Тюменская области, Крайний Север и др.), везде создавались музыкальные коллективы, которые участвовали во всевозможных конкурсах и смотрах. Одним из призов за победу в смотре 1929 г. были красные кожаные штаны, которые папа часто вспоминал с улыбкой. В семье хранились многочисленные грамоты за победу и призовые места. Отец работал счетоводом, председателем сельсовета. В должности председателя был арестован за то, что во время субботника в его руках сломался черенок лопаты, что было расценено как вредительство. Но поскольку грамотных в тот момент в этом пункте кроме него не было, его вскоре выпустили.

Н. А. Седых на лекции-концерте 16 декабря 1955 г.: исполнение мелодий русских песен на аккордеоне (слева) и цимбалах (справа)

5 сентября 1941 г. отец был призван в ряды РККА Берёзовским РВК Ханты-Мансийского национального округа Тюменской области (№ записи 19855283). С 15.02.1942 г. по 1.05.1943 г. он воевал на Калининском фронте, с 1.05.1943 г. по 20.09.1943 г. — на Брянском, с 20.09.1943 г. по 1.10.1943 г. — на Центральном, с 1.10.1943 г. по 06.1944 г. — на 1-м Белорусском фронте, с 06.1944 г. по 9.05.1945 г. — на 2-м Белорусском фронте. За участие в боевых операциях отец был награжден двумя орденами Красной Звезды, двумя медалями «За боевые заслуги», медалями «За взятие Кенигсберга», «За освобождение Варшавы», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», иностранной медалью и многими грамотами Верховного главнокомандующего. Дважды был контужен. Закончил войну отец в звании гвардии старшего лейтенанта в составе четырежды орденоносного 313-го полка гвардейских минометов — «катюш», но, как многие, после войны продолжал службу в качестве кадрового офицера на должностях начальника Дома офицеров, офицерского клуба и др. Нередко в Доме офицеров выступали известные артисты; в семье долго хранились пригласительные билеты с их автографами. Но, как и часть семейного архива, они были утрачены во время многочисленных переездов. А переездов было много: отец служил во многих местах Союза и за его пределами — в Забайкалье (станция Отпор на советско-монгольской границе), на Украине, в Молдавии и Казахстане (на поднятии целинных и залежных земель, о чем свидетельствует медаль), в Польше. Часто и сам папа выступал перед сослуживцами. Так, 16 декабря 1955 г. он выступил с лекцией-концертом на тему «Русская народная песня советского времени», сопровождая лекцию исполнением мелодий русских песен на аккордеоне, цимбалах, гусялях и гармошке-«черепашке».

В конце 1950-х гг. отец был демобилизован, и после кратковременного пребывания в Ленинграде семья переехала в Киров, где в то время в музыкальном училище обучался мой брат Анатолий. Кстати, среди его педагогов был Уно Йоханнесович Ярвела, впоследствии ставший художественным руководителем Эстонского национального мужского хора. В Кирове папа до конца жизни работал на фабрике музыкальных инструментов в должности начальника ОТК фабрики, где изготавливали в том числе так называемые готово-выборные, или концертные, баяны, отлично зарекомендовавшие себя за рубежом. Одновременно он руководил ансамблем русских народных инструментов и ансамблем гусляров Дома культуры профтехобразования г. Кирова.

Но вернемся к периоду войны. И на фронте отцом были организованы армейские ансамбли песни, пляски и музыки. «Нам песня помогала выжить и победить», — не раз говорил он. Ансамбли выезжали с концертами на передовую, аккомпанировали приезжающим артистам. Отец вспоминал, что в 1943 г., когда их часть уже была на территории освобожденной Белоруссии, к ним приезжали Клавдия Шульженко и «гвардии певица» Лидия Русланова.

Имея абсолютный слух, папа занимался музыкальной обработкой известных песен, мелодий, написанных сослуживцами, писал свои. В 1942–1945 гг. им было написано более 40 стихотворений, многие из них были положены на музыку и исполнялись однополчанами. Стихи посвящались отдельным датам или событиям. Например, «Воспоминание» о 5 сентября 1941 г. — дате отъезда на войну, «Новогоднее» — Новому, 1943 г., «Слава армии советской» — 25-й годовщине РККА, «Слава героям» — героически погибшим сослуживцам, «9 Мая 1945 г.» — Победе, были стихи по поводу получения боевых знамен или наград. Большинство стихотворений было отправлено в письмах к жене Ольге — моей маме и было посвящено ей, например, «Настанет день», «Гусли», «Не забывай», «Грусть» и др.

О письмах с фронта нужно сказать особо. Папа писал их маме, моей сестре Нине, моему брату Толе (тем, кто умел читать), писал каждому отдельно². В них он интересовался учебой детей, их здоровьем, тем, на каких музыкальных инструментах они научились играть. Письма, как и песни, поднимали дух советских солдат, укрепляли веру в нашу победу в самые тяжелые периоды войны. В письмах мы находим и описание картин разрушений, оставленных отступающими фашистами. Так, в одном из писем отец описывает г. Карабев Брянской области, освобожденный 15 августа 1943 г.: на территории города фашистами были устроены два концлагеря, а из 800 домов в городе едва осталось 200.

Ушел из жизни папа в конце 1975 г., в год 30-летия Победы. В тот год 9 мая, как всегда в этот день, мы с отцом проходили по улицам города. И многие встречные улыбались ему и дарили цветы.

Ниже публикуются стихи и песни отца из тетради, хранящейся в семейном архиве. Возможно, что тексты были переписаны отцом в тетрадь вскоре после окончания войны, так как на последующих страницах есть записи афоризмов, которые сделала моя мама; они датированы 1947 г. С другой стороны, в этой же тетради есть записи о том, кому и когда папа отправлял письма; записи датированы январем–маем 1945 г.

Орфография и пунктуация оригинала приведены к литературной норме, в примечаниях приводятся исправления, вносившиеся автором по прошествии времени.

ВОСПОМИНАНИЕ

о 5.09.1941 г.

Вчера, сегодня, вечерами
Тебе уделю время я,
Закончив с текущими делами,
Пишу стихи я для тебя.
Тебе в стихах напоминаю
Прощальный день отъезда мой,

Тебя в стихах припоминаю

Стоявшую на пристани с толпой.

То был началом войны год суровый.

Зверье фашистов ворвалось к нам в страну.

Я ждал повестку и был готовый

К защите Родины — поехать на войну.

Приказ о призывае встретил³ достойно,

В борьбе с врагом нужна сила вдвое,

И в путь далек шагал я стройно

Громить врага — родной помочь⁴ стране.

Я помню тяжкий час разлуки,

Уже взошла вечерняя заря,

Все, прощаюсь, протягивали руки,

Было это 5-го сентября.

* * *

Настанет день разгрома оккупантов,

Землю очистим от Ленинграда до Кавказа,

Сотрем с лица земли людских спекулянтов,

Узнает нашу мощь фашистская зараза.

В тебя по-прежнему я верю неизменно,

Со мной ты связана своей судьбой,

Моя любовь к тебе нетленна,

Буду всегда ее носить с собой.

Привет вам всем я посылаю,

Здоровья крепкого тебе желаю,

Одной мечтой мы заняты с тобой:

Разбить врага, вернуться мне домой.

А если не удастся мне вернуться,

Пуля врага ль, снаряд сразит меня,

Желаю жить, работать и учиться,

Любимой быть таким, как я.

17.08.1942 г.

НЕ ЗАБЫВАЙ

20.08.42 г.

Дарю тебе, моя подруга,

Я свой образ фронтовой.

Может быть, в часы досуга

Напомню прошлое собой.

Не забывай, что между нами было,

Не забывай минувшие те дни.

На эту карточку украдкой

Хотя разок когда взгляни.

Пусть это фото моей службы

Будет памятью всегда

В знак бесконечной нашей дружбы,

Не нарушимой никогда.

ГРУСТЬ

25.08.42 г.

Проходят годы безвозвратно,

Но продолжаю я грустить.

Ты ждешь меня, мой друг, обратно,

Не в силах мы в разлуке жить.

Проходят годы безвозвратно,

Но будет время наших дней,

Свои года вернем обратно,

Построим жизнь мы вновь полней.

Хожу ль я по лесу тропой,

Всегда вас вижу пред собой.

Ведь все мы вместе, и душой

Живой мы связаны одной.

Возможно, счастлив буду я

Вернуться к вам, семья моя,

Пред вами заново представь

И всех по-прежнему обнять.

Лес Барсукы [у д. Барсукы Нелидовского р-на Калининской обл.]

II Война в народной памяти

ГУСЛИ

(для Олечки)

27.08.42 г.

О гусли! радость дней моих,
Звучите силою в войне,
Чтоб в унисон звуков твоих
Знакомый голос доносился мне.
Живи счастливо — песни пой,
Игрой на гуслях сопровождая,
Чтоб здесь на фронте голос твой
Я слышал его, не забывая.

МЫ ПОБЕДИМ⁵

24.11.1942 г.

Беснуясь, фашисты пуляли по Кавказу,
Десятки дивизий бросали вперед.
Они, не щадя своих сил по приказу,
В наш Сталинград намечали свой вход.
Защитники города, борясь без отказа,
Приказ выполнили — «Ни шагу назад!»
Вручила им Родина ключ от Кавказа,
Которым для фрицев закрыт Сталинград.
Стойко, упорно *Сталинской*⁶ волей
Красная армия сдержала врага,
Окружила в кольцо противника⁷ боем,
Смертельный удар нанесла им она.
Враг был под Москвой — но⁸ставил задачу
Летом в июле войти в Сталинград.
Забыв под Москвой свою неудачу,
Он вспомнил, сейчас удирая назад.
Мы победим, под водительством Сталина
Очистим мы Родину, и прежде всего
Государство фашистское будет раздавлено
И с ним уничтожен вдохновитель его.
И снова всю Родину обнимет лучами
Красного знамени света нежней.
Все люди свободные петь будут с нами
На улицах гимн победы своей.

НОВОГОДНЕЕ

1 янв. 1943 г.

(в письмо к жене Олечке)

Лунной ночью в мороз суровый
По вершинам снежным шел,
Сорок третий год счастливый
На смену старому пришел.
Я сорок третий год встречаю
Как силу новую свою.
Встречу прошлых вспоминаю,
Любовь и ласку ко мне твою.
С Новым годом поздравляю
Тебя, любимую свою,
Счастливо жить весь год желаю,
Хранить в душе любовь мою.

СЛАВА АРМИИ СОВЕТСКОЙ⁹

23.02.1943 г.

(К 25 годовщине РККА)

Просчитался враг проклятый.
Хотел он Родины моей,
Хотел земли русской богатой,
Нашел могилу только в ней.
Воевали ведь когда-то
Русский с немцем, и всегда
Слава русского солдата
Не терялась никогда.

Он славу русского солдата
Хотел позором осквернить,
Забыл про то, что ведь когда-то
Не мог Россию победить.

И теперь в войне священной
С волей *Сталинской*¹⁰ идет
Наша армия со славой,
Победу над врагом несет.
Красной армии — победы.
Не страшны мороз, снега.
Идет армия со славой
Вперед смело на врага.

Смел стрелок и пулеметчик,
Отважен и танкист в бою,
Артиллерист и минометчик —
Имеют славу все свою.
Читать историю мы будем,
Героев встретим имена,
В боях их храбрость не забудем,
Слава о них будет всегда.
СЛАВА армии советской
Не померкнет никогда.
За разгром банды немецкой,
За победу навсегда.

В БОЙ ЗА РОДИНУ¹¹

25 июля 1943 г.

Боевое знамя нам страна вручила,
С ним в боях за Родину гордо мы идем.
Знамя — это честь наша, знамя — это сила,
Высоко мы знамя в дни боев несем.

*В бой за Родину, в бой за Сталина*¹²
С боевым мы знаменем пойдем,
*И со Сталинским*¹³ красным знаменем
Родине победу принесем¹⁴.

Боевое знамя у нас, артиллеристов,
Вручено в июльские жаркие бои.
В раскаты грома пушек и огонь танкистов
Знамя как святыню мы вперед несли.

[Повтор призыва.]
Знамя — это клятва нашему народу,
Знамя есть присяга каждого бойца,
Знамя нам поможет принести победу,
Будем беречь знамя наше до конца.

[Повтор призыва.]
Так дадим же клятву Родине любимой
Крепко держать знамя с врагами в бою
И как символ чести, доблести и славы,
С ним освободим мы Родину свою.
[Повтор призыва.]

Примечание: Эта песенка на мотив в «Бой за родину» написана мною в знак получения нашим 936 арт. полком боевого знамени 22 июля 1943 года в районе Похомовой на Орловском направлении 70 км от гор. Орел, вручение знамени происходило в лесу 3 км от д. Похомовой. Получал знамя Подполковник Т. Озирный.

СЛАВА ГЕРОЯМ

10 августа 1943 г.

Кто не помнит Джиккия, отважного воина,
Поднявшим [так!] в атаку пехоту бойцов?
Он сражался с вражьей силой удвоенной
И с ним Марковец, вспомним их, храбрецов.
Геройски погибли в деревне Подузовой,
Им вечная слава, отважным сыном.
Разбили врага за деревню со славой,
Посмертно представили их к орденам.
И Мамонтов орден¹⁵ носит¹⁶ недаром:

Песня о 19-м Гвардейском Севастопольском Краснознаменном полку («Севастопольская»). Слова гвардии сержанта Шиболовского, мелодия гвардии капитана Несимбайма, музыкальная обработка гвардии старшего лейтенанта Седых Н. А. Рукопись 1946 г.

Честью¹⁷ сражаясь за землю свою,
Прямою наводкой и метким ударом
Сбил он два танка вражьих в бою.
Таких сынов много отважных и смелых
В рядах нашей армии славной в бою.
За Родину подвиги храбрых, умелых
Впишет история в страницу свою.

Примечание: Это стихотворение написано в память героически погибших Лейтенанта Джкия и ст. Сержанта Марковец задер[евню] «Подузово» при инициативном наступлении с пехотой 1210 с.п. 362 с.д. Эти два героя подняли в атаку б[атальо]н бойцов, и деревня была занята.

ГОД ВСТРЕЧИ 1945

(в письмо к жене Оле)

1 янв. 1945 г.

Еще в разлуке мы сегодня,
Родная Олечка, с тобой;
Но в этот вечер новогодний
Ты, как всегда, на стол накрой.

И на моем обычном месте
Поставь ты рюмочку свою,
Как будто я с вами вместе
За твоё здоровье водку пью.

В огне войны мы оценили
Покой и радость прошлых дней
И то, как счастливы мы были
Среди любимых нам детей.

Но знай, настанет скоро час,
Встреча наша сбудется,
Устроим праздник мы у нас
По всей Богульской улице.

— N —

9-Е МАЯ 1945 г.

Выше знамя победы подымайте,
Враг разгромлен, разбит навсегда.
Победный гимн веселей запевайте.
Мы с победой! с нами Сталин всегда.

Мудрый Сталин привел нас к победе,
Знамя вождя поведет и в труде,
Имя Стalinina в нашем народе
Навсегда будет с нами везде.

Настал день — победными лучами
Объята вся Родина света нежней,
На улицах песни поют вместе с нами
Народы счастья победы своей.

Выше знамя победы подымайте
За Красную Армию, Русский народ,
Бокалы вина полней выпивайте
За Стalinina мудрого, за счастье вперед.
28 мая 45.

Примечания

¹ Национальный Исторический архив Беларуси. Ф. 2301.
Оп. 13. Д. 105. Л. 617об.-618.

² К сожалению, большая часть писем, отправленных в адрес папы, была уничтожена во время одной из бомбёжек в конце войны.

³ Вставлено: «я».

⁴ Над «помочь» надписано 1, над «родной» — 2.

⁵ Стихотворение исполнялось как песня.

⁶ Исправлено на «героической».

⁷ Вставлено: «с».

⁸ Вставлено: «и».

⁹ Стихотворение исполнялось как песня.

¹⁰ Подписано сверху: Красным Знаменем.

¹¹ Стихотворение исполнялось как песня. Об этом отец пишет моей сестре с фронта: «Ниночка, я тебе перепишу песенку, которую я написал сам о боевом знамени, врученной нашему полку во время боев 24 июля 43 г., и сейчас эту мою песню разучивают во всех подразделениях и поют. Петь нужно на мотив "В бой за Родину". (Вероятно, имеется в виду песня «В бой за Родину», слова Л. Ошанина, музыка З. Компанейца. — Примеч. ред.)

¹² Исправлено на «за страну советскую».

¹³ Исправлено на «С боевым мы».

¹⁴ В письме с фронта последние две строки призыва: «И за Родину, и за Стalinina / Мы в руках со знаменем умрем».

¹⁵ Дописано окончание «».

¹⁶ Исправлено на «достоин».

¹⁷ Исправлено на «Геройски».

Наталья Юрьевна Данченкова,
канд. искусствоведения, Гос. ин-т искусствознания (Москва)

ПАМЯТЬ О ВОЙНЕ В ПРИЧИТАНИЯХ М. А. КОРОЛЁВОЙ (с. Татарово Владимирской области)

Одним из центров старинной фольклорно-музыкальной культуры Муромского края (Владимирская область) является село Татарово. С особым тщанием здесь хранили традицию обрядового похоронно-поминального плача. За время полевой работы¹ была обнаружена целая плеяда замечательных плачальщиц, заслуживших своим мастерством уважение односельчан. По неписанным местным правилам уметь причитать по своим родным должна была каждая женщина. К покойному приходили все, кто умел причитать, и плакали над ним (отсутствовал обычай нанимать плачальщиц). На этом фоне мастерство настоящей плачей обнаруживало себя способностью сопроводить плачом всю последовательность погребального ритуала, находя особо проникновенные слова, воздействующие на сердце каждого слушателя.

В творчестве Марии Алексеевны Королёвой², выдающегося мастера похоронного плача, активной участницы татаровских домашних молений по усопшим, в прошлом читалки, были свои приемы, производившие неизменно сильное эмоциональное впечатление на участников погребальных обрядов.

Так, М. А. Королёва почти всегда обращается к умершему по имени или

имени-отчеству. Именно это придает необычайную задушевность и непринужденность ее плачам, позволяя свободно разворачивать мотивную композицию. Вместе с тем называние по имени имеет важное значение для запоми-

нания, утверждения в сознании живых памяти об усопшем.

Функции сохранения памяти усопшего подчинено и другое важнейшее средство плачевой поэтики М. А. Королёвой. С большим мастерством плачая вплетает в свои причетные тексты разнообразные реалии, относящиеся к жизни или смерти того или иного оплакиваемого ею лица, позволяющие выделить индивидуальную судьбу конкретного человека и тем самым запомнить его. Так, в причитания М. А. Королёвой проникала и обрела статус памятного знака тема войны.

Причтание отца по дочери (часть 1)

The musical score consists of two staves of music. The top staff starts with a treble clef, a key signature of one sharp, and a tempo of approximately 176 BPM. The bottom staff follows the same key signature and tempo. The lyrics are written below the notes, corresponding to the melody. The music is characterized by its rhythmic complexity and emotional expressiveness, typical of traditional Russian folk music.

Война в народной памяти ||

Причтение отца по дочери (часть 2)

о, при - ши_бл_о тру_бой.

Ни мог - ла ты, не ус_пе - ла,   О, тру - бу ски - нуть сли_ни - и,

И сши_бл_о те _ бя, до _ чень_ка

О, ни да - вали мы,   э, на те _ бя ве - тру ду - ну - ти,

О, со_хра_ня - ли   у - то всё - во те - бе,

А те _ перь как нам бу - дет,   э, до_чень - ка

Ну - ка, не ус_пе - ла ты

тру_бу ска - тить,   свалить   с э_той ли - ни - и,

И те _ бя,   ну - ка,   ой - дё, при_шиб - ла,

те - бя, до - чень - ка.

Со - хра - ня - ли,

спас - а - ли мы,

Один пример такого плачевого «памятника-надгробия» — причитания М. А. Королёвой по ее племяннику Александру (Санке, как она его называла), в молодости сражавшемуся на фронтах Великой Отечественной войны, получившему ранения, имевшему проблемы со здоровьем до конца жизни. В наиболее полном виде тема войны была изложена М. А. Королёвой в причитании, которым плачая сопроводила установку памятника на его могиле:

Сашенька, как ты прожил жизнь,
Как ты военные годы тяжёлый,
Как ты был на войне, как ты мучился,
Стрелял ты из пушки-ти зенитки,
Как тебе это досталось.

Как сшибло тебе,
Самолёты сшибло тебя —
И не помнил ты.
Указался ты в госпитале,
Указался ты в плену в тяжёлым,
В котором ты находился-мучился,
Как тебе эта война досталаса...³

Однако отдельный (концевой) мотив этого плача М. А. Королёва использовала ранее, в один из самых драматичных моментов похоронного ритуала — при выносе покойного из дома:

...Укатаисса, Сашенька,
Далёко ль ты уходишь из высока терема?
Уставляешь ты и всех родных.
Что тебе здесь не понравится.

На что же ты так обиделся?
Уходишь ты в последнюю путь,
Далёкая сторонушку.
Уходишь ты в могилушку
И не придёшь больши, ни воротисса.
Уж тебе тама будет наверна,
Уж не знай, как на твоё, на твоё поведение,
Уж что должно место припасёна,
Уж должно тебе оно хорошея,
Уж не мучительна.
Как ты мучился,
На войне ты как страдал-мучился,
Как тебе ета тижоло досталоса⁴.

По поводу этого плача М. А. Королёва заметила: «Вот так вот ды уж и [о]сталось [в памяти] и не забывал[а]». Мотив страданий на войне возник в этом плаче потому, что М. А. Королёва стремилась сильнее разжалобить и заставить громко плакать ближайших родственников Александра, уже совсем разучившихся причитать: «Вот я, например, вот, [о]не стали выносить, вот, Сашу, — оне нект[о] [не причитают], жена, Нина-дочь, Люся-дочь, сёсра Нюра, сёсра Валя. А я — тётка ёму, я шестая... Нект[о], ничёво! Я гляжу — ну, ба-а, это бы и ничёво. Я одна вопила, они никто ни умеют, только так, это, только так и вонпит так они, а нект[о] словá [не говорит]...»

Другой пример — чужой плач, услышанный М. А. Королёвой в молодости и воспроизведенный ею по памяти (см. нотировку). Как и большинство народных певиц, особенно опытных плачальщиц, М. А. Королёва обладала способностью запоминать поразившие ее произведения. Во время войны, работая на торфоразработках, она стала свидетельницей несчастного случая: молодая девушка упала с движущейся грузовой платформы и погибла под колесами поезда. За погибшей дочерью приехал отец и оплакал ее с причитаниями. По свидетельству М. А. Королёвой, мужчина прочитал «на голос», т.е. мелодически интонируя текст (нотная запись подтверждает типологическую нормативность этого исполнения). Замечу, что подобное свидетельство для муромско-рязанской зоны не единично. Судя по причитанию, исполненному М. А. Королёвой, в ее память врезался фрагмент плача отца, непосредственно связанный с трагическим событием. Вероятнее всего, целостную форму она довоссоздала сама, дополнив недостающие звенья с помощью вариативных повторов основных мотивов, включения некоторых собственных излюбленных оборотов (например, «лютой смерти», «сгубившей такую красавицу») (мелодекламация):

Ой, мила доченька!
Как мы тебя жалели,
Как тебя хоронили-спасали,
Ни давали на тебя ветру дунути.
А ну-ка как тебе, о, присицблю трубой.

|| Война в народной памяти

Причитание отца по дочери (часть 3)

А ну - ка как при_шлос те_бе,
Ой, ка - ка - я судьба,
а вид - на те - бе,
о, при - сто - я - ла!
Вид . но, мы не зна - ли.
Ош, ка - бы зна - ли мы,
Уш ни пу - сти - ли бы мы те_бе, о, те - бя, до - чень - ка.
Ну - ка как, как те_бе,
ой, ка - ка - я при - шла, ой, смерть лю - ты - я,
Ой, не жда - на и не га - да - на.
О, сва - ли - ла, ой, те_бе смерть лю - та - я,

Ни могла ты, не успела,
О, трубу скинуть с линии,
И сшибло тебя, доченька...
О, ни давали мы, э, на тебя ветру дунути,
О, сохранили уто всёбó тебе,
А теперь как нам будет, э, доченька?
Ну-ка, не успела ты
Трубу скатить, свалить с этой линии,
И тебя, ну-ка, ой-де, пришибла, тебя,
доченька.
Сохранили, спасали мы,
А ну-ка как пришлос тебе,
Ой, какая судьба, а виднá тебе,
о, пристояла!
Видно, мы не знали.
Ош, кабы знали мы,
Уш ни пустили бы мы тебя, о, тёбя,
доченька.
Ну-ка как, как тебе,
Ой, какая пришла, ой, смерть лютия,
Ой, не ждáна и не гáдана.

О, свалýла, ой, тебя смерть лютая,
Ни ужаснуласа, не роскаилас,
О, сгубила тебя, доченька.
Ни ужаснулоса, ни роскаила(с),
Ой, сгубить такую красавиц⁵.
Ой, в сё-дню...
Ой, красавицу, ой, распрекрасною.
А у нас ты была одна единая, ~
И спасали уто всёбó тебя, моя милая
доченька.
Ой, как теперь...
У нас никово без тебя не осталоса, моя
милая...
Не давали ветру дунути, спасали,
сохраняли.
Ой, послали а тебя мы а с подругами —
и ты поехала.
Оне остались все живыи —
А тебя ну-ка смерть лютая от заставила
От тут помереть, у линии,
И не видали мы, ой, как ты, милая, как
ты валяласа.
Смерть лютая подкосила тебе
ноженьки, моя милая,
И упала ты на сырью землю.

Примечания

¹ 1987–2001 гг. О. В. Гордиенко, Н. Ю. Данченкова.

² Род. в 1914 г. Записи осуществлены О. В. Гордиенко, Н. Ю. Данченковой в 2001 г. Материалы личного архива автора, 2001. О М. А. Королёвой и ее плачевом творчестве см. подробнее: Данченкова Н. Ю. Народная религиозность и поэтика причитаний. Мастерство плачей. Плачи М. А. Королёвой // Религиозный опыт народной культуры. Народная вера и народное творчество / Ред.-сост. Н. Ю. Данченкова, А. В. Часовникова. СПб., 2011. С. 34–121.

³ Причитание произнесено «на речь» (декламировалось с отсутствием звуковысотно-мелодического компонента).

⁴ Причитание произнесено «на речь».

⁵ Конец нотации. Дальше — просто декламирует, соблюдая метро-ритмическое членение, но без мелодического интонирования.

Причитание отца по дочери (часть 4)

Ни у - жас - ну - ла - са, не рос - ка - и - лас,
О, сгу - би - ла те - бя, до - чень - ка.
Ни у - жас - ну - ло - са, ни рос - ка - и - ла(с),
Ой, сгу - бить та - ку - ю кра - са - ви - цу.

СТИХОТВОРНАЯ МЕМУАРИСТИКА Н.А. ВЕТРОВОЙ

Надежда Александровна Ветрова родилась 30 декабря 1931 г. в семье служащего. Ее родители Александр Никитич (род. 15.08.1902, д. Ферязкино, ныне Калининского р-на Тверской обл.) и Мария Петровна (род. 19.02.1902) Никитины с 1923 г. работали в открывшейся государственной чайной. Потом Никитин работал председателем райпотребсоюза, заведующим райфинотдела в районном центре — с. Тургинове. В 1937 г. его избрали председателем профсоюза финансово-банковских работников, но вскоре предупредили о предстоящих репрессиях. Вечером он уехал из Тургинова в Калинин, а ночью арестовали все руководство района.

Весной 1941 г. его родной брат Василий был призван в Красную армию. Провожая его, Никитин сказал: «Служи честно, но запомни: что бы ни случилось, в плен ни при каких условиях сдаваться нельзя». Последняя пуля для себя». Эта позиция объясняет, почему погиб сам Никитин (см. об этом далее). Василий же (ум. 1992) служил на границе и попал в плен, вернулся домой из плена в 1945 г.; он говорил: «Там нас истязали как коммунистов, здесь — как фашистов». Не вернулись с войны мужья двух сестер А. Н. Никитина, два брата жены. Перед оккупацией Калининского района двоюродный семилетний брат Ветровой лежал в больнице села Пушкино Калининской области; всех больных эвакуировали, но судьба их неизвестна.

В начале войны М. П. Никитина была в санатории для больных туберкулезом; две младшие дочери, Лида и Надя, у бабушки в деревне на каникулах; сам Никитин и его старшая дочь Нина — в Калинине. Никитина мобилизовали 12 июля 1941 г.: он был старшим лейтенантом, начальником полевой кассы. Дивизия формировалась в Калязине, 12 августа она была уже в Брянске. Никитин очень беспокоился о семье и помогал ей финансово. Последнее письмо отца из Брянска датировано 27 сентября.

С 1942 г. Мария Никитина запрашивала разные инстанции о судьбе мужа, но так ничего и не узнала. Вместе с Никитиным воевал брат Марии Семен Чернышов (впоследствии пропал без вести под Ржевом); по его словам, когда дивизия попала в окружение, командир и Никитин что-то закапывали в лесу, а потом раздались выстрелы, и Чернышов решил, что они застрелились, чтобы не попасть в плен. Ветрова говорит: «Над кроватью нашей мамы всегда висел портрет папы. В тяжелые

и радостные дни она всегда обращалась к нему. Всю жизнь она ждала его и посвятила себя детям и внукам. И в 1984 г., будучи тяжелобольной, сказала нам, чтобы мы не разлучали их и после смерти. Попросила поставить памятник на двоих. Так мы и сделали. Поставили на маминой могилке гранитный памятник небольшой, прикрепили две керамические карточки и сделали две надписи: «Никитины: Мария Петровна, 1902–1984 гг. Александр Никитич, 1902–1941 гг.» Они вечно с нами».

14 октября мать с дочерьми ушла из Калинина. В поселке Горицы (ныне Кимрский р-н) ее уговаривали ехать дальше, но она боялась, что из-за болезни не доедет и дочери останутся одни. Вскоре через село Завидово мать с дочерьми перебрались к бабушке в Ферязкино, куда в тот же день вошли немцы. После освобождения Калинина мать, инвалид II группы, жила в Калинине с дочерью Ниной, работавшей в Госбанке. Лида и Надя жили у бабушки в деревне. С 1944 г. Лида училась в финансовом техникуме в Звенигороде.

Надежда Александровна Ветрова с 1945 г. училась в школе в Калинине, а с 1946 г. работала в Госбанке: учеником, счетоводом, бухгалтером, экономистом. С марта 1963 г. она работала на заводе электроаппаратуры начальником машиносчетного бюро, а завершила работу на комбинате «Искож» начальником финансового отдела. В 1998–2007 гг. Н. А. Ветрова была членом Совета ветеранов Московского района Твери. До сих пор она является председателем клуба «Ветеран». Ансамбль этого клуба «Метелица» выступал с концертами перед ветеранами войны и труда, перед школьниками¹.

Кроме того, Н. А. Ветрова часто выступает с воспоминаниями о военном времени перед школьниками². В процессе этих выступлений оттасчивались речевые формулы, которые с течением времени приобрели стихотворную форму. Все стихотворные сочинения Ветровой делятся на два типа. Одни из них опираются на коллективную память, речевые клише и идеологические стереотипы; эти тексты написаны в обычной стихотворной манере (силлабо-тоническим стихом), хотя и неумело. Два из них («Рябины старые грустят» и «Я хочу сказать о неоплаканных...») опубликованы³. Эти тексты достаточно трафаретны. Более оригинальны сочинения, в основе которых лежат собственные воспоминания Ветровой о детстве и войне. Они созданы в ра-

ешной манере, в них стихотворные фрагменты прорастают из прозаического текста, а прозаические вставки (уточнения, расшифровки непонятных, по мнению Ветровой, слов, явлений) вклиниваются в стихотворный текст. Все эти процессы можно проследить, если сравнить эпизод из публикуемого ниже стихотворного текста «Моя строка в летописи Твери» и соответствующий ему фрагмент из прозаических «Воспоминаний об отце»:

В скром времені отца перевели в районный центр Тургиново, сначала председателем райпотребсоюза, затем назначили заведующим райфинотдела. В 1937 году его избрали председателем обкома союза финансово-банковских работников. Он чудом избежал репрессии. Однажды его предупредил хороший друг: «Раз выбрали, сегодня же уезжай, чтобы в эту ночь здесь не было тебя». И вечером он уехал в Калинин. А в эту ночь было арестовано всё руководство района. И никто не вернулся.

С другой стороны, прозаический финал текста «Моя строка в летописи Твери» соответствует стихотворному фрагменту из «Баллады о Великой Отечественной войне»:

Наша зимушка-зима
Немцев невзлюбила:
Морозиком ударила,
Кутаться заставила.
«Матка, курка!
Матка, яйко!
Ну а что там в сундуке?»
Обобрали все тряпье
И навешали себе.
Нарядились словно пугала,
Куда девалась стать?
Все накутано, намотано,

Н. А. Ветрова. 2010 г.

II Война в народной памяти

И фрица не видать.
Отступали, огрызались,
Жгли деревни, города,
Драпали лесами, болотами,
Где никогда не ступала человека нога⁴.

Очень часто раешное строение стиха сменяется более строгой упорядоченностью силлабо-тонического типа, хотя никогда эта тенденция не приводит к формированию строго завершенной силлабо-тоники. Важной особенностью этих текстов, как принадлежащих фольклорному сознанию, является неустойчивость (или подвижность, вариативность) их словесного оформления. Четыре текста: «Баллада о Великой Отечественной войне», «Моя строка в летописи Твери», «Воспоминания об отце» и «Воспоминания о войне Ветровой Надежды Александровны 1931 года рождения»⁵ — всё время как бы пересекаются друг с другом, одни и те же эпизоды в одном и том же (или весьма близком) словесном оформлении переходят из одного текста в другой. С литературной точки зрения Ветрова никак не может завершить работу над воспоминаниями, постоянно совершенствуя свой текст и создавая всё новые варианты. С этой же точки зрения тексты Ветровой следует признать несовершенными и непригодными для печати. С фольклорной (наивной) же точки зрения их следует осмысливать как варианты некоего инвариантного воспоминания о войне, которые невозможно свести в один однозначно завершенный текст; с этой же точки зрения тексты Ветровой вполне самодостаточны и соответствуют той задаче, которую ставит перед собой автор; именно поэтому их хотелось бы называть наивной поэзией.

Ниже мы публикуем два текста: фрагменты из воспоминаний «Моя строка в летописи Твери» и стихотворение «Пропавшему без вести отцу». Текст «Моя строка в летописи Твери» датирован в рукописи 10 июля 2009 г., но эта дата указывает, когда материал был передан в руки собирателя, а не когда он был создан.

Тексты даны в современной орфографии и пунктуации, деление на стихотворные строки принадлежит публикатору.

МОЯ СТРОКА В ЛЕТОПИСИ ТВЕРИ

Папа работал в Тургиново, районном центре Калининской области (теперь Калининский район, Тверская область) заведующим райфинотделом.

Мама растила детей счастливо, дружно жили, честно трудились. Было три дочери: Надя, Нина и Лида.

Семь лет исполнилось старшей дочке, и вдруг нагрянула беда:

дифтерия в дом проникла, за одни сутки Надю отняла. Им в горе том никто не мог помочь. Через два месяца у них еще родилась

дочь.

Всем селом ей имя подбирали, и ничего лучше не нашли, дочки Надеждо называли. Отец в то время в командировке был. Какая же была обида, когда узнал он дочки имя!

Ребенок жил и подрастал, по имени ее никто не звал. И долго не была поставлена на этом

точка,

ребенка звали просто дочка. Но время ведь залечивает раны. Конечно, горе не забылось, оно немного притупилось, и имя девочки прижилось.

Наша семья чудом избежала репрессий. В районе папа работал заведующим

райфо.

Был умный, трудолюбивый, во всём показывал пример, и в 1937 году был избран

председателем обкома профсоюза ФБР (финансово-банковских работников).

Однажды днем хороший друг отца предупредил, и не шутя: «Коль выбрали, так срочно уезжай, чтоб в эту ночь здесь не было тебя». А в эту ночь страшное случилось: арестовали района руководство всё, куда-то быстро увезли, и с этим сгинули они.

Уехал наш отец один в Калинин, что сейчас зовется Тверь. Освоился с работой быстро, пора и сёму вывозить теперь. И тут беда у нас случилась: мама сильно заболела. Папа на лечение ее в Калинин вывозил, а в скором времени жилье он получил

(28 марта 1938).

Мы на подводы погрузились и в ночь в путь отправились. Всю ночь мы ехали во мгле, и вдруг на Гришкиной горе Калинин появился перед нами, весь город озарен огнями. На новом месте быстро мы обжились, с соседями познакомились, с ребятами

подружились.

Мама наша всё болела, здоровье ее с каждым днем ухудшалось, И до последнего денька совсем немножечко оставалось. Врачи, сестры и санитарочки знали, что мама должна умирать, и не могли сдерживать слез, когда мы приходили ее навещать.

Год 1941 шел. Возраст наш был небольшой: 36 лет на всех троих:

Нине — 15, Лиде — 11, мне — 10, я самая младшая из них.

И лечащий врач сказала маме, что она не может держать ее в этой палате, что должна перевести в отдельно стоящее здание для слабых больных

при городской больнице (оно было окрашено в красный цвет). Мама сказала врачу: «Разрешите мне помыться, и тогда в красный домик пойду».

Маму напарила, намыла медсестра, врач натерла спиртом ее сама.

И что же случилось?

Легкие маминые задышали, лицо ярким румянцем залилось, и медработники удивились!

Через неделю ей опять учинили помывку такую, мама пошла на поправку

и на всю жизнь поверила в спиртовую процедуру.

Вскоре маму выписали из больницы, была она дома, а в больницу ходила только лечиться.

Заканчивался учебный 1940–41 год. Меня и среднюю сестру отправили к бабушке в деревню на каникулы, мама уехала в санаторий «Черногубово», в Калинине остались папа и старшая сестра.

Наша деревня большая была, в ней было 250 домов, было много молодежи и детей.

Вокруг деревни было много земли с распаханными полями, все засеяны зерновыми культурами, овощами.

Во все времена в деревне была нужна каждая рука.

Вся молодежь, дети и приезжающие на каникулы, в отпуске привлекались на сельские работы: сущили сено, пропальвали овощи, теребили лен, и многие другие заботы.

В сельском совете, получив известия о войне, тут же разослали вестовых верхом на лошадях по всем деревням своего округа. Телефонов и другой связи между деревнями не было. Вестовой заехал к нам на поле, сообщил и уехал дальше. Мы сразу побежали домой, было очень тревожно. У сельсовета стояли люди и слушали радио, что висело на столбе. Член правительства Молотов Вячеслав Михайлович обратился к народу страны:

«22 июня 1941 года в 4 часа без объявления войны, несмотря на десятилетний договор о ненападении, огромной мощью техники и живой силы немецкие захватчики вторглись в пределы нашей страны. Встанем как один на защиту родины, дадим отпор агрессору! Наше дело правое! Враг будет разбит! Победа будет за нами! Всё для фронта, всё для победы!»

И народ встал. ...»

Мы бежали из Калинина, а нам на встречу ехали в город мародеры на пу-

стых телегах в галоп. Вот так мы добрались до Гориц.

Маме сказали, что надо эвакуироваться дальше, что немец таким напором идет, что может и сюда прийти. Но мама сказала, что у нас нет ни одной рабочей руки: сама больная, свои кости раскидаю и детей растеряю, и сил больше нет. Нас отвезли за 10 километров от Гориц в деревню Кощеево, там нам дали рожь, которую мы смололи на жерновах в муку, картошки и молока.

Вскоре мама со старшой нашей сестрой пошли в Горицы получать папину зарплату, и повстречались им солдаты из рабочего батальона. Они шли в Завидово и позвали нас с собой. Из Завидова мы могли дойти до бабушки. Из всей муки мама наклеяла хлеб, разложила в мешки мужчинам. И мы отправились дальше по проселочной дороге, по болоту. На второй день к ночи мы подошли к Волге. Нас мужчины устроили на ночлег, сами сразу переправились через Волгу, и с ними мы расстались. Но они договорились с перевозчиком, чтобы нас рано утром перевез через Волгу. В светлое время суток переправу обстреливал немецкий десант.

На ночлег нас пустила бабушка, вкусными щами накормила, мягко постель постелила. Очень плакала она: в Ленинграде у нее жила дочь с двумя малолетними детьми, и от них не было вестей. А в это время немцы уже окружили Ленинград, наступили тяжелые блокадные дни, блокада продолжалась 900 дней. Поплакали мы с ней, погоревали и запомнили навек, что на нашем сложном, тяжелом пути попался хороший, добрый, отзывчивый человек.

Рано утром нас перевезли через Волгу. Только мы пришли к бабушке, а тут и немцы пришли.

Ходили, скитались и в оккупации оказались. Немцы наступали, веселились, песни пели и ревились, животных, кур, улья отбирали, все, что сварено, прямо из котла руками съедали.

Одеты были в шинели, картузы, в хромовых сапогах и с гармошками в губах. Они шли на Москву. Останавливались на ночлег — выгоняли всех из дома, а иногда разрешали быть на кухне и на печке: печки в деревне большие, на них умещалось по несколько человек.

Наша зима немцев не возлюбила: морозиком ударила, кутаться заставила. Стали отбирать все теплые вещи: платки, шарфы, кутались, как пугала.

У нас с сестрой были зимние шапки из меха с длинными ушами. Однажды я вышла из дома, и немец увидел меня, вытянул руку, чтобы снять с меня шапку. Я убежала. Дома у нас стояли офицеры немецкие, и он за мной не побежал. Но зато долго-долго мне снился сон: сильно увеличенная, большая вытянутая рука.

ПРОПАВШЕМУ БЕЗ ВЕСТИ ОТЦУ

Где ты лежишь, погибший мой отец?
И где твои награды боевые?
Где ты нашел на той войне свой
жизненный конец?

Куда мне принести цветы живые?

О, как же горько было без тебя!
С каким трудом нас мать троих растила!
Смотреть на то невыносимо было,
Хоть жили мы, трудясь и жизнь любя.

Ни та, ни эта власть не помогли.
Мы голод и гоненье знали.
Кто жил с отцом, те счастье знали,
А мы все выживали, как могли.

Ведь ты за счастье наше воевал,
Свою жизнью заплатил за это.
Отцовской ласки, мудрости, привета
Всю жизнь из нас троих никто не знал.

На войне отец был старший лейтенант.
Он был прекрасным сыном, и отцом,
и мужем.
Старушка мать, жена больная, трое нас
(десять, двенадцать, пятнадцать лет).
Ох, как же был нам всем он нужен!

И беженцами были мы, и в оккупации у немцев. Бомбили нас, стреляли из пулемета, автомата, и хлеба не было ни крошки. Свои платьица и всё белье обменивали мы Лишь на четыре крохотных картошки.

Сейчас уж бабушки, и мамы, и сестренки средней нет, Давно они в ином уж мире. А мы со старшенькой сидим и вспоминаем всё, Как будто бы вчера всё это было.

Не надо забывать сирот. Трудились с малых лет они, Учились без отрыва от работы. Жизнь трудная у них была, Не видели любви отцовской, помощи, заботы.

Сейчас уже на склоне наша жизнь. Нам за тебя ведь ничего не дали. И на твоей могиле побывать Мы были б очень рады... Где же лежишь, погибший наш отец? И где твои военные награды?

Примечания

¹ См. о нем: http://kcsontver.ucoz.ru/index/klub_veteran/0-24.

² См.: Память огненных лет: свидетельства очевидца // Горожанин (Тверь). 2008. 20 марта. С. 3; Воспоминания о войне Ветровой Надежды Александровны 1931 года рождения // Тверская региональная общественная организация «Поисково-исследовательское объединение „Память поколений“»; [Электрон. ресурс], <http://pokolenie-tver.ru/p13aa1.html>.

³ См.: В памяти народной: Великая Отечественная война в фольклорных и непрофессиональных произведениях / 65-летию Победы посвящается / Сост. М. В. Строганов и др. Тверь, 2010. С. 68–70.

⁴ См.: В памяти народной... С. 66–68.

⁵ См.: Память огненных лет...

Публикация, вступительная статья и примечания

М. В. Строганова

(доктор филол. наук;
Гос. республиканский центр
русского фольклора, Москва)

в то время совсем молодыми женщинами и подростками, они работали на строительстве оборонительных сооружений или на других работах по мобилизации, как пережили немецкую оккупацию и освобождение, как голодали и тяжело работали в военные и послевоенные годы. Десятки таких рассказов из разных мест рисуют объемную картину того тяжелого и страшного времени в среднерусской деревне. Для настоящей публикации выбраны тексты, записанные от уроженцев

РАССКАЗЫ О ВОЙНЕ ИЗ СЕЛИЖАРОВСКОГО РАЙОНА ТВЕРСКОЙ ОБЛАСТИ

Во время диалектологических экспедиций Института славяноведения РАН в 1990–2000-е гг. в Тверской области был собран большой корпус диалектных текстов, пре-

имущественно на темы традиционной народной культуры. Но почти в каждой беседе так или иначе возникала тема Отечественной войны. Наши собеседницы рассказывали, как, будучи

|| Война в народной памяти

нескольких небольших деревень Селижаровского района. Ни одной из них уже нет на современной карте. Деревня Пырошня¹ в военные годы относилась к ныне несуществующему Азановскому сельсовету на самом юге района, деревни Малышка и Чики — к Красковскому сельсовету в центре района. Эти глухие места были оккупированы в октябре 1941 г. и освобождены войсками Калининского фронта в январе 1942 г.

Записи сделаны М. Н. Толстой и С. Л. Николаевым в Селижаровском районе в 2004–2005 гг. Тексты приводятся в литературной орфографии.

ЗИМА 1941–1942 гг.

Никого ж там теперь нет, в Пырошне. Одны волки если ходят. «...» Вот всё собираюсь, там у мене отец всю войну, кладбище у нас далёко было, в Азанове, мы Азановского прихода, — Покров тогда был. Покровского прихода, а теперь Азаново. А теперь там в Азанове ничего нет, одна женщина живёт да и кладбище. Ну в войну туды не на чем было возить отца, вот на своём поле там хоронили. Всё собираюсь, сколько годов, а то ж поле заросло ёлками, ёлки валяли, ходили как-то мы и не нашли. Человек двадцать там похоронен, всю войну хоронили. Там и военный скончан, и вакуированные от фронта. Ну вот отец там. И ничего нет там, в нашей Пырошне.«...»

Сорок три дома было, а у нас школа была начальная, четыре класса. И даже после немца, когда немец ушёл, там тридцать домов у нас было отставши от пожара, кто сумел затушить, а кого не успели зажечь. Школа после немца всё равно учила четыре класса. В своём доме, в личном. А теперь ничего нет.

[А немец зажёг, да?] Конечно. Немец зажёг. Немец у нас жил недолго он, три месяца, наверно. Ну как, он в октябре пришёл. Четырнадцатого вот Покров был в октябре, вот четырнадцатого оны... накануне тринадцатого по Болотникову большак оны ехали. Четырнадцатого к нам разведка приезжала. И как ехали — только мы знали эту дорогу. С той деревни сюда, лесом, стопиной [тропинкой], — а немцы знали. Всё на карты. И по-немецки и по-русски. Приехали узнать, как к им будут. Хлеба и яички. По-русски говорили, ну это переводчик был один. Такие бравые, чистые, оны ж это когда наступали, очень были чистые. Обмундирование хорошее было, сапоги во всех накатные, только короткие голенищи. Ну вот. Ну собрали там, кто что. Хто яичек принёс, а хлеб у нас — мы и до войны с мякиной ели. Оны взяли, всё равно. А раньше были деревни у нас огорожен загородой, как вот... не забор, а... ну жердя, жердя, загороды и такие распашные вороты большие. Вот оны потом не поехали этой стопиной, а поехали вот это в эти вороты, заехали за вороты — и хлеб,

и яйцы все обратно нам пустили за загороду, ничего не взяли. [Почему?] Ну побоялись же, это ж другая страна. Оны ж на нас нападали, могут и... [Отравить?] Да.

Когда наступали, оны очень ехали богатые. А вот когда отступали — бедные. [Так и мороз же был еще?] Да, мороз, так всё... У нас хоть и тряпок-то много не было, а последние, бывало, если валенки есть, то... снег был большой тогда, такие норы были сделано, как было утром, пока немцы не приехали, оны каждое... каждое утро, бывало, как в десять часов, так ездят на конях. Берут какого-нибудь пацана с деревни: «Хто богатый, показывай». И кур там, если у кого овца — ну зато и ни у кого ничего не было. У кого тряпки — ну а тряпки какие там, у нас... когда война началася, у нас старшие сёстры две жили в Москве. И оны прислали нам посылку, платья свои. Что там будет? А подрастаем мы тут, две сестры ещё. Вот эти платья, комбинации эти шёлковые, ру-

ворит, — фабрику Рябушинского? Это мово прадедушки, а я вот командующий. А нас, — говорит... — за то, что мы, как бы сказать, это во поколения русского — нас сразу с младенчества учили и русскому языку, и этому. И немецкому». Он чисто говорит по-русски. Ну и теперь, мол, советской власти не будет, Сталина повесим. Войны капут. Москва ура, войны капут. Ну вот так что... сдавайте, у кого что есть тёплая одежда, у кого питание есть, — сдавайте по-хорошему. Не будьте по-хорошему давать, то возьмёте по-худому. Ну вот оны по-худому вытянули этот мешок, а там и чемодан увидели. Вытаскивают чемодан... мамка: «Не трогай, пан, это вот две живут в Москве, тут две, пан, не трогай!» «...» Ну и не взяли ничего. Всё поглядели: «Ладно, матка», только подошли к карточкам — а девки наши были сфотографированы. Брат щёд до войны, как с военным сфотографировавши, наверно, человек больше

|| «Приехали узнать, как к им будут. Хлеба и яички. По-русски говорили, ну это переводчик был один. Такие бравые, чистые, оны ж это когда наступали, очень были чистые».

башки. И в подполе у нас целый чемодан был, вот полать такая. Там были спрятано. (Ну уж раз стала рассказывать, так надо договаривать.) А так всё отымали. И вот это вот добро у нас и не взяли, хотя были.

Вот когда ещё только наступали. Проводили собрание немцы. А нашим фронтом командующий — теперь дело прошлое, а... Рябушинского кувшиновского правнук. Нашим калининским — вы тоже знаете? О! А он сам на собрании нам объявил. Мы-то не ходили, отец мой ходил. А мой отец рубил... табак много сажал, и он его так обделывал, вот такой был мешок табаку — вся деревня, старики, ходили к нему курить. «Хто сказал, что?» Немец спрашивал — а оны хто-то указали. А он такой простой — бывало, скажут — такой-то раз был: «Никол, прячь табак!» — «А эво я у картошку зарою, не найдут немцы». Ну и зарыл у картошку, на самое дно. А когда вот этот Рябушинский приехал собрание проводить, ему надо было это для фронта, табак. Трое и пришли. Пришли: «Пан, мешок табак». А мой... наш пан взял банку этого, со шкапа: «Вот и всё, пан, нету больше». — «Мешок табак!» — «Нету!» Оны подпол открывают на кухню, и давай картошку копать, и тянут мешок. Этот мешок и понесли туды, где собрание это Рябушинский проводит. «Пан, пойдём, мы не отбираем и не крадём, мы тебе денег дадим», такие алюминиевые, лёгенькие. Мелочь. Ну, папашка и пошёл, там собрание проводят. А у их, когда оны наступали, в Оковцах у школы был госпиталь. Раненых туда клали. Вот им надо было, и тёплую одёжу, и для фронта, и для военных. Вот ему этот Рябушинский сказал, чисто по-русски — да он всем объявил. «Вы знали такую у Кувшинове, — го-

десяти. «Коммунист?» — «Не-не-не». Ну какой коммунист, мы жили-то как бедно. Ничего у него... И ничего не взяли, дай Бог им здоровья. «Ладно, матка, не надо». А вот табак взяли. Так наш папашка тогда, и веники были эти берёзовые, мотаскал, бывало, с этого, со стен, курил, сильно курильщик был такой, да и большой был. Вот и не дали, только вернули банку одну, этот мешок... И потом плохо тым, кто и сказал. Покурить, бывало, придут к Миколе: «Микол! Отставили те оны хоть сколько?» — «Да нисколько не отставили». Зачем вот, один не говорил, другой не говорил, а хто-то сказал. Проязычился, может и проязычился, не то что там специально, а хто-то сказал вот... А оны ж понимали. Что про партизан, бывало, скажет хто. [Немцы сразу:] «Эй!»

Вот тут у Марёвке у нас мальчика расстреляли, двенадцать лет. Немцы, у глазах на матери. А наши районные — весь район жили тут на забеге в лесу. Ну оны ходили по лесу и выходили, в деревню, тоже надо было питаться. Вот Шедовка у нас, оны со старостом дружили. Староста им даже овец резал, хлеб пекли. И партизанам этим нашим, и всем районным начальникам. Давал. И оны ему давали расписки. «Дед, береги, немцы тут недолго будут. Тебе эти расписки пригодятся». Дед всё клал. А когда наши пришли, оны не спрашивали ни у кого, где староста, — оны сразу в охапку их. Кого тут же на месте расстреливали, а кого провезут подальше. Вот его забрали, а раз ему партизаны предупредили, что: «Дед, береги эти расписки, наши придут». Вот этого деда Нивку стали забирать, он говорит: «Погодите, дайте я возьму документы». — «Какие те документы?» Военные

тоже были обозлившимися. «Возьму документы от партизан!» Ну оны ему разрешили. Его привезли в Селижарово, а уже там председатель райисполкома, Панов, уже в Селижарове. Как только немцы ушли, они уже в Селижарове. Так оны его наградили. Разве можно такого деда стрелять?

А вот этого мальчика, вот тоже у Марёвке вышли партизаны. А этот мальчик, двенадцать лет, им показал дорогу, куда оны спрашивали. А там сидела с Гришина женщина. Пришла домой, ужинают, а были немцы. Она там ужинает да говорит: «А сённи Танин малец партизан проводил». А немцы там у другой половины сразу услышали, да и... и забрали за воротки. «Хто, где партизаны?» Она — «Не, не!» Оны её хотели застрелить, она сказала. Оны тут же пошли, мальчика расстреляли. А когда наши пришли, эту бабу наши взяли. Матери-то жалко каждой свово. Это тут у нас.

А вот это вот у нас было, как вот с моим отцом тоже. Вот этот Рябушинский вот и командовал. [А партизаны тут были только начальство? Что они делали-то?] Тут у нас ничего не делали. Оны скрывались только самы, оны знали, что оны тут недолго будут. Вот там лесничий жил на забеге в лесу. Туды немцы и не совались, оны уж боялись. Там кругом деревень много километров нет. Вот оны там наши все районные и жили. Ну а что он, немец, у нас был три с половиной месяца. Те, что оны выходили к этому старосты в Шедовку... и говорили: «Дед, недолго будут. Нас... немцы... немцев за Волгу туды не пустят». Их и правда не пустили. [А таких партизан, что воевали, не было тут?] Не. Не-не, не было. Поэтому у нас сильно издевательства не было. Ну только что обирали, оны жрать хотели. И теплое одевание. Одеялы, так их и не было, а такие дерюги, оны ж тяжёлые. А у кого если валёное одеяло, это отберут запросто, или платок теплый — вот тут всё завёрнуто. Тут обвязутся, шинели одны. Ну оны хоть двухстороннее сукно было, а без подкладки. Сапоги эти такие накатные, попробуй-ка, сорок градусов был мороз. Ох, как оны тут помёрзли!

Вот ещё я не рассказала, когда оны отступали — у нас жили у Пырошне целую неделю. Ждали своих. На огороде, где мезонины дома туда лицом, на то поле, — везде были, это, орудии. А у нас целая изба была. Нам только место было вот за печкой там, мы всей семьёй были. А нас было-то вот шесть человек. Настилали соломы, потом свои одеялы, поставили скамью — и таскают вот прям так вшей. А другой и с молотком: «Русь». Вот так отступали. И голодные и холодные. Это уж... было наяву. А всё равно смеялись. Быть молотком, «быть русь». «Русь! И смешно и грёшно. Ну смеяться нельзя.

А вот неделю оны жили — тоже ведь солдаты, и ихные, под начальством были. Вот справляется в разведку, так плохо шепелял, а плакал, ишёл в разведку, в Пруды.

Наши оттуда в разведку, оны отсюда. Показал — трое вот маленьких. И заплакал. Ну ихные-то все пришли, а нашего привели пленного. А мучили оны, вот уже последнюю ночь. На другую ночь уже стали жечь. А это было, наверно, шестнадцатого января. Ну, наверно, у живого, и нос, и уши, так пальцы — всё отрублены. Или так оны его

вышла, бутылки как кинул! Загорелись! Дым, поглядим, в окно дым. А папашка тулуп такой, раньше-то тулубы были большие. Соседа: «Петъ, пойдём тушить свои дома!» А мы как раз посерёдке. Рядом жили. «Застрелят немцы!» — «Ну пускай стреляют, не... немцы застрелят, а то так и замёрзнешь у снегу. Куда пойдём?

||| «Ну а что он, немец, у нас был три с половиной месяца... говорили: «Дед, недолго будут. Нас... немцы... немцев за Волгу туды не пустят». Их и правда не пустили».

замучили, или, может, пристрелили — уже когда оны ушли, тут деревня горела, а тот конец — они не успели добежать туда. Вот этого военного нашли, всего измученного, весь в крови. Нашего привели вот с разведки. [Захватили?] Да. Сталкивались один с одним, и вот поймали нашего. А у их же такая мода была — если допрашивают, надо издеваться. Нет чтобы хоть бы так застрелили, так вот видишь. Замучили. Ну и всё, а потом и уехали и уехали.

С рук в руки не переходили, если б были партизаны — хуже б было. Потому что вот оны — только провёл там, узнали, и то бух одного, и застрелили. А тут бы была бойня тогда и вовсе. Где с рук в руки переходили, там же много жертв. И мирного населения. Ну нас ещё Бог миловал. Дуже нас и не били, ну только что сожгли. Куды хошь уходи.

А вот эта сестра моя была, мальчику — был сорокового года. Ну год ему был. Мамку мы отставили, мою мамку. А у нас на саночках было, мой отец делал саночки такие, ну, берёзовые, от саночки таки деревенские. И все там и матрасы, и подушки, и вот такие одеялы, и какая немножко что есть жратва — шесть саночек были навьючено и стояли. Накрыт дерюгам. Он как подбежал — винтовкой сразу... не, ещё один сначала ещё вскочил в дом, предупредил. «Матки, вон! Ш-ш-ш!» Не зажёт. Ну мы и посыпались. В огород, а там как были гувны, у нас огород так на склон, а там ямище такое, как были эти гувны раньше, риги-то у каждого были, молотили. Папашка и говорит: «Садитесь

Пойдём затушим!» Пошли. Пошли оны, как раз это пробегли, а побоялись другой раз повторить. Ну пол у нас так был сгоревши. Стены, которые угол был газетам обклеен, горел. А у нас квас ставили, вот квасница стоит кул порога, он этот тулуп снимает да тулупом. Удвоих [вдвоем] два деда это. Одну затушили, потом побежали евоный дом рядом затушили — вот отстались всётаки, наутро и других спасали. А кто и... побоялись женщины. Просто растерялись. Вот за рекой там были тоже дед с бабой жили, а дед: «Пойду тушить», а баба кричит: «Ефим, не ходи! Немецкий огонь не затушишь, не ходи!» — «А ну тебе!» Пошёл, затушил. Вот, потом он и, бывало, после смеётся: «Вот не пошёл бы, вот тогда б немецкий огонь тебе...» А то дед затушил. Дом остался.

А у нас домик небольшой, два окна было, рамы разбили, стёклы. Дерюгам завесили, а потом не знаю, уж как мы собирали стеклянки. Старые стёкла. Вот тринадцать домов. А тридцать — все. Вот так. И так вот вояли, и женщины были, с детям. Куда, в кого баня отсталась. До весны так смогались, по три, по четыре семьи жили, в этих домах, которые отставши были. А потом весной пошли хто куда. Ребяток взяли, пошли собираться, по миру. А там от, кул Торжка, Кувшиново, там немец как-то обошёл Кувшиново. Не было. А были деревня большие дома. Как старики умирали, а председатель колхоза эти дома не продавал, брал себе. И вот наших там много остановились. Давали жильё, давали работу. И там вот оны и так... ассиг-

||| «Вот ещё я не рассказала, когда оны отступали — у нас жили у Пырошне целую неделю. Ждали своих. На огороде, где мезонины дома туда лицом, на то поле, — везде были, это, орудии».

в тую ямку». Вдруг будет и бой — оттуда, отсюда, — мимо полетит. Вот мы в тую яму, ешё и с санками, бух и лежим. А мама отсталась вот ребёнка заворачивать, вот этого Ёська. «Только, — говорит, — на столе заворачиваю — подбежал под окно, винтовкой!» Хотел эту бросить. Она кричит: «Пан, погоди, маленький!» Не стал. Вот мамка вышла — их семья человек, оказывается, только и было, могли б это... Ну некому тут было их прижучить. Одны женщины, да которые если и хоть и старики, больные, отставши. Ну вот, потом мама

новались. Строиться не на что. Деревня так постепенно и нарушилась. Отсталось тут тринадцать домов, потом уже и ети уехали. Хто куда. Теперь вот и никого нет. И уже давно.

[Так а немец там стоял у вас в Пырошне или только приезжал?] Нет, у нас он не стоял. У нас только я не знаю где оны были, ездили обирали. Как, бывало, утро, возьмут какой-нибудь пацана, показывать, править лошадь. Ещё и... кони были колхозные. И ездили обирали. Как заходит в дом — «Мамка, яйки, хлеба». А у нас

|| Война в народной памяти

хлеба у самых не было, с мякиной ели до войны. Мамка, бывало, картошки было много, напекёт картошных сочней, да и... масло поделили мы до немцев, семя, льносемя. Масло самы, и толкли, и били самы, маслом намажет это сочни, тряпка така масленая... пойдёт, за руку возьмёт: «Пойдём, пан». Он глядит: «Тфу, русь свинья. Не гут, матка, не возьмём». А мы ели уж, куда деваться. Есть-то хотели.

Вот он у нас не жил, только жил три дня, когда отступал. Это вся была и техника наложен, и орудия туда вот как наши, думали, сунутся. А наши-то не сунулись. Всё было наставлено, пока оны своё добро оттягивали. А потом вот отставили семь человек только поджигателей было тут. А тут как свечки зажгли, а наши там, может, и караулили. Так наши выскочили на поле, а у их стрелять что у их... Наши сразу тр-р-р-р в белых халатах. Тут кричат: «Не плачете!» Женщины воют с ребятишкам в снегу, а старики кричат: «Не плачьте, опять немец стреляет», — думали, что там немцы. Потом видим — едут в белых халатах, на лыжах. Это, стало быть, наши.

Ну оны тут драпака. Их там от... сколько, Козлы-Семёново, пять километров, их привели назавтра двоих пленных. Одного расстреляли чего-то. А другой чех, говорил... по-русски говорит. Этот с нашим поехал. Штаб рядом, в этом красном доме, тоже затушили, и от тут сразу штаб, тую же ночь и штаб поселился. Когда горели. Уже утром встали, уже там... хозяев. Наши пришли. И штаб ужо поселился, начальники. И вот ужо к вечеру, не к вечеру, а даже днём. Говорят, пленных привели. А мы рядом живём. Поглядим, одногоувядят. Вывели сразу в огород и сразу расстреляли. А другого не. Там что, не знаю за что. Ну, пленный есть пленный. Что наших били, что наши тоже... Ну наши хоть не изdevались.

А вот нашего-то привели вот этого пленного, когда вот жили оны три дня. Три ночи ночевали, когда отступали. Вот уходил в плен и показывает немец: трое вот таких. «Может, пук русь». А он пришёл живой. А привели нашего, вот в другом концу деревни, и когда ужо оны после пожара, тот конец отстался, это, нежёный, наверно, туды не добрались, — пошли, кул амбара наш военный. Весь изранено. И нос отрублен, и уши отрублен, и пальцы от так отрублено — наверно, у живого изdevались, — и глаза выколон штыком. Пока замучили. Вот хоронили потом его, возили так в шинели, вот на этом кладбище, где мой отец, похоронили. Вот за это он не прав был. А наши вот так не делали. Вот. Это я ужо что помню [1].

До войны у нас было, помню хорошо всё, одиннадцать домов. Деревня была небольшая, красивая, яблонь много. Сады были, какая липа была, ой, дуб! Всё такое красивое было, всё хорошее. Вот. Это... И всё, и народу было много, всё молодые были. ... А после-то войны — о-ой,

как сгоревши были, тогда-то было да-а! [А сгоревши были, да?] А как же, немцы всё сожгли, чисто поле. Вот мы в Ивахнове переночевали, от Малышки полтора километра. Идём домой, всё горит, Малышка наша горит. А был наложен целый амбар снарядов, и зажгли после, ждали наших, разведку нашу. Вот только разведка нам попалась на горушке за Малышкой, а мы подходим к Малышке. Только это во мы подходим — как начали снаряды рваться!

остался жив». А Люба зашла: «Нюта, оны, — говори, — чуть живые, их... в яму всех, — говори, — клали и этим бульдозером зарывали». Живых в яму и зарывали. От съела собака и съела. О. И всё.

[А когда это надо нести относ?] Ну к вечеру так. К вечеру. Положила, только, говорит, мне так страшно стало, большая рыжая собака, откуда она взялась? Взяла кусок хлеба сразу в рот. [А что, это хлеб просто или что там?] Хлеб, хлеб. Ломоть

|| «У мене относила мама от. Папе не было когда после войны, нету и нету, ей сказали — относи. Вот она пришла, положила хлеб ломоть».

А оне идут, я говорю: «Мама, немцы идут, сейчас шубу с мене снимут, — я говорю, — остануся голая». А она говорит: «Ну что ж, родимые...» Младшую сестру везли на саночках. Ничего не было, что было, то и было...

[А вас много было, большая семья?] Четверо. У маме было. Она говорит: «Ну что ж, что буде, то и буде». Вот переночевали в Ивахнове, поехали в Манухино, мамина мать, бабушка. Там не сгоревши, борисовско Манухино. Вот на саночках туда. Только поехали — как начали снаряды рваться! И никого не убило, не смерть. Вот представь себе. Так рвались, мы — ямка такая была молочная, такая деревенская, был сепаратор молочный. Мы в эту ямку легли, только мимо нас эти осколки летят, а нас вот никого не убило, из четырёх все живы остались. Да. И вот так вот и поехали. Выехали, уже мимо не поехали амбара, а выехали кругом, и поехали уже туда на саночках сюда, как вот на большак выехали.

[А отца-то не было у вас?] Не было, отец на войны был. Не было отца, отец на войны был, а нас четверо на чистом поле осталися. После... И копали, вот ещё были, что мы были ещё — сопли! В колхозе ж-то не было ничего, ходили копали. Двух бычков запрягали в борону, бороновали, босые, обуваться-то нечего было. Ой, разве... мы горя хватили! [2].

КАК УЗНАВАЛИ О СУДЬБЕ СОЛДАТА

[А относ не относили у вас?] [БНК:] У мене относ относила мама от. Папе не было когда после войны, нету и нету, ей сказали — относи относ. Вот она от Малыш сюда к Краскам, тут в перелеске этот, межник есть, межа. Между Красков и Малышки, это разные были тогда раньше. Вот она пришла, положила хлеб ломоть. Вот только управилась — здесь, в мочижине. Только управилась положить — подошла рыжая собака, взяла хлеб и пошла. Невдолг погодивши идёт этот Илья ...» Зашёл и сказал: «Нюта, не жди, были вместе в плену, уходили, его... нас догнали, его так били, я остался, этого, живой, но-сили камни в гору — так носили, но изdevались. «А потом он, — говорит, — умер». А потом Люба зашла, евона жёнка, он-то сказал: «Нюта, — говорит, — може, он

отрезала и пошла. [ПГИ:] Это всё равно говорят [что-то], как [это] ты [так говоришь] — «пришла и положила и пошла». [БНК:] Ну што-то она говорила, я забыла, говорила она што-то, я забыла, што. [ПГИ:] Не, это... у мене мама так говорила: «Хозяин полевой...» [БНК:] Да, ну говорила она што-то, я помню. [ПГИ:] «Хозяюшка полевица, хозяин дворовой, хо...» ето... [БНК:] Ну это... животную. [ПГИ:] Ну и так и человеку, вот баба Нюта говорила... [БНК:] Человеку... не знаю, что она говорила, а вот хлеба... [ПГИ:] Говорила, и ето... «Я тебе хлебом-солью награждаю, а ты мою животную... это, напой, накорми и домой возврати», ето. [БНК:] Ну это [если] животную, то так. [ПГИ:] Животную. И так и человека. «Хозяин дворовой, с хозяюшкой дворовицей, хозяин лесовой с хозяюшкой лесовицей и полевицей». Вот. «Я вас хлебом-солью награждаю, а вы мою животную напойте, накормите и домой возвратите». [БНК:] Это вот было вот это уже точно, вот у нас было у маме. [А не говорили, что нельзя оглядываться потом, когда идешь?] Нельзя. [ПГИ:] Не надо. [БНК:] И идёшь, чтоб тебе меньше видели, иди... [ПГИ:] И може, будут кричать кто, а иди своей дорогой, не гляди [2; 3].

Примечания

¹ См. публикацию записей из д. Пирошня, отражающих традиционную обрядность и верования: Из тверских записей / Публ. М. Н. Толстой // ЖС. 2006. № 4. С. 40–43. См. также материалы по деревенским праздникам и зимней обрядности Селижаровского района: Толстая М. Н. После Полесья. Этнолингвистические материалы из Тверской области // Славянская духовная культура: этнолингвистические и филологические исследования. Вена, 2014 (в печати).

Список информантов

1. Соколова Екатерина Николаевна, 1927 г.р., уроженка д. Пирошня.
2. Бледникова Нина Кузьминична, 1932 г.р., уроженка д. Малышка.
3. Пырсова Галина Ивановна, 1937 г.р., уроженка д. Чижи.

Публикация М. Н. Толстой
(канд. филол. наук, Ин-т славяноведения РАН, Москва)

Дмитрий Вячеславович Громов,
доктор ист. наук, Ин-т этнологии и археологии РАН (Москва)

ЛЕГЕНДЫ ГАЛИЧСКОГО ОЗЕРА

Галич (Костромская область) — город, существующий восемь с половиной веков и переживший множество драматических событий; поэтому здесь достаточно широко бытуют фольклорные тексты, построенные на исторических сюжетах¹. Так, галичане разных возрастов с гордостью рассказывают о том, что их город некоторое время («три дня», «три раза» и др.) был столицей России, — это основано на том, что галичский князь Дмитрий Юрьевич Шемяка в XV в. захватывал московский престол. Кроме того, в городе известен ряд традиционных фольклорных сюжетов о подземных ходах, кладах, заклятиях; эти сюжеты привязываются к местным реалиям.

Галич располагается на берегу обширного Галичского озера; исторически с озером тесно связаны занятия жителей, в частности, жители одного из районов города — Рыбачьей слободы — специализировались на рыбной ловле. Большое влияние озеро оказalo и на локальный текст города: с некоторым удивлением мы обнаружили, что все зафиксированные нами в городе устойчивые сюжеты связаны с озером. Но добавим, что «озерный» фольклор ограничен в жанровом отношении — мы не обнаружили ни быличек о русалках и водяных, ни многих других фольклорных жанров.

Многие галичские легенды отражены в литературе и стали общим местом в краеведческих исследованиях. Молодежь узнаёт их из школьных уроков краеведения. Однако нам неоднократно встречались случаи, когда тексты передавались традиционным для фольклора устным пересказом.

ПОДЗЕМНЫЙ ХОД МЕЖДУ МОНАСТЫРЯМИ

Данный сюжет широко распространен в России — он известен в Белгороде, Болхове, Верхотурье, Каргополе, Кирове, Нижнем Новгороде, Суздале, Торжке и др.² Легенда касается двух монастырей — мужского и женского, находящихся на противоположных берегах водоема (реки, озера): монахи и монашки прокапывают с двух сторон ход для того, чтобы встречаться друг с другом; иногда легенда дополняется пикантными подробностями.

В Галиче легенда сводится к констатации наличия тайного тоннеля и относится к Никольскому Староторжскому монастырю в черте города и Авраамиеву Новозаозерскому

Успения Божьей Матери монастырю (с. Умиление). Монастыри находятся друг напротив друга на противоположных берегах озера; расстояние между ними около 8 км.

Есть ещё одно поверье — что между Староторжским монастырём и Новоозерским монастырём под озером был прокопан тоннель, чтобы монахини из женского монастыря ходили в мужской. Они напротив друг друга — один на одном, другой на другом берегу озера [15].

Есть такая легенда: Староторжский монастырь — там был женский монастырь, а вот через озеро был мужской (сейчас восстанавливают — Умиленский, Умиление...). И копали подземный ход — монахини отсюда, монахи оттуда. Это вот первая легенда, она живая, она живёт. Его ищут ещё, по крайней мере [13].

Приведенные сообщения записаны от местных краеведов, однако сюжет знаком даже молодежи на улицах:

Про тоннель? Под озером был. Как мне рассказывали, от Паисьева монастыря за озеро куда-то шли. Паисьев — это где сельхозтехника. И оттуда... Чего-то ведь находили, когда там начинали раскапывать, могилы-то [1].

Поиск подземного хода под озером — часть галичского локального текста. Информанты, пересказывающие легенду о двух монастырях, не забывают добавить, например: «Класс, может, пятый-шестой я учился, мы искали — не нашли» [7] или в качестве доказательства наличия хода рассказывают, что на его месте «находят старинные монеты» [4]. Приведем рассказ молодого мужчины, который в детстве сам участвовал в поисках подземного хода, причем его товарища завалило землей, его с трудом спасли:

Вот это знаю с детства. Жил у монастыря, напротив, 60-й дом. Маленькие всё искали тоннель. Много легенд всяких ходило — что вот как бы женский монастырь, мужской монастырь соединены и что там много сокровищ всяких. И мы организовывали свои экспедиции [смеётся]. Вход — где склеп. Где педколледж сейчас, спортивный зал, где Балчуг³ начинается, там склеп монашки какой-то. Вот, что, мол, он начался там. Где-то там искали. Потом типа несчастного случая случилось там, и его завалили ещё в коммунистические времена, экскаватор приехал [14]⁴.

СЕРЕБРЯНАЯ ДОРОЖКА

Еще один старинный сюжет — о существовании «серебряной дорожки», ведущей по воде от устья Челмы, где располагался Флоровский монастырь (южный берег озера), к Новозаозерскому монастырю (северный берег): «Предания связывают его (Флоровского монастыря. — Д.Г.) основание с прп. Авраамием Галичским, который ходил сюда по водам Галичского озера из основанной им на противоположном берегу Новоезерской обители. В. Д. Мухин, передавший эту легенду, ссылался на светлую струю, заметную на озере в тихую погоду⁵. Галичане называют ее “струей Авраамия”, считая, что это след лодки, на которой подвижник перевез явившийся ему образ Божией Матери к валам Балчуга»⁶. Современные галичане мало осведомлены о данной легенде, ее упоминали только краеведы.

О серебряной или лунной дорожке, по которой ходил, как по земле, Авраамий Галичский и Чухломский, я слышал ещё в школьные годы от своего учителя и классного руководителя В. В. Кастронского, который входил в состав КНО (Костромского научного общества по изучению родного края, Галичское отделение). В школьные годы мы взирались на Балчуг в белые ночи и любовались этой серебряной дорожкой [15; псм].

Когда поднималась волна, высвечивалась дорога через озеро и выводила. <...> В конкретном месте. И выводила она рыбаков. Это было глубокое море, не то что сейчас — сел и переплыл [13].

Возможно, причина нынешнего забывания легенды содержится в комментарии краеведа Н. В. Сотникова, согласно которому колокольня Флоровского монастыря действительно «выводила» рыбаков из бушующего озера:

Надо отметить, что колокольня Флоровского монастыря всегда была маяком для рыбаков, по которому они сверяли свой маршрут при пересечении озера от реки Вёксы к Галичу, особенно в штормовую погоду. Колокольня указывала рыбакам путь благоприятного пересечения глуби озера, где в штормовую погоду всегда были огромные волны. После сноса колокольни рыбаки уже выбрали свои ориентиры, позволяющие переплыть глуби. Это я знаю по себе, поскольку с отцом, потомственным рыбаком (родился в 1911 году), пересекал озеро на лодке с дровами. И что такое волна на глуби, знаю не понаслышке [15; псм].

Исчезновение в Галиче рыболовства как профессионального промысла, а также самой колокольни могли сделать неактуальными и поверья о спасительной «серебряной дорожке».

ПОЧЕМУ НЕТ ЗМЕЙ

Легенда о том, как святой заклинает змей, известна широко⁷. Так, считается, что благодаря Сергию Радонежскому нет змей в окрестностях Сергиева Посада, благодаря Александру Ошевенскому — в Каргополье; митрополит Филипп заклял змей на Кижах. В Нижнем Поволжье бытуют легенды о том, что Степан Разин заклял змей (комаров, лягушек). Отсутствие змей в окрестностях Галича связывают с именем святого Авраамия Галичского: говорят, что он, стоя на горе (вариант: обойдя озеро), заклял змей повсеместно, за исключением одного места, где они до сих пор водятся.

[Почему вокруг Галича нет змей?] Святой круг. На Шемяке. У меня бабушка всё рассказывала. Он встал, где Шемяка-холм, встал, провёл рукой... Нет, вёл рукой, типа «не будет здесь змей». А его кто-то перебил, и он не довёл до Вёксы⁸. Вот Вёкса — край озера — там их тьма. По бабули словам, вот он не довёл, перебили его. Она учила меня [этим] не перебивать никогда [14].

А их нет... Нет, они есть, только в другом месте. Вот, говорят, докуда Авраамий дошёл... Он же озеро освятил тогда... Он же пришёл, что озеро кишило змеями. Он там молебен отпел. А вот за озером, подальше немножко, Унорож, такое поселение... Там их полно. Но сюда они не переходят. Вот как хотите, так и городите. И в городе их нет, ни в озере, ни за озером. «... Мы туда [в Унорож] в колхоз ездили... Сено ворошишь, и чтоб на граблях не зацепить, это редкий случай был. Там они есть. И в Буе — там тоже полно их. А у нас их нет. Отмолил, значит, отмолил [13].

Я, когда маленький был, слышал легенду, она тоже по этому кругу. Тоже какой-то святой, только он сделал паломничество — этот край кругом обошёл. И на том месте, откуда он вышел, круг замкнулся — внутри

этого круга змей не будет. И все ползущие гады, мол, уйдут из этих мест. Это Галичский район, Чухломской район захватывает [6].

ШЕМЯКИН КЛАД

Как уже говорилось выше, последний князь галичский Дмитрий Шемяка является для местной истории знаковой фигурой. Благодаря своим политическим успехам в народной памяти Шемяка остался как человек удачливый и богатый; соответственно с ним связываются известные фольклорные сюжеты о кладах. Первое изложение легенды о кладе, зарытом Шемякой, содержится в книге П. П. Свиньина, изданной в 1839 г.:

На Столбищах⁹ показывают места княжеского дворца и обширных садов, от коих еще остались вековые деревья. Есть предание, что здесь скрыты Шемякою сокровища, награбленные им и братом его в Москве и Ярославле во время их бегства после утраты великокняжеского престола, а суеверие рассеяло слух между легковерными простолюдинами, будто клад сей выходит наружу в виде золотого корабля, но что заклинания, которыми вызывают его, так страшны, что никто еще не решался добыть его. Однако глубокие ямы доказывают, что были смельчаки, которые не боялись заклятий и пробовали дорваться до золотой кормы¹⁰.

Таким образом, предание локализовало клад Шемяки в самой высокой точке округи — на вершине Балчуга. Для славянского фольклора типичны предания о кладах, которые «сами» или под воздействием магических чар появляются из-под земли¹¹. Следующая фиксация легенды встречается в раритетном издании 1921 г., и клад здесь уже не подземный, а подводный. Возможно, смена локуса произошла вследствие забывания традиционных сюжетов — центром мифа стала глубина озера:

Говорили, что лежат там, в корабле, сокровища Шемяки, но положено на них страшное заклятье. Чтобы вышел тот клад, нужно принести в жертву 12 молодцов и 12 жеребцов и наговаривать: «12 молодцов на 12 жеребцов», а когда жертва уйдет в озеро, появятся сокровища. Рассказывали, что один галичский помещик не поспешился и решил принести в жертву 12 коней и 12 молодцов, но когда те почти ушли под воду и показались корабли, спохватился и пожалел добра, крикнув проклятие: «Будь ты проклят, клад, отныне и до века». Другие говорили, что клад этот — более древний, положен был еще до галичских князей и заклят страшным заклятьем: нужно было закопать в землю своего первенца-сына живым, и тогда появятся из земли 12 кораблей, нагруженных несметными сокровищами. И что алчный до денег галичский князь Шемяка, вздумав достать клад, не пожалел сына. Корабли стали показываться уже из воды, когда он закапывал сына, но прибежала мать ребенка и успела вытащить его из ямы, а корабли у всех галичан на глазах ушли под воду¹².

По данным нашего опроса местные жители плохо знают данный сюжет: его упоминают большей частью краеведы, причем на основе текстов Свиньина и Смирнова.

Есть старая легенда, что Шемяка клад в озере утопил, когда уходил, и что есть какие-то определённые дни, когда этот клад можно увидеть под водой [15].

Поднимаются двенадцать кораблей с золотом, клад Шемяки [13].

Впрочем, мы записывали и вариации старой легенды, и новые легенды об озерных кладах:

Все, наверно, помнят про карету золотую (или с золотом), которая якобы покончилась на дне нашего озера. «... Про каре-

Вид от подножия Балчуга (Шемякиного холма) на Галичское озеро и Рыбачью слободу. Фото Д. В. Громова

ту — со слов местного населения, якобы Шемяка, когда захватил престол и вывез из Москвы какое-то кол[ичест]во золота, прихватил карету резную, в сусальном золоте и красным бархатом изнутри обшила. «...» Также слышал про бочку с золотом, спущенную Шемякой с холма при подходе войск московских князей.

А ещё вспомнил, что поп, который жил при церкви (рядом с озером), якобы дом построил не на фундаменте, не на бетонных сваях, а на серебряных столбушках. На дом на тот мне указали в детстве и рассказали дети одной из работниц, [работавшей] при церкви в 80-е годы [3].

Легенда о «серебряных столбушках» является очень поздней и возникла в начале 1990-х, когда жилой дом был передан церкви; ранее в нем жили люди, не имеющие отношения к духовенству¹³. По-видимому, легенда возникла в детской среде и была навеяна традиционными для данной местности поверьями о кладах и подземных ходах.

Хотя, как мы уже говорили, легенды о кладе Шемяки перенеслись с горы в озеро, но и «горная» версия тоже встречается:

Клад был закопан на Балчуге, в Царском колодце (старинный колодец на вершине горы. — Д.Г.). Только там уже копали и всё, что можно, нашли, да, видно, никому не рассказали. Гора вся перекопана — там повсюду были огороды¹⁴.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ТОПОНИМА «БАБИЙ ОСТРОВ»

Представленные выше сюжеты характерны для традиционного фольклора. Но помимо этого нас интересовали и современные локальные сюжеты. В частности, мы отследили процесс фольклоризации рассказов о событии, потрясшем Галич в ноябре 1954 г., — гибели на озере примерно 20 студентов местного совхоза-техникума. Фактологическая канва этого события изложена в рассказе краеведа Н. В. Сотникова, который в возрасте 16 лет был очевидцем событий.

В этом доме они здесь были, их сюда приносили. На русской печке отогревали тех, кого спасло. Мой отец участвовал в этом. Последний курс сельхозтехникума были вот в Туровском на уборке картошки. И катер последний, который тут ходил, ушёл, а им очень хотелось попасть на вечер в свой сельхозтехникум. «...» И они упросили трёх рыбаков «...» перевезти их на этот берег. Рыбаки согласились, в принципе, но их было двадцать человек, лодки-то, в принципе, перегрузили. Но рыбаки — они знают, как там ехать и всё. И когда они проезжали глубь, а там глубина же озера разная, и в озере есть каньон такой, как ледник шёл, и там глубина больше десяти

метров. И на такой глубине там большие волны ходят соответственно. И начало плескать через борт воду. И, значит, рыбаки просили этих девчонок, чтобы они сидели смирно, не шевелились. А они — поднялась паника. Они стали с места на место тут перепрыгивать, что привело к тому, что лодки перевернулись. Но перевернулись — они не потонули, в принципе, лодки-то, а дело в том, что это была глубокая осень, на следующий день озеро замёрзло. И они и рыбаков утопили, и сами потонули. Спасли семь человек, принесли к нам в дом. Уже они такие были замёрзшие, что их как дрова, брёвна таскали. Рыбаки их спасали. Они там держались за лодки, ещё где-то там. Они сами себя утопили — начали хвататься друг за друга. Это был 56-й год, я в девятом классе учился, медицины никакой. Вызвали врача, у него даже спирта не было. Местные жители — тут мать моя, соседи купили водки, чтобы разотреть их. Водка стоила 2–10, это была баснословная цена, тогда пенсию 6 рублей получали. И потом всё равно девчонки все умерли от переохлаждения. Одна пять лет прожила после... [15].

Рыбаки, утонувшие с девушками, были профессионалами. Я их знал лично. Они до последнего делали всё, чтобы успокоить молоденьких девчат, которые держались за них, как за соломинку, и, когда силы покинули рыбаков, они утонули вместе с девчонками. Когда рыбаки на следующий день выловили их неводом, то девчонки висели на рыбаках, как виноградные гроздья. О заигрывании рыбаков с девчонками речи не могло быть [15; псм].

Часть тел увезли родственники, но большинство погибших были похоронены вместе на городском кладбище, здесь был сооружен мемориал. Первое время их могила пользовалась повышенным вниманием галичан — многие посещали ее, приходя на кладбище, однако со временем мемориал стал приходить в запустение (в частности, из-за того, что девушки были приезжими, родственников в городе у них не осталось):

У нас на кладбище ходят по праздникам по большим... В Пасху, Девятое мая народ всегда на кладбище, всегда и готовятся к этим праздникам, красят, убирают... И к этим памятникам же заходили, цветочки положат, вспомнят... А чем дальше, тем всё это дело забывается. Память-то... [2].

Кроме могильных камней с именами погибших девушек, здесь есть и надгробие их классного руководителя (1902–1964), чья жизнь закончилась через десять лет после трагедии, а также плита с надписью: «Вечная память преподавателю Вальнер В. Ю. и учащимся III курса землеустройтельного отделения Галичского совхоза-техникума, трагически погибшим осенью 1954 г.».

Памятная плита на кладбище г. Галича.
Фото М. В. Ахметовой

Нас в данном случае интересует не столько событие, сколько фольклоризация информации о нем. Многие галичане (особенно старшего возраста) знают о трагедии и рассказывают о ней с незначительным варьированием деталей: называлось разное количество погибших (иногда было заметно знакомство с мемориалом на кладбище) [2; 5; 6; 15 и др.]; указывались имена и фамилии погибших рыбаков [8], рыбаков несправедливо обвиняли в несчастном случае («а ребята там — девчонок пощупать — раздурились на озере-то» [11]; «рыбаки были подвыпивши и с лодки на лодку перебраться хотели на ходу» [5]). Уточнялась дата трагедии — «перед Октябрьской» (т.е. накануне 7 ноября, на вечер, посвященный этому празднику, девушкам и ехали) [5], впрочем, высказывалось и мнение, что это произошло «в День молодежи» [2] (видимо, 29 октября, в день образования ВЛКСМ). Указывалась и иная мотивация поездки: «Они просто поехали на зелёную (т.е. отдохнуть на природе. — Д.Г.) с преподавателем на лодках» [2]. Сообщались дополнительные яркие детали: «Одну девушку нашли, она вышла на берег и, стоя, косынкой за что-то зацепилась» [5]. Говорилось о последствиях события для города: «Был большой скандал, многих поснимали с постов (городские службы, совхозное начальство). С тех пор работает спасательная станция, и упорядочили движение через озеро» [9].

Чем младше информанты, тем менее точно они рассказывают о событиях. Именно среди относительно молодых людей высказывается мнение, что с трагедией связано возникновение названия *Бабий остров*, относящегося к островку на расстоянии примерно в полкилометра от берега со стороны города. Собственно, это даже не остров, а небольшая отмель, поросшая трост-

II Мифология места в народной традиции

ником. Люди старшего возраста хорошо помнят, что топоним существовал задолго до 1954 г., когда произошла трагедия, а Н. В. Сотников, разбирая с нами рассказы об острове, уверенно сказал:

Поскольку я за свою жизнь дневники веду и тому подобное, я хочу сказать, что ни одной женщины там не утонуло. Никогда. Вообще женщин, утонувших на озере, практически нет [15].

Тем не менее именно с гибелю студенток многие связывают возникновение топонима.

Утонули девчонки, одиннадцать, что ли, человек их было. В педе учились девчонки, вместе с руководителем утонули. И прозвали Бабий остров [14; 6].

Я слыхал, что на Бабьем острове тонули кто-то, потому он называется Бабий остров [1].

Существует и другое, более простое объяснение топонима:

Он здесь находится ближе к этому берегу, и женщины просто на челноках туда отплывали, чтобы нажать серпами трести [травы] для коров, для вечерней дойки. Они быстренько доехали, нажали и приезжали. Потому что вот этих вот тростников у берега не было [15].

Таким образом, топоним *Бабий остров* указывает на доступность локуса для женщин, в отличие от чисто «мужского» пространства большого озера. Интересно, что в сообщениях некоторых галичан наблюдается совмещение такого рода объяснений с «трагической» версией, как, например, в следующем высказывании 16-летнего юноши:

Бабий остров называется так потому, что там много женщин погибло. Которые на лодках всё плавали, удили рыбу. Купаться ходили туда, раньше туда дойти можно было, мель такая была, шла полосой. По ней доходили до этого озера и купались там. И много там утонуло народу. В частности, больше всего женского пола [10].

Вообще рассказчики неоднократно упоминали о том, что на остров плавали (в том числе женщины).

А почему Бабий называется? Потому что туда уезжали парами. [Парочками?] Вот, да. [Влюбленные туда ездили?] Да-да. Поэтому он так и называется [2].

На лодке, на веслах [поплыли] купаться туда. Там впадина была. Сейчас там замыло. Там впадина, и глубоко там было. И обычно туда на лодках купаться плавали. (...) Как раз то ли волна, то ли чего, и перевернуло лодку [14].

Таким образом, знание о событии, которое произвело сильнейшее впечатление на людей, встроилось в уже существующую объяснительную модель, придав топониму новое значение. При этом мы отмечали попытки адаптировать новое толкование к «традиционной» версии, видимо известной из краеведческо-образовательных источников.

Добавим, что в рассказе о трагедии 1954 г. актуализируется еще одно известное фольклорное представление — «поверье такое, всегда сбывающееся, что озеро никогда не замерзает и не вскрывается без утопленника» [15]. Несколько информантов, закончив рассказ о гибели студенток, добавляли, например, что, «пока никто не утонет, озеро не замёрзнет» [5] или: «Озеро всегда забирает свои жертвы каждый год» [12]. Впрочем, вполне осознавались и реальные причины этой закономерности: рискованная охота на озере в конце осени («холодина уже, а с собой-то как — водки наберут кучу, напьются, поехал на лодке» [11]; «поверье почти всегда подтверждается очередным подпитым рыбаком» [15; псм]) и езда по истончившемуся льду в начале весны.

Примечания

¹ В основе статьи — материалы, собранные в 2011 г. экспедицией отдела современного фольклора Государственного республиканского центра русского фольклора. Благодарим за консультации по галичскому фольклору краеведов Н. В. Сотникова и С. В. Рычкову.

² Например, подборку текстов из Каргополя см.: Каргополье: Фольклорный путеводитель. Предания, легенды, рассказы, песни и присловья / Сост. М. Д. Алексеевский и др.; Под общ. ред. А. Б. Мороза. М., 2009. С. 62–69.

³ Балчуг — холм на территории города, на берегу Галичского озера.

⁴ По рассказу информанта, ему с друзьями удалось пройти полпути от монастыря до берега озера (заводь Горячка). Интересно, что мы стали свидетелями фольклоризации информации на следующем этапе распространения: жена информанта, чье детство прошло не в Галиче, сказала, что ее муж прошел полпути между монастырями.

⁵ Мухин В. Воспоминания об обители преподобного Паисия близь города Галича (Костромской губернии), о самом Галиче и о находящихся в нем и близ него храмах и обителях. М., 1884. С. 13.

⁶ Аведеев А. Г. Житие преподобного Паисия Галичского. Исследования и тексты. М., 2009. С. 226.

⁷ См., например: Мороз А. Б. Святые Русского Севера: Народная агиография. М., 2009. С. 59, 60, 109, 117–118, 148, 171, 179–184 и др.

⁸ Вёкса — река, истекающая из северо-западной оконечности Галичского озера. Унорож — деревня ниже по течению

Вёксы, Буй — город при впадении Вёксы в реку Кострому.

⁹ Столбищи, или Шемякин холм, — часть Балчула ближе к озеру; здесь находятся археологические памятники, остатки средневековых городищ.

¹⁰ Свинин П. П. Картины России и быт разноплеменных ее народов. СПб., 1839. С. 172–173.

¹¹ Левкиевская Е. Е. Клад // Славянские древности: Этнолингв. словарь: В 5 т. / Под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 2. М., 1999. С. 500–502.

¹² Исторические города и села Костромской области. Кострома, 2004. Цит. по: <http://www.galich44.ru>. Со ссылкой на: Смирнов В. И. Клады, паны и разбойники // Этнографические очерки Костромского края. Вып. 26. Кострома, 1921. (Труды КНО). С. 18.

¹³ Не исключено, что в рассказах о «попе» отразились воспоминания о прежнем владельце дома: «Раньше этот дом принадлежал Василию Ёлшину и его жене Нине. Василий Ёлшин из рыбаков. Какое он получил образование, я точно не знаю, но, когда стал организовываться рыбколхоз, он стал работать на Межрайбазе экономистом. Перед войной он был репрессирован будто бы за большую растрату. Василий попал в Гулаг, и больше его никто не видел. Всё имущество было конфисковано, в том числе и дом. В Галиче эта семья считалась богатой, но я, живя рядом, не слышал, что дом стоит на серебряных столбах. (...) Дом был построен в начале XX века» [15; псм].

¹⁴ <http://www.galich44.ru/phpbb/view-topic.php?p=20057> (13 окт. 2007 г.); пользователь Mikhail.

Список информантов

1. Александр, 1984 г.р.; зап. Д. В. Громов, К. И. Зорина.

2. Бреэгин Владимир Федорович, ок. 1950 г.р.; зап. М. Д. Алексеевский.

3. Верещагин Денис, ок. 1985 г.р. (переписка с автором статьи).

4. Виноградов Владимир Валентинович, 1963 г.р.; зап. М. В. Ахметова.

5. Воробьев Лев Леонидович, 1939 г.р.; зап. М. В. Ахметова.

6. Герасимов Сергей, ок. 1989 г.р.; зап. Д. В. Громов.

7. Гончаров Александр Васильевич, 1969 г.р.; зап. М. В. Ахметова.

8. Людмила, ок. 1930 г.р.; зап. М. В. Ахметова.

9. Мельников Владимир Никандрович, 1937 г.р.; зап. М. В. Ахметова.

10. Никита, 1995 г.р.; зап. Д. В. Громов.

11. Румянцев Геннадий Александрович, 1938 г.р.; зап. Д. В. Громов.

12. Румянцева Анна Сергеевна, 1940 г.р.; зап. М. В. Ахметова.

13. Рычкова (Виноградова) Светлана Владимировна, ок. 1952 г.р.; зап. Д. В. Громов.

14. Скороходов Дмитрий Витальевич, 1972 г.р.; зап. Д. В. Громов.

15. Сотников Николай Васильевич, 1940 г.р.; зап. Д. В. Громов (псм — переписка с автором статьи).

Мария Вячеславовна Ахметова,
канд. филол. наук, Гос. республиканский центр русского фольклора,
Рос. академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ (Москва)

ПРЕДАНИЕ О СОНИНОЙ РОЩЕ (г. Бологое Тверской области)

В г. Бологое Тверской области (микрорайон Бологое-2), вблизи бывшей усадьбы Высокое, на берегу Бологовского озера находится роща, известная местным жителям как Сонина роща. В данной публикации представлены материалы межвузовской фольклорно-антропологической экспедиции в г. Бологое и Бологовский район 2004–2010 гг., связанные с объяснением названия рощи.

В большинстве текстов название рощи связывается с некой Соней, которая принадлежала к знатному роду («боярышня», «знатного вельможи дочь» и т.д.) или к конкретному семейству местных помещиков. Одна из рассказчиц называет ее княгиней Эристовой (текст № 3); данная версия находит отражение и в местной краеведческой литературе, связывающей название рощи с именем владелицы усадьбы во второй половине XIX в. — С. И. Эристовой, жены князя Д. А. Эристова (историка и писателя, выпускника Царскосельского лицея и друга А. С. Пушкина).

В 300 метрах от главного дома [усадьбы] на высоком красивом месте находится сосново-березовая роща для отдыха и прогулок. Называется она «Сониной рощей» по имени владелицы усадьбы княгини Софии Ивановны Эристовой (в девичестве Мельниковой)¹.

Софья Ивановна овдовела в сорок лет. Страдая от одиночества, она подолгу гуляла в сосново-берёзовой роще, расположенной неподалёку от главного дома на высоком косогоре. Рощу поддерживали в должном состоянии — подсаживали новые деревья, берегли старые. И по имени хозяйки роща и стала называться Сониной².

Еще два рассказа содержат версию о принадлежности Сони к роду князей Путятиных (тексты № 4, 5). Хотя дом Путятиных находился на другом берегу озера, эта версия могла возникнуть не только потому, что данная семья значима для местной истории, но и как отголосок реальных событий: после смерти Эристовой в 1897 г. Высокое отошло по наследству ее внучатому племяннику Михаилу Путятину, брат которого Павел также жил здесь в летнее время³.

Возможно, некоторую роль в том, что Соню связывают с семьей Путя-

тиных, сыграло то, что одна из дочерей наиболее известного и значимого для местной истории представителя семейства — историка и археолога П. А. Путятина — носила имя Софья⁴. Впрочем, неотчетливая связь героини предания с конкретной фамилией скорее обусловлена «концентрацией» исторических фигур в бологовском локальном тексте, одним из важных мотивов которого является красота земли природы (ср. интерпретацию названия *Бологое* как «благое место»), привлекавшая сюда многих деятелей русской истории и культуры⁵. Этим мотивом актуализировано отступление в тексте № 6: рассказчик, отвлекаясь от вопроса о названии рощи, вспоминает имена П. А. Путятина, адмирала Ф. Ф. Матюшкина, а также гостившего у Путятиных и проводившего здесь археологические раскопки Н. К. Рериха (примечательно, что другой информант, очевидно говоря о Высоком, именует его «дачей Рериха» — текст № 10).

Таким образом, первая группа текстов сосредоточена преимущественно вокруг «прогулочного» мотива: Соня в них предстает местной землевладелицей, а роща получает название, поскольку является излюбленным местом ее прогулок.

Фик с какой-то Соней, которая там [в роще] покончила жизнь самоубийством⁶), а также как монашка или разбойница. В целом здесь актуализируется распространенная модель народной топонимики, маркирующая места «нечистой» смерти (насильственной, в результате несчастного случая или самоубийства)⁷. Не случайно одна из информанток говорит о Сониной роще как об опасном месте, где и относительно недавно «очень часто убивали», а ее собеседник, услышав рассказ об утонувшей княгине, предполагает, что это произошло в Сониной роще (текст № 7).

Сюжет о самоубийстве Сони после изнасилования был известен сотруднице Бологовского краеведческого музея И. В. Багажовой (1937–2000), материалы которой частично вошли в цитировавшиеся выше издания об истории бологовского края (именно на Багажову ссылается рассказчица в тексте № 13, как на женщину, занимавшуюся экскурсионной работой⁸). Однако эта версия не была туда включена, видимо по причине недостаточной историчности. Некоторые информанты ссылались также на сообщения СМИ (заметка в местной газете, передача по центральному телевидению).

Представляет интерес текст № 7, где источником послужили рассказы старожила, до революции служившего у Путятиных (здесь образ гуляющей в роще Сони также окрашен трагически: она носит траур⁹). Кроме того, что это уникальный пример «свидетельства», полученного из среды, близкой к дворянской семье, которая сама стала предметом фольклорного осмысливания).

«Ещё более загадочно название Сонина роща, связанное с именем дочери богатого владельца земли имения. Красавица Софья любила гулять по аллеям прекрасной берёзовой рощи, а однажды попала в руки насильников. С горя обезумевшая девушка покончила с собой. Это трагическое событие и легло в основу предания и названия местности» (из рукописи Р. В. Тишковой «Радоница». См.: Живая старина. 2014. № 2. С. 48).

Другая группа текстов, более разнообразных сюжетно, сосредоточена вокруг произошедшего в роще несчастья: в роще Соня 1) вешается илитопится в озере по причине а) несчастной любви либо несостоявшегося брака (свидания Сони с излюбленным также могут происходить в роще); б) изнасилования; 2) кончает с собой по неизвестной причине либо просто «гибнет», в том числе от рук убийц. При этом она может представлять как девушку из знатной семьи, как неизвестная (ср.: «местный ми-

ления, любопытна дополнительная информация, касающаяся этой семьи: жена одного из Путятиных утонула. И хотя трагедия произошла не в роще, а погибшую, согласно рассказу, звали не Софьей, а Еленой, эта информация (которая едва ли могла остаться неизвестной в локальном сообществе — будь в ее основе реальный факт или слух) могла оказать влияние на фольклорную традицию).

Версия, согласно которой героиня предания «была связана с какой-то бандой» (текст № 17), записана едини-

II Мифология места в народной традиции

ножды. Возможно, такая трактовка была спровоцирована вопросом собирателя, назвавшего рощу *Сонькиной*, а не *Сониной*: подобное именование могло актуализировать ассоциацию со знаменитой преступницей Сонькой Золотой Ручкой.

Напоследок отмечу любопытный литературный факт. Перу советской поэтессы Элиды Дубровиной принадлежит стихотворение «Сонина роща», фактически цитирующее бологовское предание: «Молчала роща полу-сонная, / Ломалась мягко тень крыла. / А называлась роща — Сонина, / И грусть, и прелесть в том была. / Не тронь цветы — их срок до осени, / Их стать доверчиво-нежна... / Когдато в этот омут бросилась / От горя юная княжна»¹⁰. Данные о биографии Э. М. Дубровиной не содержат сведений о ее связи с г. Бологое: она родилась в Минске, жила в Рязанской области, на Украине, в Казахстане, значительную часть жизни провела в Ленинграде¹¹. Разумеется, нельзя исключить, что поэтессе каким-либо образом стало известно бологовское предание о Сониной роще. Однако, поскольку топонимическая модель, объясняющая название географического объекта при помощи предания о чьей-либо гибели, широко распространена (не говоря уже о самом топосе самоубийства девушки от несчастной любви), простое совпадение здесь не так уж и невозможно.

1. Сонина роща... это помещик... это около дом культуры, называется, как его, вот там-то как называется, вот, забыл. Вот. Там тоже помещик был. [А Соня — это кто?] Сонина роща — это женщина ... богатая была. Это ей было, ейное было, участок. И вот он называлось Сонина роща. [Это ей принадлежало?] Да, принадлежало ей (Б.Ф. Александров, ок. 70 лет, работал помощником машиниста; зап. М. В. Ахметова, В. В. Головин в 2005 г.).

2. Была такая Сонина роща. ... Так называется, как сказать, когда-то была там, это, боярышня или кто там, Соня такая. Вот её роща, назвали (З. Н. Сухецкая, 1928 г.р., работала связистом на железной дороге; зап. М. В. Ахметова, Я. Фрухтманн в 2004 г.).

3. ...Там дальше вот имение было Эристовых, друзей Пушкина, друзей Матюшкина ... Княгиня Софья гуляла, в Сониной роще была беседка, она всегда там читала ... Вот ко мне приезжают, кто не знает, я вожу, рассказываю обо всём этом имении. [А княгиня Софья — это кто?] Это жена. Эристова. ... А Сонина роща, конечно, она и в войну пострадала, повыпиливали, она до сих пор есть, и очень приятно в ней... пройтись за грибами, можно пособирать походить. Но

деревьев, конечно, мало. [А почему она Сонина?] А Софья, княгиня, всегда гуляла там. [Жена Эристова?] Да, да. Да, в честь её (Н.И. Зуева, 1933 г.р., род. в пос. Медведево (ныне в составе г. Бологое), занималась культурно-просветительской работой; зап. М. В. Ахметова, В. В. Головин в 2010 г.).

4. У них, по преданию, была дочка Соня, вот у Путятиной. Она болела туберкулёзом. И она вот ходила — там вот этот, сосны там, сосны, красиво, всё сосны, сейчас тоже вырубают. Ходила там всё время, ну, ходила, дышала. И народ сохранил вот «Сонина роща», вот это, такое название. ... Ну, в конце прошлого века... девятнадцатого века, это не так давно было (Алевтина Петровна, ок. 75 лет, род. в Великолукской обл., жена краеведа М. А. Иванова; зап. И. Ю. Назарова, С. Райт в 2008 г.).

5. [А почему Сонина роща так называется?] Почему называется, по имени. Тут эти ну вот жили, Путятин жил, по имени жены или дочери названа она, хранилась она там ..., береглась вот там. Ну как парк, заповедник раньше [роща] была. [А что с этой Соней произошло?] Не знаю (А. П. Белякова, ок. 1940 г.р., образование ср. спец.; зап. С. Н. Амосова, М. В. Ахметова в 2004 г.).

6. [А почему такое название?] Это Сонина, здесь же вот это озеро, были... ... Бологое — от слова «благое». Благое, потому что здесь благодать, вот здесь вот озёра, вот кругом озёра, значит, низинные места, в общем, значит, луга, значит, для ну как бы обжития ... удобные такие места. И рядом дорога, во-первых, железная дорога, а во-вторых, вот эта шоссейная дорога Ленинград — Москва, она же всё от нас, от Бологое, ведёт, построено, и поэтому купечество, раньше вот купечество, оно же сюда, в Бологое-то были построены дома купеческие. Были. И здесь вот были дачи, дачи всё это. Усадьбы. Вот князь Путятин такой, в Государственной думе тоже был он. Очень влиятелен. ... Вот наша улица Матюшкина, ... адмирал, в общем, Матюшкин. Вот. Приезжали здесь очень много знаменитостей. Проводили здесь летнее [время] в общем-то... Я даже это забыл, в общем, Пушкин приезжал или нет. Короче, связи были. С очень многими. Был же Путин... то есть Путятин был. Вот эти все к нему приезжали ... Да вот Перихи здесь, они вели раскопки здесь. ...

Так вот, Сонина эта роща, это, она называется Сониной рощей, значит, не князь Путятин, а, по-моему, у другого кого-то, в общем, к нему как бы приезжали. И у них была дочь Соня. Соня, и она, по-моему, познакомилась... не кучер, а кучер или вот этот... за лошадьми, в общем, раньше ведь ездили, всё выезжали на лошадях. ... И она встретила вот этого. Конюха, который ухаживал [за лошадьми]. Молодой

был, красивый. В общем, как-то судьба свела, и она... они стали здесь встречаться. И потом что-то, то ли он хотел на ней жениться, что-то такое... и родители вроде отказали. И она вроде вот это, в Сониной роще здесь руки на себя наложила. ... Утопилась (Николай Антонович, 1928 г.р., в г. Бологое живет с 1956 г., работал машинистом; зап. М. В. Ахметова, Е. В. Кулешов в 2005 г.).

7. [АСП]: [Обращается к собеседнице:] Вот что вы можете сказать про Путятину, про Михаила, Павла, ... про жену Путятину Елену? ... Мне пришлось в 58-м году работать... ну не колледж тогда, а совхозтехникум был. И сторожем там был пожилой, ему около ста лет было. Работал сторожем. И он был у Путятиной мальчиком на побегушках. И говорит... вот только я не помню, Павел или Михаил [Путятин], ... который военный из них был? ... Михаил военный. Значит, он уехал. Значит, Павел. ... Говорит [сторож совхозтехникума] — очень жалко было, когда, говорит, Лена пошла с мостика, и видели, как она спускается, тропочка, спускается, а один шарфик остался.

[ГАП]: Сонина роща?

[АСП]: Нет. Это напротив её прям вот дома ... Там была тропочка — ровенькая-ровненькая, и прямо на плотик. И эта тропочка была сохранившаяся. И, говорит, и развевался шарфик. Там, говорит, воды вот столько. Ну чё, побежали, она сама, сама-то лежит, ну утонула. У неё голова, видно, закружилась. И он [сторож] так расстраивался, так расстраивался. ...

Сонина роща — это как раз где дом Путятиной, поместье Путятиной переходит в Сонину рощу. В Медведево переходит. Вы знаете что, я хочу сказать, когда мне пришлось, сколько, лет 10 работать в этом колледже и идти, идти по Сониной роще, уж (нрзб.) мне там не хотелось идти. Дело всё в том, что там очень часто убивали. ... Ну что, студенческое общежитие. Колледжа. Кого там убивали? Вот приходишь, говорит: «А, в Сониной роще там убили». ... [А почему она так называется?] А там гуляла... Кто же, кто ж у неё умер-то? И она в чёрном всё время... ... Но вот этот дед-то мне сказал — он её помнил очень хорошо, и, говорит, она всегда выйдет и ходила только в тёмной оде... в тёмном одеянии. ... [Ходила-то кто?] Соня. Соня. Она ходила только в тёмном одеянии.

[ГАП]: Её там убили, по-моему. Да?

[АСП]: Кого, Соню?

[ГАП]: Да. По-моему, убили её. ... После этого и назвали Сониной рощей.

[АСП]: Она там гуляла.

[ГАП]: Гуляла. А потом её убили.

[АСП]: Постоянно гуляла в этой Сониной роще, гуляла. Она доходила до поместья, к ней очень там хорошо относились. Но она ходила одна, её никто не провожал, она ходила одна, любила ходить одна. А уж чё там с ней, как её

там прибили, не прибили — я не знаю, не буду говорить (А.С. Пузыревская, 1935 г.р., учительница; Г.А. Пузыревский, 1934 г.р., работал электриком; зап. М.В. Ахметова, А.В. Тарабукина в 2008 г.).

8. А, вот это интересное название. Считается, тут два варианта. [...] Считается, что была такая девушка, которая влюблена была, и что, в общем, она хотела выйти замуж за своего молодого человека, но ей не разрешили, и она утопилась. Вот и назвали. Но это, знаете, я вам честно скажу, это придумка. Знаете почему? Потому что Сонина роща — [я] ещё где-то встречала, не помню, в каком городе. Точно такая же история, точно так же утопилась, потому что ей, не выдали её замуж. [...] А вторая версия... просто считается, что, ну, роща была посажена специально для прогулок молодых девушек. Ну а поскольку больше всего там гуляла Соня, и назвали Сонина роща. Так что трудно сказать, какая на самом [деле], но первое, я считаю, придумка (М.М. Фурс, ок. 1940 г.р., учительница, руководитель школьного краеведческого кружка; зап. М. В. Ахметова, В. В. Головин, М. В. Калашникова, М. Л. Лурье, А. А. Сенькина в 2006 г.).

9. Сонина роща — не слышал [истории], знаю, что она здесь находится. [...] По-моему, до революции там были бояре или как их там назвать, я не знаю. Вот. И девоч... девушка по имени Соня там вроде утопилась. [А почему?] Ну, очевидно, неразделённая любовь или что, я не знаю (Сергей Леонидович, 1956 г.р., род. в Амурской обл., в г. Бологое живет с 1972 г., машинист; зап. М. В. Ахметова, Е. В. Кулешов в 2005 г.).

10. Там дача есть. Вот Перих, дача Периха. Там, значит, какая-то девушка, Соня её звали, она повесилась. Это ещё при царе. И вот её и назвали Сонина роща. [А почему она повесилась?] Любовь, наверно (А.Г. Морозов, 1925 г.р., род в пос. Медведево (ныне в составе г. Бологое), в г. Бологое живет с 1960 г., работал машинистом; зап. М. В. Ахметова, В. В. Головин в 2005 г.).

11. Сонина роща — это Бологое-2. Это отсюда километров пять. Там, значит, то ли повесилась, то ли погибла какого-то знатного вельможи дочь. И вот её именем и названа Сонина роща (В.Г. Доможиров, ок. 75 лет, род. в д. Сергиево Бологовского р-на, в г. Бологое живет с 1947 г., образование ср. спец.; зап. М. В. Ахметова, Я. Фрухтманн в 2004 г.).

12. [Говорят, какая-то история с Сониной рощей была?] Да, слышала, тоже забыла я. Там как-то удавилась, как-то Соня, чья она была? [...] Это обыкновенная берёзовая роща. Берёзки там, ольха. Маленькая такая, как этот парк. И там чья-то дочка, или княжна, или кто удавилась. И так и назвали Сонина роща

(Тамара Михайловна, 1936 г.р., медик; зап. М. В. Ахметова, К.И. Зорина, М.Л. Лурье в 2004 г.).

13. ...Если отъехать в сторону Москвы, вот так в направлении от нас, километрах в трёх отсюда есть знаменитая Сонина роща. Вот, я всё время интересовалась, откуда да что. Ну, это в музее у нас работала вот женщина, с которой мы часто на экскурсию ездили, она мне все вот эти тонкости рассказала. Сонина роща, значит, там когда-то жил помещик, не помню его фамилии, у него была дочка-красавица Соня. И однажды вот она гуляла по аллеям этой сосновой рощи, и её, значит, молодчики какие-то, короче говоря, на неё... польстились на девушку. И она погибла, после этого жить не смогла. В общем, они её изнасиловали, короче говоря. Вот такое есть поверье. И с тех пор вот эту рощу стали называть Сониной рощей (Р.В. Тишкова, 64 г., род. в Новгородской обл., в г. Бологое живет с раннего детства; работала экскурсоводом, занимается культурно-просветительской работой; зап. М. В. Ахметова, С. Панкениер, А.Н. Сенькина, Я. Фрухтманн в 2004 г.).

14. [Почему Сонина роща так называется?] Ну, говорят, что там сгубили, ну, монашку, что-то я слышала. Сонина роща. [Ее Софья звали?] Да. Ну, молодую (М.Н. Штейнмеллер, 84 г., работала учительницей истории; зап. М. В. Ахметова, Я. Фрухтманн в 2004 г.).

15. А это надо в Бологое-2 спрашивать, почему Сонина роща. Там как-то, по легенде, Соня... а вот рассказывала мне Катерина Александра, Соня, эта девушка, погибла. И вот назвали Сониной рощей вот это место. [...] Тут недавно у нас была, это, была такая по телевизору [передача] [...] какие-то «Очерки из провинции». И касались Бологое. Вот была интересная передача. Даже я того не знаю вот, даже я того не знаю, у нас в Бологое-2 есть, уже там руины остались, показывали тоже — жил какой-то помещик, и очень такой знаменитый. Дом. И много рассказов по этому поводу было. И вот затрагивалась Сонина роща. [...] Может быть, я даже не от Катерины Александры, может быть, от этого, там мужчина вёл передачу, и, видно, там вот эту всю легенду я там-то слышала (Н.Д. Писаренко, 1946 г.р., художник-оформитель; зап. М. В. Ахметова, В. В. Головин в 2010 г.).

16. Они [газеты] у меня где-то вот здесь вот и лежат, я уж и не очень-то и помню и даже их. Что жила какая-то Сонька. Исстари приходили на свидания. Вот, что они там погибли, и вот назвали её именем. Встречались как-то просто там. [Но это из газет как бы?] У меня — из газет (Л.А. Гончарова, 61 г., в г. Бологое живет с 10 лет, учительница; зап. М. В. Ахметова, М.Д. Алексеевский в 2006 г.).

17. [Скажите, а вот Сонькина роща такая есть...] Сонькина роща — это, э... мыс между Медведевом и Бологое-2 <...> А называется, что там когда-то Сонька повесилась. Всё. А Сонька с кем там связана была?.. Или, по преданию, с какими-то вроде группировкой какой-то бандитской, вот. В общем, повесивши была Сонька. И так Сонькина роща называется. [Так она разбойницей была, что ли?] Ну, мы-то в те времена не жили, это, видно, 20-е годы. [А что рассказывают?] Да говорят, что была повязана с какой-то бандой или с чем вот (Б.П. Трофимов, 1935 г.р., работал машинистом; зап. К.И. Зорина, Е.В. Кулешов, С.Е. Милкина в 2005 г.).

Примечания

¹ Багажова И.В., Иванов М.А., Полякова Л.А. Бологое на Валдае. Бологое, 2005. С. 98. Примечательно, что в переиздании книги название рощи не связывается с именем княгини Эристовой — в описании усадебного комплекса упоминается лишь «сосново-берёзовая роща для отдыха и прогулок — так называемая “Сонина роща”» (Иванов М.А., Багажова И.В., Полякова Л.А. Бологое на Валдае: Пособие по краеведению / Ред.-сост. О.В. Копьёва. Вышний Волочёк, 2010. С. 114).

² Иванов М. А. Земля болотовская на карте истории: Ст. и очерки. Вышний Волочёк, 2006. С. 34.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 154.

⁵ См.: Ахметова М., Лурье М. Материалы болотовских экспедиций 2004 г. // Антропологический форум. № 2. 2005. С. 336–356; Они же. Бологое: «маленькая столица между двух столиц» // Отечественные записки. 2006. № 5. С. 207–217.

⁶ А.И. Пожарский, 1961 г.р., местный, преподаватель в художественной школе; зап. М. В. Ахметова, Т.М. Кожевникова в 2008 г.

⁷ См.: Березович Е.Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. Екатеринбург, 2000. С. 337–341.

⁸ Информантка включила данный сюжет и в рукописный конспект-пособие по работе в фольклорном клубе (см.: Ахметова М. В. Этнографические заметки краеведа-любителя: «Радоница» Р.В. Тишковой // ЖС. 2014. № 2. С. 48).

⁹ Учитывая сведения о возрасте стажожила, который рассказал информантке о «ходившей в чёрном» Соне, не исключено, что речь идет о вдове Софье Эристовой.

¹⁰ Дубровина Э. Сонина роща // Нева. 1979. Вып. 7. С. 110.

¹¹ Любомудров А. М. Дубровина Элица Михайловна // Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги: Библиогр. словарь: В 3 т. / Под ред. Н. Н. Скатова. М., 2005. Т. 1. С. 664–666.

Работа выполнена в рамках НИР «Структуры и механизмы культурной памяти» Школы актуальных гуманитарных исследований РАНХиГС

22 октября 2015 г. исполняется 60 лет постоянному автору «Живой старины» Геннадию Исааковичу Лопатину. Благодаря его публикациям наши читатели познакомились с богатой фольклорно-этнографической традицией белорусско-русского пограничья, с локальными традициями деревень Амельное, Бартоломеевка, Копань, Старое Закружье, Хальч (Ветковский район Гомельской области), Верхличи (Брянская область) и других. Круг интересов Г.И. Лопатина необыкновенно широк; на страницах журнала нашли отражение записанные им поверья и легенды, приметы, запреты и предписания, заговоры, песни,

пословицы и поговорки, сведения о народном календаре, семейной обрядности, о народной медицине и животноводческих обрядах, о демонологических представлениях... Ко многим своим информантам Геннадий Исаакович ездит годами, и они охотно делятся с ним все новыми и новыми рассказами о «живой старине». Поистине счастливая судьба исследователя и собирателя, для которого общение с «бабушками» — это больше, чем просто работа.

Редакция и редколлегия от всей души поздравляют юбиляра, желают ему новых и интересных экспедиций, новых публикаций.

Геннадий Исаакович Лопатин,
ведущий научный сотрудник, Ветковский музей старообрядчества
и белорусских традиций им. Ф. Г. Шклярова (Республика Беларусь)

ПОЧИТАЕМЫЕ ИСТОЧНИКИ В ВЕТКОВСКОМ РАЙОНЕ ГОМЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

Синий колодец около Нового Задья, Гавелёвы ключи около Новиловки, Вдовьи криницы в Столбуне и Бартоломеевке, криницы около Яново и Перелёвки — водные источники, почитаемые жителями деревень Ветковского района Гомельской области Белоруссии. На Макавея, на Спаса¹, а чаще всего в десятую пятницу по Пасхе (Дзесятуха) возле большинства из них проводятся службы. Эта традиция достаточно давняя и практически повсеместно распространенная. С. В. Максимов на материале, охватывающем территорию «от крайних границ Белоруссии и до далеких окраин Великороссии и Белого моря», приводит примеры покровительства Параскевы Пятницы водным источникам. Особое место этнограф уделяет чудесному явлению икон с изображением Параскевы². Примечательным дополнением к этому, на мой взгляд, служит явление иконы в деревне Шерстин³, о котором рассказывают также в соседних деревнях:

У нас, у Шарсціне, есьць святое места. Можа, чулі Іаана Кармянскага, баюшку? Он служый у Шарсціне пятнаццаць лет. І кагда он служый, на яго глазах праізашло чуда. Не ў самой цэркvi, а на другую старану дарогi, немножка наўскасяк, туда, як прайці к Юркавічам. І вот ані пайшлі. Чаго ані пайшлі? І вот відзяць, даска на дзераве паявілася. І эта даска, і толькі бачылі руку і карандаш, і нарысавалася ікона Параскевы мучаніцы. І тут ані за эту ікону, і адняслі ў цэркву чэрэз дарогу. Назаўтра ўтрам прышлі — іконы нет. Пашлі, паглядзелі, а ана на том месці. Аны ўтары раз здзелалі так. А на трэці раз, кагда аны прышлі, то зноў ікона на tym месці і мала таго — біў ключ вады. Кагда людзі ісплі, смыліся — усе бальныя ісцаліліся.

І сейчас, хачу сказаць, да этага ўрэмени эта места стаіць святое. Там Мацер Божая ікона Траеручыца і Параксева. І вада-істочнік. Вада — п'еш ішчэ хочыцца піць. А з таго места іцці не хочыцца⁴ [1].

Озера и криницы (родники, источники) издревле называли глазами земли, ср.: «Литов. акис — око, глаз, означает также и водянную жилу, родник; у латышей ака — колодезь; в Карпатах и Татрах горным озерам дают название: морске око»⁵. Так их называют и в белорусской традиции. И именно к криницам обращались в ветковских деревнях, в частности в Антоновке, «каля пацямненне ў вачах», жертвуя кринице «дзесятчик» (десяткопечную монету) и трижды произнося: «Крынічка, крынічка, на маю не светласць дай мне свою светласць».

Существуют поверья, что водный источник может реагировать на людей и их поведение, в случае непочтительного отношения — обидеться и уйти либо наказать человека.

Як на Покаць паварот, Кавалёвы ключы былі. Ваду бралі, а пасля таго сталі мыць більё, і яны ушлі. Няльзя сціраць. Баяцца яны плахаты. Ключы, як чалавек [2].

Крыніца... У ёй дванаццаць ключоў... Да яе засурлыі... Хто пачысця — хорошая вада... Хто пачысця — плахая... Эта ё... Каго залюбяць этыя ключы, дац вада аж сіняя [3].

І ішчо ў нас ёсьць цылебная крыніца ў Будзішчы [пограничье Ветковского и Чечерского районов]. Пасрэдзіне дзірэуні агромнай крыніца. Такая крыніца, еслі чылавек, каторы нідабражэлацельны, у каго плахая эніргеіка, падходзя, то вада становіцца як малако — белая і кіпіць. І суткі ана кіпіць. У прошлым гаду баялісь,

Криніца у д. Большие Немки. Конец 1990-х гг.

кагда прыязжая «...» гаварылі: «Хоць бы не сурочыў ваду, іначэ браць негдзе». Ну, нармальная ўсё было. Вада не бушэвала. Была спакойная [4].

У нас, у Вялікіх Нямках, есьць святая крыніца. Ана находзіцца на малінькай рычушкі, между двух уліц, пасрадзіні дажэ самой дзірэуні. Ана абложэна, ззелана эта крынічка уродзе бы как ціпа калодца. Кала ё стаят два крыста. На первам крысце ікона Божай Мацеры, а на ўтаром — Спасіція. І даўным-даўно ходзя такая лігenda, што вада у этай крынічкі цылебная. І вот у каго забалелі дзеці ілі сам ты забалеў, і падходзіш к этой крынічкі, і хочыш абрыйнуцца, то есьць пакланіцца Богу, і папрасіць у Бога сваё здароўя. І сущасцьтует такая лігenda, што у адной жэншчыны балела доч, і вот этим красивым платком, каторы ана гатовіла ёй, іменна штоб ана вышла замуж іменна ў этим платке, світочны он счытаіцца, ана атарвала, как ад сердца, і павесіла на эціх крыстах на крынічкі. Чэрэз какое-та ўрэма палучылася, што доч іё стала здаровай: куда і дзелась тая чорная балезнь. А іё падруга пазавідывала на этот платок і сваравала сібе. Адкуда ні вазьмісь, забалела этай чорнай... Как гаварыцца, з крыста нільзя нічога браць: ні яйца, ні платка [5].

Там сенакосы Ігнацёнкавы былі. Крыніца была. Каля яе куст быў. Трава кругом і кусты. Жэншчына жала і зжала

той куст. И ёй реч атабрала. И прыснілася ёй крыніца і кажа: «Нашто ты маю красу абрэзала?» [6].

Последний рассказ, вероятно, связан с фольклорным мотивом превращения девушки в различные природные объекты, распространенным, в частности, в народной песне (ср. рус. «Не коси, братец, шелковой травы; шелкова трава — то моя русая коса!», серб. «Моја ситна коса — зелена ливада, / Моје чарне очи — два бистра кладенца»⁶, бел. «Сястра ўтанула і да брата слова молвіла: / «Не лаві, брат, у моры рыбы, / А ў моры рыба, то маё цела, цела белае. / Не касі, брат, у лузе травы, / А ў лузе трава, то мае косы...») [7]. В ветковской традиции известен и сюжет, в соответствии с которым девушка превращается в криницу.

Сейчас мы называем той юрочыша Василькова гара [по фамилии местного помещика Василькова]. Там быў агромны сад. И на этом падворышы быў калодзіц, дзе журавом даставалі вядром воду. Вада была хорошая. А панская селішча было абнесена заборам. Людзі работалі ў лясу, на палях і ў жаркаю пагоду, раньш ўсё бралі с собой баклажачкі — круглые, пробкой закрываліся, з дубовых клёпачак бочачка. У баклажцы кончыцца вада, людзі вады хочаць, а пан такі злой быў, што ні даваў вады, ні пускаў блізка на дворышча людзей етых, сваіх крысціян. А у яго дзвечака, Манёфа звалі яе, Манёфа ўсігда людзям перыдавала чэряз забор вадзічку. Людзі падходзілі к забору, яна ўбачыць, што людзі ходзяць, вадзічкі ўсігда набірэ і дае. Увідзілі прыдворныя пана етага і наказалі ету дзвечаку, закрылі яе ў клеці, дзіржалі там сколькі. Дзвечака та ўдrala із клеці. И сталі іскаць. Іскalі, іскalі — нідзе дзвечаку ні нашлі. И с сабакам

хадзілі, нідзе ні нашлі. И аднажды людзі ў лясу работалі, і аднаму мужчыну сон сасніўся, што: «Ідзіця ў напраўленіі запада, ад чорнай бірёзы, метраў трыццаць пройдзіця, там будзя раднік з дзвінацца ключоў, там буду і я. И ўсе вадзічку будуць піцы, я буду ўсем ісцяляць жажду». Чылавек этат расказаў мужчыкам у лясу свой сон. «Давайця папробуй!» Пашлі ў напраўленіі запада, ад чорнай бірёзы крываю трыццаць метраў атышлі і праўда, нашлі эти раднічок. Крынічу пракапалі, і біла дзвінацца ключоў. Паставілі крэст, паставілі там іконку, павесілі рушнік. И с цех пор усе людзі, хто ў лясу работалі, усе ішлі бесплатно за вадзічкай. Усех вадзічка эта пайлі, і ўсех вадзічка эта ісцяляла. И такая лігenda сущысцівіца і перадаецца із пакаленія ў пакаленія. И святая вадзічка ўсім памагая. И шаптаць еслі, дак той вадзічкі, еслі малітва якая на вадзе нада. Вот на той вадзе іменна, бяруць, ходзяць у ту крываю. И так, куды хто ні йдзе, усігда заходзяць... Тую вадзічку... Памоліцца, вадзічку тулу набірэ. Из Гоміля ездзюць за той вадзічкай. Людзі ісцяляюцца. Набіраюць цэлымі цыстэрнамі. И ў зімняյ ўрэмія, і вісной — када толькі туда можна дабрацца. Сущысцівіт такая лігenda. Ни знаю, насколькі эта праўда. Но ў реальнасці вадзічка эта памагаіт усім [8].

В ветковских деревнях достаточно распространеными были обетные колодцы (*оброчные криницы*). Как правило, в случае болезни, засухи и т.п. женщины, обычно вдовы, облагораживали какой-либо природный источник (ключ) — делали сруб, огораживали и превращали в почитаемую *криницу*.

Як речка працякае, як ідзеш пад Гарадок, крываю. Адна жэншчына балела, ей прыснілася, яна прыехала выкапала. Дзень капала. Ніяк не выкапае,

ключ не цячэ. Яна кажа: «О! Госпадзі! Дзень канчаецца, я не выкапаю крываю». Як рванула, яна чуць выскачыла. Там крываю ёсьць. Што-то у яё балела, яна ўсе бальніцы аб'ездзіла [9].

Была ў Чудзі на агародзі. Капалі копанку. Удовы рубілі самі. Ізрубчык такі. Капалі крываю. Ставілі хрест каля той крываю і свяцілі ваду. А тады якта не было дажчу доўга-доўга, так поп прыходзіў к той крываю. І ё чысцілі ўдовы. Пачысцілі тулу крываю і там служылі, штоб быў дожч [10].

«Вдовина криница» в д. Столбун почитается по сей день. Об этом свидетельствует запись, сделанная в 2014 г., как раз на Десятуху (первый из приведенных ниже текстов). Согласно третьему тексту (тема криницы возникла в контексте беседы об *обыденных тканях*), криницу копали, придерживаясь условий изготовления *обыденного* предмета, — герояня рассказа осознает, что всю работу необходимо закончить за один день.

Эта лігenda ідзёць ішчо са времён рэвалюцыі ў Сталбуне пра Вдовину крываю. Тагда на этам месці быў бальшы лес. Средзі леса прабілісь некалькі раднічкоў. Церкви не было ў Сталбуне. Сабіралісь прыхажане у однай старушкі, Морозовой Паліны. Там была як цэрква, як дом для службы... Усё у іконках... Все-все приходжане, і маладыя і старыя, хто вераваў, хадзілі туда... Многа было ўдоў... Но эта было ўжэ бліжэ к вайне, у послеваенныя годы... Лес этат сам па себе стаў ісцэзаць... Высекалі... И вот ужэ ў послеваенныя годы поспі любоіслужбы... Сабіралісь прыхажане... Выбрали эту крываю... Самую панравіўшуюся ім... И абрарабатывалі, агаражывалі, штобы вада не мутнела. И так палучылася, што адні ўдовы хадзілі. Вот ат этага і пашло названіе Вдовіна крываю. Хто абрываўся над этай крываю, як бы клятву даваў глядзець за ёй. Хто, ужэ неізвесна, патому шта старыкі папамерлі. А лігenda і па сіводнішні дзень... Вдовіна крываю... Чысцінка... Вадзічку ходзяць брацьі у празнікі, для асвяшчэння вадзічку біруць аттуда. По празнікам... И ў це ўрэмена, і поспі вайны, і в сімсятые годы там праходзяць службы. И вот сіводня — Дзісятуха... Дзісятая нідзеля поспі Паскі... Сіводня будзіт служба... Служба там праходіт для таго, штобы градамі ні ўбіла уражай, даждзі ні залівалі, засухі ні было... Несколько лет назад ужо пры маёй бытнасці, можа, дзесяць лет назад, можа, трошкі большэ, сільная засуха была, усё гарэла, і зернавыя, на агародзі нічыво не было, людзі сабралісь не ў празнік, проста пашлі туда службы... Послі службы Бог даў дождзік. Усё на агародзі ажыло [11].

Криница у д. Будыщи. 1992 г.

II Мифология места в народной традиции

Эта была крыніца, ана маленечкая, іе раскалалі ўдовы, ана ўжэ даўно крыніца. Абрубілі, і два храсты там стаіць. І вот, як спытаць ідуць, чалавек забалее, ідуць ў Удовіну крыніцу ваду набираюць. На дожч служаць — к той крыніцы ідуць служыць. Вот спытаюць... У калодзезі ні бяруць — у крыніцы бяруць. Чалавек прагавора сцішок — і польза будзя [12].

[Ці былі ў Стайдуне рушнікі, што ткали за адзін дзень?] Было. Сабіраліся дзесяць удоў. І вот яны ад балезні, штоб іх храніў Гасподзь. Ані чесныя былі... Некуда зра былі ўдовы... І вот яны сабраліся... Іх была дзесяць чалавек. Вот яны за дзень і напралі і выткалі, і адняслі да Удовінай крыніцы. Там хрэст паставілі і павесілі на іконку палаценца. Эта наша пакойніца баба рассказывала, бацькова матка. За адін дзень эта усё. Ну, там жа небальшэнкі рушнік. Эта ж не то шта там бальшы — ну, метраў пяць ці колькі. А эта небальшы, можа — метра, можа — меней. [Як называўся такі рушнік?] Дняўнік... За дзень і ўсё... Эта ж ня зімні дзень, а пятроўскі, бальшы... І вот за дзень яны ўспелі здзелаць. Узімку яны бнеўспелі здзелаць эта. А пятроўскі дзень бальшы... Дзесяць часоў вечара, а яшчэ відна. І вот яны справіліся. Удвох прадуць лён эти, адна снует, адна на навой. І вот яны па вочарадзі... Дзесяць чалавек. І яны ўспелі аднесць на Удовіну крыніцу і павесіць на іконку. [У якіх выпадках рабілі такія рушнікі?] У такіх случаях, што яны як абракаліся. І длінныя вышываныя вешалі на іконы. [Калі рабілі «днёўнікі», а калі длінныя?] Длінныя, як служылі на дождзь, кала крыніцы вешалі. І так на Дзесятиху, на Дзевятыху... [Калі рабілі «дняўнікі»?] Як абрыкнуліся. На дзяцей, што жывы былі, што самі жывы былі. І нанімаюць яны мужчын удаўцоў... Рояць крыніцу... Выкапваюць ключ. І ня то што яны ня то шта ткалі, а з двара, якія ёсьць палаценца [13].

Ниже приведены рассказы о почитаемых криницах в других населенных пунктах Ветковского района.

ЯНОВО

Жэншчына ні відзіла нічога... Прыснілася... Ана сказала: «Ідзеце на тое-то места... У нізінчуку... Капыток... Ці карова стала ці лошадзь...» І нашлі эта місцечка. Капалі крынічку... К ней ідуць, када забалеюць, ногі мъюць... Глаза... Дзеткам... [14].

Жыла в Янова адна жэншчына. Ана была очень-очень бальна, і мала таво, што ана была бальна, ана была незрячая. І ей прыснілся сон. Ты далжна найці в поле воду і ўмыцца этай вадой — і ты празреіш і вызыдаравеіш. Ну, яна, так мне бабушкі старыя рассказывалі, што яна не сильна здарова была, ана палзла на каленках па этому полю, там іскала,

Синий колодец у пос. Новое Залядье. 1998 г.

нашчупала вродзе бы как след то лі ад каровы, то лі какое-та жывотнае хадзіла, аставіла этат след, і у этам следзе была вада. Ана умылася, і дзізвіцельна ана вызыдаравіла, празрела. І вродзе бы, гаварят, патом на этам месці вырылі эту крыніцу [15].

КОЛБОВКА. «КОВАЛЁВА КРИНИЦА»

Баярскі жыў на Калініні на гарэ. Дзевачку ўзяў у чалядкі сабе, і яна служыла ў іх. У іх золата было. Яны ў бочачку закрылі золата і ў крыніцу. Крыніца схавала золата тоя. А тады касілі бабы да пашлі ваду піць. Падышлі, а бочачка навярху. Так яны штоў сказали: «Чур умесці!» А яны: «Лейка! Лейка!» І яна — бу-бу-бу — і назад пашла. А тады, ужо колькі гадоў прайшло, баярскі ці пагінуй, ці дзе выехаў. Прыйехалі сыны ці ўнукі і давай там золата шукаць. Капалі, найшлі рэчку і золата тоя. І больш ні капалі, кінулі і пaeхалі. А ў нас тут крынічка, тута-ка і хрэст становілі, бацишка прыйязжаў, маліўся, служылі. І цяпер ана ё. Я калісі сама хварэла послі вайні ціхам, і забалела... Васпаленіе з двух старон. Даҳтароў ні было. Быў якіс-та салдат і старык у нас. Так ён прышоў, а я ляжу без памяці, у дзядзькавай хаці мы жылі. Ён памераў: «У яе цімпіратура бальшая». І шэсць нядзель я ляжала. На брата свайго кажу: «Знаіш што, Васіль? Ідзі прынясі мне з Кавалёвой крыніцы вады, дак я буду чухацца». А ў бальніцы... Тады ні даҳтароў... Яны пайшлі з калодзежа набралі, прынеслі. Я глянула, кажу: «Ну што мне прынёс? Эта ж із калодзежа». — «Эта із крыніцы!» — «Не! Эта не із крыніцы!» І ляжу ж, ні падымамося. Шэсць нядзель ляжала. А тады прыйшлі дзеўкі дзеў. Я гаварю: «Дзеўкі, ідзіца ў Кавалёву крыніцу, прынясіца вады. Я вып'ю і буду чухацца». Яны пашлі, мне пляшачку прыняслі. Я рукі памыла, ліцо памыла,

ногі памачыла і стала чухацца і ачукалася. Во, і чэбер ні бярэ. Кавалі там жылі, дак яны выкапалі, кладачку паклалі, паставілі бочачку... І людзі дажэ прыязжалі, бралі туую ваду. Самі сабе спасалі і дзяцей. Ключ б'е, бягіць вада [16].

ЛЕТЯХИ.

«СИНІЙ КОЛОДЕЦ»

Уселенна глубокі. Храсты стаяць. Іконы стаяць. Сталы стаяць. Пачці ўсё лета сабіраюцца туды з Лецяхоў [пограничье Ветковского р-на и Красногорского р-на Брянской области], з Дубрава, кругом, атусюль. Гаварылі, як моря было ў Беларусі, Беларусія была пад морям. Ну дак і сталкнулася эта море, сышло... Так астаткі засталіся тут, здесь пад Гомелем, і у Стайдуне засталіся астаткі... Так прыяджалі хіголагі тыя, шукалі ета... Первае, атрылі зямлю, а тады гліну, дабрэнная была, а тады торх, а гара высокая, а тады нашлі пясок марскі і чэрняпашкі нашлі, так астаткі ад моря. Бывае, конюхі пагоняць каней, так дроці пазвязаюць усі-усі, камень прывяжаць, і туды дна не даставалі. Такі глыбокі-глыбокі, сіні, бальшэнны, лествінічкам аброс. Красівы-красівы калодзезь, а вады як нап'ешся, дак лёгка-лёгка. Із Масквы дажэ прыязжаяць. Адзін раз раз прыехаў... Дзеўка забалела, там, у Маскве. І яна, маладзіца, вышла там ужэ на базар, нічога рады німа, вот сніца то тое, то тое, дак яна давай пытаць у нішчага, ці ні ё Сіні калодзезь у Магілёўскай вобласці... Там калодзезь якія, крыніца была?. Дак ён адзін стаіць, кажа: «Я табе падсветаю, дзе яе палячыць. Едзь у Бранскую вобласць, яна з Беларусіяй мяшуне. Калодзезь. Вы яе пакупаеце, вадой абалыцё і там пераадзеніца, яна паздарававе». Яны прыехалі на машины. З Масквы прыязжалі. Дак ані адзежу, ужэ здзелі, яё вадой ablіl, і тады ўжэ жэртва кідалі на Каўпіту, плацца то кідалі. Дак

яна, кажа, палучшала. Стала жэншчынай харошай [17].

Аброк... Нітачкі такія, штоб наснаваць, як намеціць, і павесіць на аброк... Хто абрякаецца... Ну, напрымер, у нас у сям'е такога не была, і ў народзе не бачыла, а чуць чула пра такое, што такі рушнічок адразу аснаваць, нітачкамі кое-как пераплесць і вышавачку і кудысь паавесіць. Ну, напрымер, можа, дзе хто абрақаўся... Ці дзіцёнак бальны, ці сам бальны... Так дзе крыніца якая, так на хрясты. [Што-небудзь казалі, калі вешалі?] Вот этага я не скажу. Я помню, аброкі калісь я вешала... Мацір'ялу ізвела і вышила сама... Перакрышчуся так: «Госпадзі!.. Дай, Госпадзі, — там унучцы ці ўнуку, ці свайму дзіцёнку, — здаровейка! Я ж абрякалася, штоб быў здаровенъкі, штоб прашла хвароба». [Куды рушнічок наслі?] Тут у нас крыніца кала рэчкі, вешалі... У нас запушчаная крыніца, німа тут ужэ хрыстоу... І ў нас РСФСР... Нас раздяляя Каўпіта... Сіні калодзь называюцца, дак туда мы хадзілі на Макаў'е, чатырнацтага аўгуста... Туды наслі... Я на ўнучак іконачку наслі, туды рушнікі вешалі... Сіні калодзезь... Па эту старану наша, а патую старану ўжэ РСФСР, Расія. Там хрыстоу многа... Аброкі вешалі: хто мацер'ял вешае, хто вышивальны рушнічок вешае, хто што падгатовіў. [Вешаюць, калі захварэюць альбо на ўселякі выпадак?] Калі ў каго случай які: ці забалеў дзіцёнак, ці забалеў, можа, узрослы хто-нібудзь, дак абрякаюцца, вешаюць, нясуць аброк, штоб балезня прашлася. [На Макаўе альбо можна ў любы дзень?] Не... Эта ў празнік... Ідзе ўжэ сабіраюцца Богу маліцца... Ну, асобенна на Макавей — чатырнацтага аўгуста, на Спаса дзівітнацтага аўгуста. Із Лецяхой сабіраюцца, нашы балсунцы сабіраюцца [18].

НОВИЛОВКА. «ГАВЕЛЁВЫ КЛЮЧИ»

Там жыў чалавек — Гавель. Пастроіў себе хаціну. Сам вывез на плячах, такі

быў здаровы, на сабе бервяно. Ён сам выкапаў з дочкамі ключы. Бык упай і праваліўся. Этакія былі ключы. Эта цяпер размывае [2].

Былі ў нас ключы... Жыў там Ананій Гавель. Калісъ, гаварылі, былі такія бальшыя, што вот, як хата бальшая. Такія ключы былі — білі. І была карова ў ахочі, бегла, а за ёй бык, як карова туды... Бык... Толькі хвасты мільканулі — і ўсё! Яно вот такой ямкай, бальшая ямка, а кругом дзірэўя. А дзірэўя ж старэя і падая, ё малыя, ну не такія...

Падойдзіш к ключам: «Памагай вам Бог!» Яны тады сільней бьюць. І там крыжы былі, людзі абракаліся і вешалі рушнікі на тых крыжах. [Абракаліся — гэта як?] Ну, прымерна, дзіцёнак забалея, ішчэ што... Чылавек сам сабе скажа: «Если вот ета выпалніцца, ці выздараўся, ці што... Павешу рушнік». Ну, дак і вешалі. Аброк такі быў [19].

Примечания

¹ 1/14 августа — православный праздник Происхождения (изнесения) Честных Древ Животворящего Креста Господня, Семи мучеников Маккавеев, матери их Соломонии и учителя Елеазара; начало Успенского поста. — Примеч. ред.

² Максимов С. В. Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб., 1994. С. 193–194, 426.

³ См.: Лопатин Г. И. Обряды и обычаи деревни Шерстин Гомельской области // ЖС. 2014. № 2. С. 9–12.

⁴ Все тексты записаны автором статьи в Ветковском районе Гомельской области. Здесь и далее атрибуция по фонду хранения Ветковского музея старообрядчества и белорусских традиций им. Ф. Г. Шклярова.

⁵ Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу: Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов: В 3 т. М., 1995. Т. 3. С. 388.

⁶ Афанасьев А. Н. Указ. соч. Т. 1. С. 339.

⁷ Вероятно, в данном случае имеется в виду Синий колодец, который находится на территории Славгородского

района Могилёвской области. Легенду о нем см.: Белорусский сборник. Вып. 4 / Собр. Е. Р. Романов. Витебск, 1891. С. 173.

Список информантов

- Нина Николаевна Шкрабова, 1958 г.р., д. Радуга, 2002 г. Тетр. 6. Л. 11.
- Нина Даниловна Шаховская, 1939 г.р., д. Федоровка, 1996 г. Тетр. 69. Л. 15.
- Анна Петровна Лукашева, 1926 г.р., д. Перелёвка, 2001 г. Тетр. 57. Л. 27.
- Мария Васильевна Гутор, 1956 г.р., д. Казацкие Болсуны, 2005 г. Тетр. 99. Л. 90.
- Валентина Григорьевна Пасканая, 1969 г.р., д. Большие Немки, 2008 г. Тетр. 127. Л. 20.
- Елена Ефимовна Голда, 1922 г.р., д. Казацкие Болсуны, 1996 г. Тетр. 52. Л. 3.
- Анна Ильинична Селюкова, 1923 г.р., д. Яново, 1990 г. Тетр. 1. Л. 1.
- Лидия Ильинична Малашенко, 1932 г.р., д. Перелёвка. Тетр. 137. Л. 6–7.
- Раиса Васильевна Дзямчихина, 1941 г.р., д. Неглобка, 2005 г. Тетр. 105. Л. 90.
- Матрена Титовна Етипнева, 1919 г.р., д. Бартоломеевка, 1991 г. Тетр. 119. Л. 6.
- Галина Мироновна Буракова, 1962 г.р., д. Столбун, 2014 г. Тетр. 132. Л. 39.
- Федора Федосовна Халюкова, 1910 г.р., д. Столбун, 1992 г. Тетр. 74. Л. 46.
- Мария Лаврентьевна Морозова, 1925 г.р., д. Столбун, 1996 г. Тетр. 61. Л. 6.
- Евдокия Ивановна Мельникова, 1992 г.р., пос. Рассуха, 1992 г. Тетр. 56. Л. 38.
- Людмила Витальевна Данилкина, 1971 г.р., д. Яново, 2008 г. Тетр. 100. Л. 12.
- Надежда Романовна Цыганкова, 1930 г.р., д. Колбовка, 2010 г. Тетр. 132. Л. 19–20.
- Елена Кондратьевна Феськова, 1914 г.р., пос. Новое Залядье, 1996 г. Тетр. 52. Л. 40.
- Анна Евсеевна Суднеко, 1937 г.р., д. Казацкие Болсуны, 1996 г. Тетр. 52. Л. 30.
- Мария Филипповна Мельникова, 1928 г.р., ранее жила в д. Новиловка, 2011 г. Тетр. 140. Л. 31.

Фото из архива Ветковского музея старообрядчества и белорусских традиций им. Ф. Г. Шклярова

члены творческих союзов, работники культуры, торговли, сферы услуг, охранных структур и т.д.; всего 12 мужчин и 40 женщин.

В ходе подготовки анкеты и анкетирования мы исходили из того, что городская антропология является комплексной дисциплиной, сочетающей элементы традиционной этнографии/этнологии, социологии, политологии и т.п. Методы городской антропологии нередко зависят от цели и задачи конкретного исследования¹. Мы учились также специфику крупного города, регионального центра с богатой историей и опытом ее символического осмысления.

Игорь Юрьевич Васильев,
канд. ист. наук, ГБНТУ КК «Кубанский казачий хор» (Краснодар)

ПАМЯТНИКИ КРАСНОДАРА В ОЦЕНКАХ ГОРОЖАН И СОВРЕМЕННАЯ ОБРЯДНОСТЬ

В 2014 г. нами было проведено анкетирование жителей Краснодара для выявления восприятия городских памятников. Исследование проводилось в рамках программы Научно-исследовательского центра традиционной культуры ГБНТУК КК

«Кубанский казачий хор». Анкета содержала вопросы о степени известности памятников, об отношении к ним, о связанных с ними обрядовых практиках. В опросе приняло участие 52 человека разного возраста (от школьников до пенсионеров) и разных профессий —

|| Мифология места в народной традиции

Памятниками занимается визуальная антропология, изучающая их зрительное восприятие, отражение памятников в кино и фотографии, занимающаяся картографированием памятников, и пр. Другой аспект — вербальные тексты, связанные с памятниками². В. Ф. Лурье обращается к специфике взаимодействия официального и неофициального дискурса в восприятии и позиционировании памятников, к их месту в современной городской обрядности и постфольклоре. Памятник может рассматриваться как идеологический символ; как элемент, формирующий эстетико-психологический настрой городского ансамбля, своеобразный, не всегда артикулируемый контекст; он имеет как скульптурную, так и архитектурную составляющую³. Роль памятников и городских скульптур в современных городских ритуально-магических практиках на обширном материале рассматривает Д. В. Громов, который также предлагает классификацию подобных памятников и типов их ритуально-магического использования⁴.

Анкета «Памятники Краснодара» состояла из десяти вопросов:

1. Какие памятники в Краснодаре вы знаете?
2. Какой памятник самый важный?
3. Какой памятник самый популярный?
4. Какой памятник вы любите больше всего? Почему?
5. Какой памятник вам совершенно не нравится? Почему?
6. Знаете ли вы какой-нибудь памятник (фонтан), у которого оставляют монетку или трут его рукой?
7. Делали ли вы так когда-нибудь? Почему?
8. Какую часть памятника вы терли? Почему?
9. Кто обычно трет памятник или оставляет у него монетку?
10. К какому памятнику обычно отправляются молодожены?

Отметим, что на вопросы, связанные с известностью, популярностью и местом памятников в брачной обрядности респонденты в целом отвечали более активно по сравнению с вопросами об отношении к ним и об их месте в современной окказиональной обрядности.

По данным нашего исследования, наиболее известными оказались: памятник Екатерине II (его упомянули 30 человек), скульптура «Гуляющие собачки» (28), скульптура у кинотеатра «Аврора» (17). Примечательно, что памятник Екатерине II маркирует начало улицы Красной — центральной улицы Краснодара, скульптура у кинотеатра «Аврора» (называемая в народе «Аврора» или «Девушка с ружьем») — ее конец, а памятник собачкам — ее

пересечение с важной транспортной артерией — улицей Мира. Памятник Екатерине II (сложная многофигурная композиция, включающая в себя символы основания города Екатеринодара и появление казаков на Кубани) — сравнительно новый, это копия дореволюционного памятника, уничтоженного большевиками, которая была установлена в 2006 г.

В качестве самых важных памятников респонденты назвали памятник Екатерине II (23 человека). Группу памятников, посвященных памяти о Великой Отечественной войне и оккупации (Воинский мемориальный комплекс «Вечный огонь», памятник жертвам немецко-фашистской оккупации, памятник Неизвестному солдату, памятник летчику Покрышкину, памятник воинам-освободителям Краснодара у городского парка) упомянули 14 человек, а памятники, посвященные казачеству (памятник казаку у краевой администрации, восстановленный у гостиницы «Интурист» монумент к 200-летию Кубанского казачества, барельеф «Казаки пишут письмо ту-

рецкому султану» на пересечении ул. Красной и Горького), — 5 человек. Таким образом, наиболее значимыми жители Краснодара считают памятники, посвященные основанию города и Великой Отечественной войне. Памятники основателям городов как «покровители места/группы» вообще оказываются значимыми для жителей разных регионов⁵. Очевидно, что основным критерием значимости для опрошенных была насыщенность социально-исторической символикой.

В то же время в числе самых популярных краснодарцы называли по преимуществу скульптуру «Гуляющие собачки» (18 человек), памятник Екатерине II (14) и Вечный огонь (5). Таким образом, в отношении оценки популярности важнейшую роль играет не только историческая значимость и символика, но и оригинальность, доступность для людей, удачное расположение.

Среди самых любимых памятников больше всех голосов набрала скульптура «Гуляющие собачки» (15). За ней следует памятник Екатерине II (5), а также некоторые другие: св. Екатерине (3),

Памятник св. Екатерине. Фото В. А. Аносова

«Казаки пишут письмо турецкому султану» (3), А. В. Суворову, войска под командованием которого основали первое укрепление на месте Краснодара (3). У многих респондентов не оказалось любимых памятников; в целом разброс предпочтений оказался очень большим. Популярность скульптуры «Гуляющие собачки» (это ее официальное название) объясняют по-разному. «Памятник двум собачкам, неидеологизированный, смешной, уютный, хорошо сделанный» (Иван, 44 года), «Двум собакам, ассоциируется с любимым поэтом Маяковским» (Марина, 56 лет), «Собаки», потому что мне нравятся животные» (Яна, 11 лет), «Потому что им можно носик потереть» (Виктория, 12 лет). Опрошенные называли эту скульптуру по-разному: «памятник (двум) собачкам», «памятник влюбленным собакам», «(две) соба(ч)ки», «собачки на Мира», «собачки на Красной», «Собачкина столица» и т.д. и даже «памятник кошке и собаке» — в последнем случае респондентка, вероятно, приняла за кошку собачку-«кавалера» с широкой короткой мордой.

Памятник св. Екатерине называют «настоящим символом города» (Елизавета, 29 лет), упоминают о связанной с ним практике: «[Люблю памятник] Екатерине, потому что можно войти под её купол и ощутить себя под покровом св. Екатерины» (Ольга, 30 лет). Что касается скульптуры «Казаки пишут письмо турецкому султану», один из опрошенных назвал его любимым, ссылаясь на казачью идентичность: «Для нас, кубанских казаков, он очень важен» (Александр, 41 год).

Нелюбимых памятников у большинства принявших участие в анкетировании вообще не оказалось. Примечательно, что «Гуляющие собачки», самый популярный и любимый памятник, оказался и в числе самых нелюбимых (4 человека). Основная претензия к памятнику — унижение достоинства горожан, поскольку над скульптурной группой приведено высказывание В. В. Маяковского «Это не собачья глушь, это собачкина столица», ср.: «Кошке и собаке. Краснодар — собачкина столица, оскорбление для горожан» (София, 38 лет), «[Не нравится памятник] собачкам. Считаю его бестолковым. Мы живём в Краснодаре, а не в "собачкиной столице"» (Людмила, 58 лет). Могут вызывать сомнения и эстетические достоинства памятника: «Памятник собакам. Он мне не нравится, потому что он не очень красивый» (Алина, 12 лет).

Приведем два примера развернутых устных описаний полярного отношения к скульптуре «Гуляющие собачки»:

«Памятник собачкам», необычный, что посвящен он строкам поэта Маяковского

о «Краснодаре собачкиной столице». Не только! Есть гоголевское или даже булгаковское. Все-таки не совсем собачек скульптор изобразил. Это как пожилые муж и жена в зверюшке превратились, то ли зверушки какие-то мультишные, театральные в краснодарцев превратились. Даже так: добропорядочную пару коренных екатеринодарцев...

Рядом с памятником есть кафе. И такую пару старииков там повстречал! Дедушка с тростью и бабушка в старомодной шляпке с вуалью. Посидели чуть-чуть, выпили. И чинно к выходу... Как они напомнили

||| «Все-таки не совсем собачек скульптор изобразил.
Это как пожилые муж и жена в зверюшке
превратились, то ли зверушки какие-то мультишные,
театральные в краснодарцев превратились».

мне скульптуру напомнили! И она прямо в двух шагах! Это в баре «Максим» было... Это что-то от старого екатеринодарского характера.

Тянет людей вообще к памятнику. Местных, приезжих. Вон всё семьи с детьми подходят, фоткаются. И уважение есть! Не было никогда никакого вандализма! Хоть памятник на проходе стоит. Вокруг сигареты и пиво продавали! (Иван, 44 года).

Да как бы без мата сказать! У нас что, в городе ничего не было нормального! Такого, хотел сказать, настоящего! Важного, вот! И казачество было, Екатеринодарская крепость была! Голод был страшный, это в тридцать третьем! А потом война, оккупанты были, гитлеровцы. Сколько людей ни за что ни про что подушили. И лётчики наши были, геройские красноармейцы.

А тут получается, ничего важнее собак не было! Это как? Я не понял! Людей не было, не делали они ничё! Одни собачки прогуливались, что ли! Или их чтоб лапали поставили?! Пусть пацаны девчат лапают! Мож, хоть дети будут. У моего деда в моём возрасте уже четверо внуков подрастало! У меня внука одна, и то счастье, чё вообще кто есть!

А народ такой, как сказать... До них никого не было, и после них вроде как не будет. Собачек им полапать, похихикать! Вроде своим дедам не внуки. С другой планеты свалились, ничего не знают, не помнят (Петр, 62 года).

В числе нелюбимых памятников были названы и те, которые ранее не слишком отмечались респондентами, например, скульптура «Кошелек» (4 человека). Это элемент общероссийской и мировой традиции; обычно такие скульптуры устанавливают около деловых центров. Памятник называют бессмысленным и скучным (Мария, 25 лет; Роман, 13 лет); горожане могут высказывать негативное отношение к связанным с ним практикам:

Сначала думала, он прикольный. Про кошелёк. Потёрла, монетку маленькую

сунула. А он такой здоровый. И тяжелый, гладкий! Как жаба из фильма. Ужастик один был такой, не помню. Про жабу. А жаба боялась я.

Не надо его тереть нам, простым. Ладошки у нас маленькие. И денег разве хватит в него совать? Это начальник пусть приезжает, у которого кран есть. В смысле подъёмный кран. Он кошелёк такой поднять сможет и встряхнуть! И заплатят ему за это! Никуда не денутся. Им всегда платят! А мне б лучше такой, но настоящий. Маленький. Пусть стольник в нём один будет. Пойдёт. Хлеба куплю, сэкономлю. Аньке

(дочери) потом чё куплю. А тот, здоровый, вижу — сразу про кредит помню. Сколько ещё висеть будет... (Светлана, 26 лет).

Еще трое респондентов назвали нелюбимым памятник св. Екатерине. В нем видят профанацию православных и патриотических ценностей, поскольку его пьедестал сделан в виде распиленного колокола, под который можно войти: «Не нравится [...] памятник святой Екатерины, потому что колокол должен быть цельным, как символ неделимости России и веры» (Сергей, 58 лет), «Памятник святой Екатерине абсолютно бездушный. Мне кажется, что уродование колокола и превращение его в площадку для развлечений — издевательство над религиозными чувствами верующих, оскорбление православных» (Сергей, 65 лет). Одновременно некоторым горожанам нравится эта особенность памятника (см. об этом выше). Этот памятник тоже оставил о себе яркие противоположные отзывы, ср. фрагменты интервью:

Да все умные люди, хоть более-менее, говорят про этот порезанный колокол. Ну да, красиво и миленько, получилась беседочка. Но это православный памятник, православной святой женщине! Колокол-то целым быть должен! Где вы видели порезанный колокол? Надо ж все-таки ж свою традицию знать, уважать и соблюдать как-то!

А то как Иваны, не помнящие родства! Нет, я обычный человек, не то чтобы очень в религию. Но уважение должно быть, уважение и понимание. Делаться всё вообще с умом должно, а не через это самое... А то как, что вот через это сделано, работать будет? Ездят туда вот молодожёны. Семья, это же важно так! Сколько семей распадается! А тут колокол порезанный... (Марина, 39 лет).

А мне сразу понравилось! Там, в колокол заходит. Это же мы с Васей женились. Мы туда зашли, под Екатерину. И сразу на

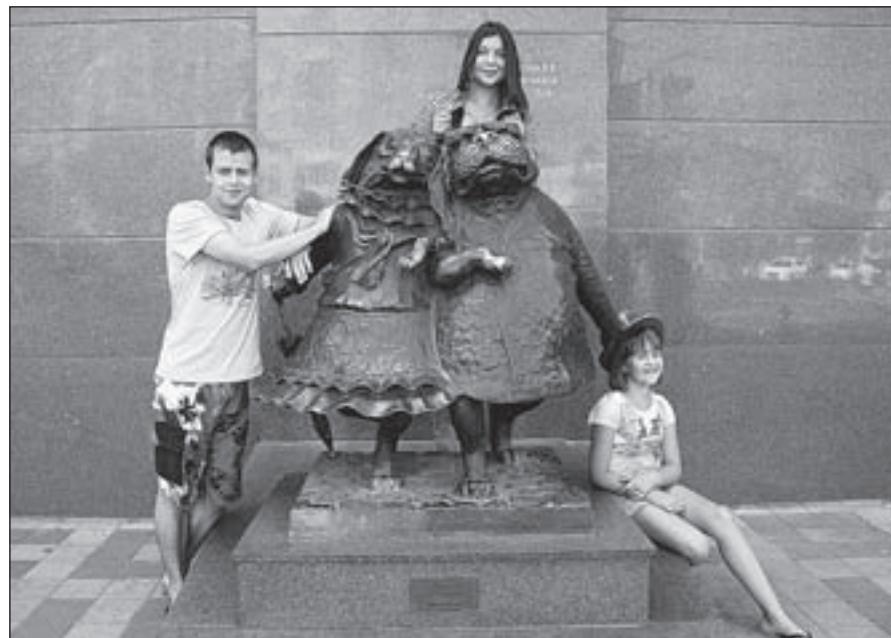
II Мифология места в народной традиции

душе легче. Покой появился. Кончились та свистопляска. Женились мы наконец... (Елена, 35 лет).

При ответе на вопрос по поводу объектов окказиональной обрядности, связанной с памятниками и прочими городскими объектами, лидируют «Гуляющие собачки» (18), фонтаны на ул. Красной (10) и «Кошелек» (7). Лапы и нос собачкам трут «на счастье», для привлечения удачи, в частности, удачи в любви; в фонтаны бросают монеты, чтобы вернуться сюда отдохнуть; кошелек трут и засовывают монетки в прорезь, где он должен открываться, сидят на нем, трут о него деньги для привлечения богатства. По поводу личного участия в этих обрядах 6 опрошенных (в основном взрослые мужчины) сказали, что никогда этого не делали; из тех, кто подтвердил свое участие, 6 человек объяснили это стремлением привлечь удачу, исполнение желаний («чтобы загадать желания» (Ольга, 48 лет), чтобы «иметь вторую половинку» (Марина, 48 лет), «Тёrla кошёлёк, чтобы пришли деньги. А ещё тёrla нос собачкам на удачу» (Александра, 11 лет), «Тёrla носик у собачек, чтобы милый был рядом и был здоров. Носики — это символ любви и дружбы. Собачки, когда дружат, трутся носиками» (Ольга, 48 лет), «[Терла] две собачки лапы, чтобы избежать одиночества» (Елизавета, 29 лет) и т.д.) и еще трое — повторением за другими, следованием традиции (некоторые опрошенные прямо говорили о том, что трут там, где уже натерто). Об опыте личного участия в обрядах говорили в основном дети, в меньшей степени — женщины. Кроме того, одна респондентка сказала, что терла, кроме собачек, «лягушку и муху у пишущих казаков. Потому что можно загадывать желания» (Анна, 11 лет). Скульптурные изображения животных воспринимаются как дарующие удачу повсеместно⁶.

Четверо опрошенных упомянули также о практике тереть нос и ноги у памятника известному композитору Г.Ф. Пономаренко (ему также садятся на колени). Он находится в самом центре Краснодара и расположен невысоко от уровня тротуара, отчего доступен для гуляющих.

Среди памятников, к которым отправляются молодожены, прежде всего фигурируют Вечный огонь, памятники ветеранам и жертвам Великой Отечественной войны (20), а также Мост поцелуев (10), специально позиционируемый как место для посещения молодоженами. С ним связана общеизвестная традиция — ритуальное вешание замков для укрепления будущего брака, ср.: «Часто вешают замки на мосту на Затоне, молодожёны» (Елизавета, 29 лет). Как и установка скульптурных «кошельков»,

Памятник «Гуляющие собачки». Фото В.А. Аносова

появление объектов, на которые молодожены вешают замки, является недавней международной традицией, относящейся к началу XXI в.⁷

Еще семь человек назвали памятник Екатерине II, самый известный государственно-исторический символ города. Кроме того, как объект, покровительствующий новобрачным, позиционируется памятник св. Екатерине: «Многие новобрачные отправляются к памятнику св. Екатерины. Они верят, что если пройти в проходы в колоколе под памятником, то им гарантирована счастливая семейная жизнь» (Валентин, 64 года). Здесь определенную роль сыграло житие св. Екатерины, в котором упомянуто ее мистическое обручение с Христом. Св. Екатерина считается покровительницей брака и чадородия,

кроме того, она — небесная покровительница императрицы Екатерины II, в честь которой получил свои имя город Екатеринодар, современный Краснодар. И Мост поцелуев, и памятник св. Екатерине активно пропагандировались СМИ и властями в качестве «свадебных достопримечательностей», и эта пропаганда нашла отклик, в том числе у молодежи (опрошенные школьники нередко называли этот памятник «памятником невесте» — Анна, 12 лет; Анна, 11 лет; Александра, 11 лет).

В заключение приведем своеобразную рефлексию по поводу городских памятников из интервью с краснодарцем:

Три памятника в Краснодаре — основа города. Они его структурируют. С древности скифы и другие народы поклонялись

«Памятник кошельку». Фото В.А. Аносова

Великой Богине. И ещё амазонки тут были. Так что эти женские памятники очень в традиции: Аврора, св. Екатерина и Екатерина Великая. Краснодар у нас город Великой Богини. И собачки тоже. Священные животные богини Гекаты (Денис, 33 года).

В целом анкетирование показало особую значимость для горожан памятников, расположенных на главной улице Краснодара — ул. Красной. Наиболее известными, значимыми, популярными оказываются произведения как монументальной, так и городской скульптуры преимущественно постсоветского периода. Памятники, связанные с наиболее важными для города историческими событиями и персонажами (например, памятник Екатерине II связан с появлением казаков на Кубани и основанием города по решению императрицы), считаются наиболее известными и значимыми. Хотя объекты, связанные с памятью о Великой Отечественной войне (боль-

шинство из них создано еще в советское время), и не назывались в числе самых известных, горожане говорили о них как о значимых. Они также играют особую роль в свадебной обрядности — наряду со «свадебными достопримечательностями» (Мостом поцелуев, памятником св. Екатерине). Отношение к современной городской скульптуре эмоционально окрашено; она оценивается как позитивно, так и негативно. В частности, современные памятники чаще называются в числе нелюбимых. Они же лидируют в сфере окказиональной обрядности (особенно «Две собачки» и «Кошелек»). Примечательно, что «Кошелек» зачастую воспринимается негативно, но при этом активно используется в окказиональной обрядности.

Примечания

¹ См.: Форум «Исследования города» // Антропологический форум. № 12. 2012. С. 7–210.

² Ярская-Смирнова Е., Романов П. «Город затейный...» Калейдоскопическое жизненное пространство // Визуальная антропология: городские карты памяти. М., 2009. С. 11.

³ Лурье В. Ф. Памятник в городе: ритуально-мифологический аспект // Современный городской фольклор / Ред. кол. А.Ф. Белоусов, И.С. Веселова, С.Ю. Неклюдов. М., 2003. С. 420–429.

⁴ См.: Громов Д. В., Громова А. В. Магическое мировосприятие в символике мест исполнения желаний // Междунар. науч. конф. «Ситуация постфольклора: городские тексты и практики». Москва, 3–4 апреля 2014 г.: Тез. конф. [М., 2014.]. С. 17–19: Электрон. ресурс: http://www.ranepa.ru/activities/item/download/1994_6d9676740f4dbb7c9ce584fc55f1d57.html.

⁵ Там же. С. 18.

⁶ Там же.

⁷ Виноградов В. В., Громов Д. В., Коршунов В. А., Красиков М. М., Матлин М. Г. «Зайка + зайчик = любовь»: замки на мосту как новая свадебная традиция // ЖС. 2011. № 2. С. 36–39.

Константин Эдуардович Шумов,
канд. филол. наук, Пермский гос. нац. исследовательский ун-т

ПРОСТРАНСТВО В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ЦИРКОВЫХ И СПОРТСМЕНОВ

Материалы, легшие в основу публикации, были записаны автором преимущественно в спортивных клубах Перми (футбольные клубы «Амкар» и «Динамо», хоккейный клуб «Молот-Прикамье», волейбольный клуб «Прикамье» — ранее «Уралсвязьинформ»), Нижнего Тагила (баскетбольные клубы «Урал-Грейт», «Старый Соболь»), Саратова (футбольный клуб «Сокол»), Ижевска (хоккейный клуб «Ижсталь»), Москвы (баскетбольный клуб ЦСКА, футбольные «Локомотив», ЦСКА, «Динамо»), в национальных сборных командах по хоккею с шайбой России и Белоруссии (чемпионат мира по хоккею в Санкт-Петербурге 2000 г.), а также от легкоатлетов, саночников, конькобежцев и фигуристов в 1998–2010 гг. В этот же период автором, а также студентками филфака Пермского государственного университета Вероникой Кальвой и Мариной Давыдовой были сделаны записи от артистов цирка различных программ, гастролировавших в Перми.

Несмотря на то что в основе спорта лежит принцип состязательности, а цирк традиционно относится к сфере искусства, можно говорить об общности этих двух видов деятельности, обусловленной постоянными высокими физическими нагрузками и необ-

ходимостью выступать перед зрителями. Впрочем, информанты отмечают некоторый «профессиональный конфликт» между артистами цирка (цирковыми) и спортсменами:

Спортсмены в цирке редко приживаются. Они к другой жизни привыкли. Они же тренируются, тренируются, выступают пару раз в месяц, и всё. Они работать (выступать). — К.Ш.) каждый день не привыкли. Вот такой придёт в цирк, месяц покрутится, а потом уходит, не выдерживает. Сальто двойное он на соревнованиях редко крутит, а здесь каждый день да не по одному разу приходится. Поэтому в цирке только цирковые и приживаются. Это те, кто в цирке родился и вырос. А спортсмены, бывает, ещё просто за деньгой приходят. Эти на себя работают, у них никогда династии не получится [1].

Профессиональный спорт и цирк объединяет и коммуникативная обособленность. Специфика профессии (необходимость ежедневных репетиций, тренировок и выступлений) ограничивает количество «внешних» контактов цирковых и спортсменов. Еще в конце 1980-х гг. цирковой артист отрабатывал 7–8 представлений в течение недели, при этом проводя утренние репетиции. У современных профессиональных спортсменов (или

советских «любителей») традиционны двухразовые тренировки в день, за исключением дней, когда проводятся соревнования. При этом «отпуск» у спортсменов, как правило, очень короток:

Сегодняшним парням такого ритма, как у нас был, не выдержать. Поэтому мы нашим сборникам (членам национальной, региональной сборных команд. — К.Ш.) дадим возможность отдохнуть после Олимпиады, они в состав войдут только к началу ноября. Это у нас раньше, только чемпионат мира закончился, три-четыре дня отыхаешь, потом опять тренировки, игры на первенство. Сейчас баскетболисты к такому уже не привыкли [2].

Особая сфера жизнедеятельности, относительная коммуникативная и культурная изоляция (например, времени на чтение или посещение театра остается мало) формируют в спорте и цирке обособленные профессиональные субкультуры. Для них характерен особый профессиональный язык, собственные ритуалы и «мифологические» представления. Последнее связано еще с тем, что спорт и цирк представляют риск для жизни и здоровья, в них многое зависит не только от умения, но и от удачи (*фарта*). Еще одна общая особенность образа жизни как цирковых, так и спортсменов — его «кочевой» характер. Стационарные цирки — это только помещения для выступления сменных трупп; дворцы спорта, стадионы, спортивные площадки — места для выступлений профессиональных спортсменов разных городов и стран.

|| Мифология места в народной традиции

Одной из особенностей этих субкультур является мифологизация профессионального пространства. Для цирковых это прежде всего манеж, для спортсменов — игровое пространство, игровая площадка, соревновательное пространство. Мифологизация проявляется в отношении к пространству, в системе запретов, связанных с ним, в допуске в него «чужих». Кроме того, в профессиональном пространстве выделяются места для тренировок и репетиций: площадки для выступлений (манеж для цирковых, ледовая «коробка» для фигуристов и хоккеистов, поле для футболистов, регбистов, игроков в хоккей с мячом и т.д.), а также места, предназначенные для подготовки к выступлениям и тренировкам (раздевалки у спортсменов, «гардеробные» у цирковых).

Для цирковых характерно восприятие цирка как «дома», поскольку в нем проходит значительная часть жизни. Иногда цирк становится домом в буквальном смысле. Так, у представителей знаменитой династии дрессировщиков Дуровых на протяжении длительного времени не существовало своего дома, и они жили только в гостиницах и при цирке. Т.В. Дурова, старейший представитель этой династии в современном цирке, во время гастролей располагалась только в «гардеробной».

У меня здесь уютно, всё на месте, я всё знаю. Ваш цирк [пермский] я хорошо знаю, много раз здесь бывала. Для меня всегда эту гардеробную готовят. Здесь и костюмы мои, здесь я и сплю, здесь я и готовлю. В этом моя жизнь. Здесь, на зеркалах, и мои амулеты висят. Вот этот вот слоник, он меня оберегает. А это вот иконка, которую мне подарили католикос всех армян Вазген. Она меня тоже оберегает [3].

«Гардеробная» для цирковых в некоторых ситуациях становится местом условного ограничения свободы, с чем связаны многочисленные байки.

Был у нас случай. Когда Карандаш гастроировал. Всё хорошо, только вот напивался он перед представлениями. Тогда директор программы решил его с утра до начала представления держать взаперти в гардеробной, чтобы на ногах стоял. И ничего ему не давали, только газировку. Ничего не помогает. Как представление, он опять еле на ногах держится! Когда уж гастроли закончились, тогда только один униформист раскололся. Он, оказывается, коньки в блюдечко наливал и под дверь просовывал. И так по несколько раз в день [4].

Раздевалка для спортсменов — не только место, где они переодеваются и готовятся к выступлению, но и пространство, с которым связаны суеверия, ритуалы и розыгрыши.

Раньше ещё бывало, кода приходишь в новую команду, тебя на лавке кедом по заднице бьют. Старики брали кед побольше и вдвоём били по разу. Говорят, где-то ещё шайбу подкладывали, но и без неё мало не покажется. Так же обходились и с теми, кто провинился. В Пензе это было, где я играть начинал. Совет старейшин решает, сколько раз бить за провинность — раз, два, три. В НХЛ новички должны ужин для команды устроить. Но у нас денег таких нет, ужины устраивать [5].

Я слыхал, что так в раздевалке делали. На лавке кроссовкой самой большой лупили новичка, когда он в команду пришёл, на раздачу слоников, можно сказать, попал. А в кроссовку шайбу подкладывали. Так врежут! Но это в клубных командах, у нас в сборной такого нет [6].

Традиционными для спортивной раздевалки розыгрышами являются связывание шнурков на обувь, наклеивание на форму изоляционной ленты или пластирея с надписями:

Могут перед тренировкой шнурки на коньках узлом связать так, что не развязешь. Могут на клюшку столько ленты намотать, что её потом очень тяжело сматывать. На крюк наматывают и на набалдашник. Или рвут ленту, чтобы её постоянно отдирать приходилось. На шлем могут пластырь наклеить и написать что-нибудь. Типа «Я — лучший» или, наоборот, — «Я — худший» [7].

Приколисты в каждой команде есть. Без них ничего бы не получалось. Шнурки на бутсах в раздевалке, бывает, так завяжут, что все ногти обломаешь, пока распутаешь [8].

Розыгрыши в раздевалках существуют в разных видах спорта, и не все они безобидны. В спортивной среде существует серьезная конкуренция, поэтому свою форму и обувь спортсмены предпочитают не оставлять без присмотра.

Бывало, пакостили в раздевалках. Или рассказывали только, не знаю точно. То костюм порежут в лоскутья, а его специально под номера пошивают, эскизы разрабатывают. Не пойдёшь же под «Кармен»

|| «Одной из особенностей этих субкультур является мифологизация профессионального пространства. Для цирковых это прежде всего манеж, для спортсменов — игровая площадка».

выступать в трико тренировочном и олимпийке. Или конёк возьмут, об батарею тюкнут. Внешне повреждение не видно, а микротрещина внутри образуется. На вращении или на прыжке, когда толчок сильный, металл лопается. А шанс ещё раз выступить не дадут судьи. Но я это только слышала и в раздевалке костюмы и коньки никогда не оставляла [16].

Впрочем, розыгрыши в раздевалке — явление не повсеместное, ср.:

Не, в НХЛ таких порядков не бывает. Я, когда приехал, меня принимали как старенького, контракт был большой. А вечер, как и заведено, устраивал. Там одноклубники мои песни пели по-русски. Ну да, они же должны пельмени поесть. Хотя им уже чёт там пельмени, не экзотика совсем. Ну, не по-русски, конечно, пели, чего они там знают... «Коробушку» и вот — «Подмосковные вечера». Мычят, и всё. Но весело [10].

В цирке же основным местом розыгрышей (на цирковом сленге они называются зелёнки) является «курилка» (площадка перед манежем), вообще занимающая в цирковом пространстве особое место: здесь собираются артисты для разговоров, после смерти циркового именно в «курилке» висит его траурный портрет, поминки на 7-й и 20-й дни проводятся не за поминальными столами, а в «курилке».

В пространстве цирка особо выделяется манеж (именно манежем, иногда пятаком, но не ареной цирковые предпочитают называть это место). «Святость» манежа связана с представлением, что на нем обитают души погибших там артистов. Как и в традиционной культуре, в поверьях цирковых души умерших помогают живым, предупреждают об опасностях, мстят тем, по чьей вине они погибли.

Я тебе так скажу. Почему у цирковых такое отношение к манежу. Там обитают души тех артистов, которые на нем погибли. У нас же такая работа, что при советской власти каждый перед представлением расписывался в особом журнале, что, мол, в моей смерти прошу никого не винить. Было такое, было. Поэтому мы и к смерти относимся не то чтобы легко, но не так, как остальные [3].

Деточка, а кто ж тебе рассказал про души над манежем, под куполом? Мы же в тайне это держим. Только цирковым об этом известно [3].

Я, помню, работала один номер, у меня партнёр был. С трапеции когда перелета-

ешь по воздуху, это же как нужно друг друга чувствовать, чтобы не сорваться, чтобы всё рассчитать. Поэтому когда «Ап!» кричишь, это сигнал на то, что трюк начинать надо, не раньше и не позже. И вот у меня разбился партнёр, погиб. Ввели вместо него замену в номер. И вот на выступлении слышу «Ап!», слетаю с трапеции, попадаю в руки, всё нормально. А он потом и говорит: «Как ты

вылетела? Я же крикнуть забыл». Вот я и думаю, что меня это Василий подстраховал, он это крикнул [1].

Представления о цирке как о доме и о манеже как о «святом» месте отражаются в том числе в приметах, запретах и предписаниях. Выполнение ряда предписаний (характерных и для артистов театра) обеспечивает успешное выступление. Так, цирковой старается никогда не сидеть спиной к манежу, этим выражается неуважение (манеж «даёт хлеб»), артисты старой закалки за это могли стукнуть по спине хлыстом или шамбарьем (длинный хлыст, который применяют при дрессировке лошадей). В цирке и на манеже строго запрещается грызть семечки (по словам артистов, это «отпугивает зрителей»). Нельзя заходить в манеж с левой ноги, потому что нога неверная и можешь испортить номер, а если делать так регулярно — разоришь всю труппу. Если споткнешься правой ногой при выходе в манеж, будет удачное выступление, если левой — провал. Выходя из гримерной, надо обязательно закрывать дверь, так как дух-хранитель артиста может из неё выйти и не вернуться. Нельзя пересекать дорогу артисту, когда он выходит на манеж. Нельзя класть афиши на пол и на мягкое (на кровать и подушку), нельзя наступать на них. Нельзя употреблять слово *последний* («последний выход», «последнее представление»), поэтому цирковые поздравляют друг друга с *началом* (с премьерой) и с *выходом* (окончанием гастролей).

Примета номер один — никогда нельзя стоять спиной к манежу, даже в пустом цирке. Наверное, эта примета отражает правила техники безопасности. Ведь в цирке очень много подвесного оборудования, и если стоять лицом к манежу, то успеешь отреагировать на отрыв какого-нибудь крабинчика. Так же нехорошо переходить дорогу артисту, выходящему на манеж, вы же не чёрная кошка?! Могут вежливо попросить вернуться спиной назад [18].

Чтобы выступление было успешным, цирковые стараются выступать в «счастливой» обуви. Перед выходом на манеж надо перекреститься или прочитать молитву, плюнуть через левое плечо. Первый билет на представление должен купить мужчина:

Это у нас старый директор цирка был. Так он, когда кассы впервые открывались на новую программу, он прятался за дверью и подсматривал, кто придёт первым за билетом. Если мужчина шёл, он там и оставался. А если уж женщина, так он её опережал и первым билет покупал. Это чтобы программа удачно шла [4].

Аналогично тому, как гостевой этикет запрещает заходить в дом в уличной

обуви, в цирке под запретом выход на манеж в уличной обуви. Нецирковому нельзя заходить на манеж без приглашения артиста, ему же нельзя заходить через вход артистов, а артистам — заходить на манеж через барьер. Это правило действует не только во время представлений. Мне (и моим студенткам) приходилось несколько раз оказываться в ситуациях, когда уже в ночное время,

||| Нельзя употреблять слово последний («последний выход», «последнее представление»), поэтому цирковые поздравляют друг друга с началом (с премьерой) и с выходом (окончанием гастролей). |||

через два-три часа после окончания представления и «фуршета» директора премьерных программ проводили нас в манеж приглашающим жестом со словами «Добро пожаловать» или «Заходите, пожалуйста».

Исключением (или подтверждением традиции) являются действия коверных во время представления, но это оправдывается их особым статусом в цирке. У клоунов есть право перешагивать во время представления через барьер, проводить зрителей на манеж. А «подсадные» обычно переходят через барьер сами.

Схожие представления о пространстве реализуются и в субкультуре спортсменов. Необходимо отметить, что в разных видах спорта игровые (соревновательные) площадки отличаются не только покрытием (паркет, лед, трава, помост, дорожка и т.д.). Баскетбольные и хоккейные поединки проводятся чаще всего в закрытых помещениях (исключение составляют стритбол и открытые катки). Футбольные матчи проводятся под открытым небом (за исключением стадионов под крышей и в манежах). Эти отличия отчасти обусловливают и отличия в этикете, поддерживающем традиций. Так, во время и вне игры баскетболисты считают неэтичным сплевывать на площадку, сморкаться на неё, входить в уличной или домашней обуви; хоккеисты — появляться на льду без коньков (в случае присутствия на площадке посторонних — для приветствия, вручения наград и т.д. — лед застилают коврами или ковровыми дорожками, и прикосновения ко льду «нештатной» обуви не происходит). Исключение составляют рабочие дворцов спорта, которые готовят каток к игре. Общий для всех видов спорта является запрет грызть семечки на площадке и рядом с ней; считается, что в этом случае от спортсменов отвернется удача.

Особое отношение к игровому пространству проявляется в начале игры — особенно в футболе. Многие игроки стараются заступить на поле (*поляну*) правой ногой; не-

которые игроки при этом нагибаются, прикасаются к траве левой рукой, после этого крестятся. Для команды хозяев, как правило, существенно, с какой стороны поля она выйдет на приветствие или начинает игру. По правилам после бросания жребия (с помощью монеты) главным судьей капитан угадавшей команды выбирает — начинать игру с центра поля или

||| Нельзя употреблять слово последний («последний выход», «последнее представление»), поэтому цирковые поздравляют друг друга с началом (с премьерой) и с выходом (окончанием гастролей). |||

выбирать «удобную» половину. При выборе учитываются и приметы — в какие ворота чаще забивают в первом тайме, в какие — реже, какой тайм команда проводит более результативно, какой менее результативно. Последние четыре сезона (2009–2014) в футбольном клубе «Амкар» существовало поверье, объясняющее, почему пермяки редко забивают в «южные» ворота:

Как забивать-то, блин! Ведь фанаты повесили портрет Руслана (руководитель пресс-службы клуба Руслан Муллагалиев, умерший в 2009 г. — К.Ш.) за этими воротами! Как в покойника-то мячи забивать! Я уж им говорил, идиотам, чтобы портрет перевесили в другое место! [15];

Ну, я в это не верю, но статистика есть такая. Только по осени ворота «расколдовали», хотя портрет так и висели [17].

В футболе чаще всего хозяева предпочитают выходить слева от главной трибуны, чтобы при развороте оказаться справа от гостевой ложи; обе команды выходят на поле одновременно. В баскетболе и хоккее при представлении команд (или первых «пятерок») гости появляются на площадке раньше хозяев, что является отражением игрового этикета, закрепленного регламентом некоторых турниров. В хоккее первым представляют не капитана команды, а вратаря. В футболе капитан команды выходит на приветствие ближе к центральной линии поля, вместе с ним выходит вратарь.

В баскетболе первым выходит игрок под самым маленьким порядковым номером — чаще всего в традиции это капитан команды под номером 4. Это связано с тем, что нумерация игроков в баскетболе начинается именно с этого номера. При жестикуляции арбитра номер оштрафованного игрока обозначается поднятием пальцев на руках (кулак — «десятка», пальцы — порядковый номер после или до «десятки»). При этом трямя пальцами обозначается «трехочковое» попадание, двумя — «двуночковое», одним — попадание с линии штрафного броска).

II Мифология места в народной традиции

В баскетболе во время представления команды игрок обязано подбегает к тренерам, врачам команды, хлопает в подставленные поднятые ладони, потом так же приветствует игроков, которые выстроились на линии штрафных бросков. Другой вариант — слегка ударяет сжатым кулаком в подставленную ладонь. Хоккеисты при выходе на замену (на поле) и при приветствиях слегка ударяют клюшкой по щиткам, закрывающим голени игрока, или по щиткам вратаря. Последнее используется и как жест одобрения или поддержки. Есть и некоторые символические действия игроков соперника по отношению к вратарю команды соперника. В хоккее с шайбой это выражение перед вратарем, когда из-под коньков вылетает ледяная крошка в лицо под маской.

Я обычно спокойно к этому относился. Ну, кураж... Шайбу-то я уже зафиксировал. А с возрастом стал раздражаться. И говорил: «Уди подальше, Христом Богом прошу, а то клюшкой наверну». Парни удивлялись, это вроде как забава. Но мне уже не до забав было в возрасте [11].

Физический контакт (не обязательно рукопожатие) во время приветствия, входления в игру на замену, в качестве поощрения за удачное игровое действие является одним из самых традиционных во всех игровых командных видах спорта.

Но в целом в спорте отношение к игровому пространству не такое мифологизированное, как в цирке:

А вот в Штатах, там по паркету кто угодно и как угодно ходит. И грязь никто не боится занести. Откуда она там, если ты с машины и сразу — в зал. Ты вот говорил, что в цирке помнят всех, кто на манеже погиб. У нас же такого нет и быть не может. Ну, сколько на площадке человек погибло за все время существования баскетбола? Ну, двое-трое, не больше. Так что у нас такого нет, конечно [9].

На состояние игрового пространства списываются причины поражений. С одной стороны, это оценивается вполне pragmatically (ср. объяснение причин проигрыша: «Пол был плохо промыт, а по пыли сцепление кроссовок с полом совсем другое. Вот я на бросок выхожу, кроссовки едут» [12]; «Пробовали мы вариант играть на ледовой площадке. Там паркет сверху настелен, играешь нормально. И в баскетболе эта технология уже апробирована. А соперники так демонстративно тальком подошвы натирают, вроде бы паркет “пoteет”, вроде как играть-то. Отказались от такой технологии» [13]). Однако состояние пространства зачастую зависит от

того, что спортсмены называют «фартом», т.е. удачей:

Мне по большому счету без разницы, по какой дорожке бежать. Есть мягкие, есть жесткие, особенно в закрытых манежах. ... Мне на мягких больше везёт. А ещё больше со счастливым номером. Я на «Золотой лиге» во Франции получила номер, его такими маленькими булавками крепят к форме, я таких больше не видела, у нас-то такие громадные. Вот и бегаю уже сколько сезонов с этими булавками [14].

В заключение отметим обряды, связанные с профессиональным пространством. Для цирковых манеж — еще и место проведения основных ритуалов (открытие нового цирка, новой программы, календарные праздники и специфический семейно-бытовой цикл — свадьба цирковых, рождение ребенка, посвящение в цирковые и похороны).

Свадьба всегда проходила в манеже. Если невеста была из цирковых, то во время представления она выходила из-за кулис прямо к жениху, пару представляли зрителям. Невесту из нецирковых выводили из зала одетую в свадебное платье. Цирковые принимали ее на манеж, усаживали на белую лошадь и увозили за кулисы. Так невеста принималась в цирковую семью. Вечером после спектакля на манеже устраивалось застолье в честь молодоженов. Столы ставили по кругу, гости рассаживались спиной к зрительному залу.

Во время похоронного обряда гроб ставят в центре манежа. Прощающиеся обходят манеж от кулис по часовой стрелке. Каждый проходящий мимо гроба бросает в ноги умершему горсть опилок с манежа (если манеж покрыт современными материалами, опилки приносят специально).

Мы сейчас очень переживаем из-за того, что на манеже опилки пропали. Ведь когда прощаешься с цирковым, в гроб обязательно нужно опилки бросить, в ноги ему. Без этого уж не хоронят. Вот и приходится сейчас опилки с собой носить, чтобы всё по правилам было. И для гимнастов тоже плохо, у них же ударная нагрузка изменилась, поэтому травм больше [3].

Если умирает дрессировщик, на манеж приводят животных из его группы, одетых в черные попоны, они сопровождают траурную процессию до кладбища. В династиях принято хоронить цирковых в тех городах, где они умерли. Но есть и исключения. Например, Т. В. Дурова ставила себе целью собрать прах всех умерших членов своей династии и перезахоронить в Воронеже, где жил ее дед, цирковой артист Анатолий Леонидович Дуров, и где родилась она сама¹.

Прощание с умершим спортсменом проходит, как правило, на спортивной арене. Как и у артистов театра и цирка, на похоронах спортсмена вынос или опускание в могилу гроба иногда сопровождается аплодисментами.

Примечания

¹ Сама Т. В. Дурова умерла в 2012 г. в Москве и похоронена на Владыкинском кладбище.

Список информантов

1. Светлана Сергеевна Иванова, 1964 г.р., род. в Клину, воздушный акробат.
2. Сергей Александрович Белов, 1944 г.р., заслуженный мастер спорта, заслуженный тренер России, бывший главный тренер сборной России по баскетболу, бывший главный тренер баскетбольного клуба «Урал-Грейт» (Пермь).
3. Тереза Васильевна Дурова (1926–2012), дрессировщица, народная артистка РСФСР.
4. Владимир Николаевич Наумов (1949–2005), инспектор манежа пермского цирка.
5. Александр Николаевич Голиков, 1952 г.р., хоккеист, заслуженный мастер спорта, бывший тренер хоккейной команды «Молот-Прикамье» (Пермь).
6. Леонид Викторович Фатиков, 1968 г.р., вратарь сборной по хоккею с шайбой Белоруссии, бывший вратарь хоккейного клуба «Молот-Прикамье» (Пермь).
7. Николай Владимирович Бардин, 1976 г.р., Пермь, игрок хоккейной команды «Молот-Прикамье» (Пермь).
8. Константин Валентинович Парамонов, 1973 г.р., Пермь, бывший капитан футбольной команды «Амкар» (Пермь).
9. Павел Эдмундович Гооге, 1961 г.р., род. в Уфе, бывший тренер баскетбольной команды «Урал-Грейт» (Пермь).
10. Павел Владимирович Буре, 1971 г.р., заслуженный мастер спорта (хоккей с шайбой).
11. Владислав Александрович Третьяк, 1952 г.р., заслуженный мастер спорта, вратарь (хоккей с шайбой).
12. Игорь Александрович Куделин, 1972 г.р., заслуженный мастер спорта (баскетбол).
13. Владимир Степанович Путин, 1948 г.р., главный тренер волейбольного клуба «Прикамье» — ранее «Уралсвязьинформ» (Пермь).
14. Татьяна Ивановна Томашова, 1975 г.р., заслуженный мастер спорта (легкая атлетика) (Пермь).
15. Сергей Александрович Лекомцев, 1976 г.р., журналист (Пермь).
16. Елена Германовна Буянова (Водорезова), 1963 г.р., фигуристка-одиночница, тренер по фигурному катанию (ЦСКА, Москва).
17. Андрей Юрьевич Вылежнев, 1963 г.р., журналист (Пермь).
18. Виктор Иванович Щуров, 1954 г.р., инспектор манежа Большого Московского Государственного цирка на проспекте Вернадского (Москва).

Александр Григорьевич Авдеев,
канд. ист. наук, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный ун-т,
Ун-т Дмитрия Пожарского, школа-интернат «Интеллектуал» (Москва)

НАДПИСИ В РУССКИХ БЫЛИНАХ: КАМНИ НА РАСПУТЬЯХ ДОРОГ (заметки эпиграфиста)

Один из аспектов культуры памяти — это сохранение представлений об эпиграфике предшествующих эпох в народном эпосе. Традиционным объектом исследования здесь являются былины. Одним из кардинальных вопросов их изучения остается соотношение исторической реальности и эпического вымысла и вычленение позднейших наслоений (ср. [21. С. 69; 36. С. 5]). Сложность задачи состоит в том, что, с одной стороны, последние неизбежно переносились в киевское эпическое время, а с другой — зависели от исполнительского мира носителя эпоса [26. С. 181, 184]. В былинах обычно пытаются найти черты реального экономического, дружинного, семейного и религиозного быта [12] или же реальных исторических событий [25]. Последние реконструируются гипотетически: одни исследователи считают, что они совпадают с исходной исторической эпохой, другие — что они отдалены от нее более или менее значительной дистанцией, третьи полагают, что былины опережают реальные исторические события [26. С. 159–160]. Однако артефакты, упоминаемые в былинах, предметом исследований становятся не часто [2. С. 177–178; 6. С. 279–289; 11; 19. С. 327–342; 34. С. 129–149]. Р.С. Липец установила соответствие отдельных былинных надписей реальной эпиграфической практике Киевской Руси [11. С. 68–70]. Статья же Н.В. Петрова, специально посвященная надписям в русских былинах, учитывает далеко не все их упоминания в произведениях русского эпоса, а также не учитывает специфику эпиграфических памятников, смешивая с ними записи на «мягких» носителях и даже отметины на теле [20. С. 93–98].

Оставив в стороне дискуссионные вопросы о времени происхождения былинного эпоса и степени переработки в них исторической действительности, отмечу, что в былинах отражена определенная эпиграфическая традиция, которую можно назвать былинной или эпической. Принадлежащие ей надписи являются составной частью эпического быта или эпического пейзажа. В былинах подробно описываются внешний вид носителей эпиграфической информации, техника выполнения надписей идается подробное изложение их содержания, поскольку оно играет важную (а часто и основную) роль в развитии сюжета.

Упоминаемые в былинах надписи объединяют понятия «предметный мир» и «предметные реалии». К предметному миру относятся бытовые предметы, элементы, организующие былинное пространство, к предметным реалиям — элементы предметного мира, которые влияют на развитие сюжета, характеристику персонажа и пр. (ср. [8. С. 21–22]). Говоря иначе, надпись, выполняя в развитии сюжета былины роль предметной реалии, обладает свойствами конкретного предмета, в качестве какового она и будет рассматриваться.

Можно согласиться с В.Г. Мирзоевым, что невозможно выделить текстуальную первооснову былин, свободную от позднейших наслоений [13. С. 23]. Бытовой фон и предметный мир подвижны: сохраняя реалии прежних эпох, певцы вносят собственные,

||| В былинах описываются внешний вид носителей эпиграфической информации, техника выполнения надписей идается изложение их содержания

соответствующие их личному опыту и представлениям об эпическом быте [23. С. 123]. Как отмечал Б.Н. Путилов, фольклор не просто воспроизводит действительность: в процессе трансформации повседневной реальности он «привносит немало фантастического, нереального, обогащает образы и картины вымыслом. Фольклору меньше всего свойственна документальность и строгость в обращении с “источниками”» [24. С. 135]. Тем не менее выделить в эпическом произведении вещь, более или менее соответствующую реальному предмету, вполне возможно, не забывая при этом, что смысл и назначение былинных реалий забывались или же трансформировались применительно к новым условиям. Поэтому изучение былинных надписей состоит в обращении не только к эпиграфической традиции Киевской Руси, но и, учитывая время распространения былинного эпоса, также к надписям Московской Руси, а нередко — и к эпиграфическим памятникам имперского времени.

Таким образом, суть вопроса заключается не в том, чтобы идентифицировать памятники эпиграфики как элемент, датирующий время возникновения былин. Это тем более нереально, что упоминаемые в них надписи явля-

ются устойчивым фольклорным элементом, а сами былины — произведения, трансформирующиеся в процессе бытования. Важно выяснить, с какой реальной эпиграфической традицией они соотносятся, чтобы выйти на обозначенную выше проблему вычленения позднейших наслоений и анахронизмов в былинах, шире — на вопрос о соотношении эпоса и действительности. Я исхожу из гипотезы, что в надписях, упоминаемых в былинах, фольклорный элемент отталкивался от реальной эпиграфической практики и сосуществовал с нею.

Именно поэтому важно выяснить, к какой эпиграфической традиции принадлежат надписи на камнях, упоминаемые в былинах, — то, что обычно привлекает слабое внимание специалистов по фольклору.

Известную «стерильность» гипотезе придает то, что на Русском Севере, основном регионе записи былин в XIX–XX вв., в которых упоминаются надписи, памятники древнерусской эпиграфики не представлены, поскольку эти территории осваивались в более позднее время, а старорусские лапидарные надписи (в первую очередь — белокаменные надгробия) не имели широкого распространения. Чаще встречались деревянные подписные кресты, первые

сведения о которых восходят к последней четверти XVI в. [31. С. 216–217]. Говоря иначе, эпическая традиция в места записи былин приходила вместе с переселенцами, вопрос заключается лишь в том, какую ситуацию отражают былинные надписи — сложившуюся в более раннюю эпоху или же трансформированную в соответствии с историко-культурными реалиями Русского Севера. Данная проблема может быть решена на основе сопоставления былинных упоминаний надписей с реальной эпиграфической традицией.

При поиске исторического ядра былин необходимо учитывать ряд общих методологических принципов, в свое время сформулированных С.Н. Азбелевым [3. С. 36, 38–39, 248]. Ядром былин являются реальные события, однако природа эпоса накладывает серьезные ограничения на поиск принципиальных совпадений между эпической и исторической реальностью. Большинство былин бытовало не как жестко фиксированные тексты, а как произведения устные, творчески воссоздаваемые по памяти, отсюда их изменяемость и вариативность. При этом былины, как любое эпическое произведение, редко сохраняют точность фактических деталей, но дают

в неизменном виде обобщенную оценку сущности предмета и события.

Былинные надписи на камнях принадлежат христианской эпохе. В большинстве случаев они именуются «подписями»; реже в одной и той же былине наряду с данным термином существует синонимичный ему термин «надпись» [30. Т. 7. С. 3. № 103, строка 3; 30. Т. 1. № 114, строки 22, 182]. В принципе данная терминология совпадает с наименованием надписей разных типов в обыденном лексиконе Московской Руси, но не отражена в лексиконе более раннего времени (в частности, в Словаре древнерусского языка XI–XIV вв. данный термин отсутствует). Надгробия и строительные надписи, выполненные на плитах из известняка, в письменных источниках XVI–XVII вв. именуются «цками» или «дсками», эпитафии же — «подписями» [1. С. 253–265].

Наиболее часто упоминаемый в былинах тип надписей — это памятники монументальной эпиграфики. Среди них различаются просто «подписи» и «подписи книжные». Как правило, они сделаны на камнях и содержат «долговременную» информацию. В основе восприятия ее носителей зачастую лежат мифологические представления о камне [33. С. 122–143; см. также: 35. С. 194–201; спр.: 16. С. 55–56].

К ним, в частности, относятся надписи на указателях, стоящих на распутье дорог. По большей части они нанесены на камни, но «геологическая» природа последних не является постоянной. В разных вариантах былин это «латырь камешокъ» или «бел-горюч камень», «горюч камень»², что однозначно указывает на их мифологическую природу. Первая характеристика семантически связана со «святым» Алатырь-камнем (Латырем), который является едва ли не сакральным центром пространства русских былин: он локализуется на горе Фавор, на нем либо «преобразился сам Иисус Христос» [15. С. 100. № 21, строка 34], либо Он «установил (...) на том-то камню веру православную, написал-то Он на том камню всё книги Голубиную» [15. С. 119. № 23, строки 383–385].

Вместе с тем в ряде вариантов былин мифологичность камня минимизируется: он именуется просто «белым камешком» [18. Т. 2. С. 311. № 142, строка 3], «камнем белым» [18. Т. 2. С. 370. № 154, строка 4]; иногда «серый камешок подпись подписана» [17. Т. 2. С. 361. № 266, строка 9]. В первом случае речь идет об известняке, во втором — о «диком камне», необработанном валуне небольшого размера.

Упоминающиеся в былинах надписи на камнях на распутьях дорог были рассмотрены Н. В. Петровым, который

сделал вывод, что они «только формально являются надписями», так как неизвестны их автор и конкретный адресат [20. С. 96]. У эпиграфиста такой вывод может вызвать лишь недоумение: авторы подавляющего большинства надписей — ввиду высокой степени их формульности — анонимны, а конкретным их адресатом является любой грамотный человек, что видно и из былин.

Первой разновидностью «подписей» являются надписи на придорожных камнях-указателях, расположенных на «розстани» трех путей [20. С. 95]. В большинстве былин они связаны с Ильей Муромцем и либо входят в самостоятельный сюжет «Три поездки Ильи Муромца», либо включены в былину «Илья Муромец и Соловей-Разбойник».

Местоположение таких камней не имеет (что характерно для эпических произведений) конкретной географической привязки. Они могут лежать «во чистомъ поли» по пути из Мурома в Киев [17. Т. 2. С. 620–621, строка 10; 18. Т. 2. С. 370. № 154, строка 3], на

стъчи [28. Вып. 12. С. 48, с. v. обронный₂]. Таким образом, упоминание в былине «доски» (так в конце XV–XVII вв. именовались белокаменные плиты с надписями) с глубоко врезанными золочеными буквами отражает более позднюю эпиграфическую практику Московской Руси. Наиболее ранним примером такого памятника является плита с латинской надписью, установленная в 1491 г. над въездом во Фроловскую (Спасскую) башню Московского Кремля. Выполненная в технике неглубокой резьбы, она первоначально была раскрашена: фон — в розовый цвет, буквы — в темно-синий [7. С. 17]. Традиция раскраски плит с надписями сохранялась и в более позднее время. Так, строительная надпись 1665 г. над входом в Новый Гостиный двор в Москве в расходных книгах именуется «лѣтописью рѣзной, в клейме, слова все позолочены» [4. С. 194]. Ср. фрагмент из записок купца Федота Котова, посетившего в конце 1620-х гг. Дербент, где его внимание привлекли надгробия с врезными куфическими надписями. Их описание вполне соот-

|| Наиболее часто упоминаемый в былинах тип надписей — это памятники монументальной эпиграфики. Среди них различаются просто «подписи» и «подписи книжные».

«большой дороге латинской» [17. Т. 1. Стб. 1052. № 221, строка 6; 18. Т. 2. С. 508. № 176, строка 4], на берегу «славной Елисѣй рѣки» [18. Т. 2. С. 3. № 103, строка 2].

Техника исполнения надписи однотипна. Если надписи на деревянных досках «золотыми нумерами надрезы надрезаны» или «глубокими-то пôдрезами подрезано», то на камнях «подписи есть подписаны / И подрези есть подрезаны» [30. Т. 1. С. 264. № 40, строки 150–151].

Несомненный интерес вызывает надпись в одном из вариантов былины «Илья Муромец и разбойники»:

На растанюшках лежал да сер-горюць камень,
Да на камешки пýси были написаны,
Да глубокими резáми было нарезано,
Золотыми литерами нарисовано
[30. Т. 6. С. 211. № 30, строки 16–19].

В иных вариантах (на них обратил внимание Н. В. Петров) упоминается «доска исподрезана» с золочеными буквами [20. С. 96]. Из контекста не вполне ясно, были ли данные надписи врезными («подрезанными») или же выполнялись в технике обронной резьбы («исподрезаны»). Впрочем, в древнерусском лексиконе глагол *подрѣзывать* был связан с граверными работами [28. Вып. 16. С. 48, с. v. *подрѣзывати*ся], тогда как с обронным связывался глагол

ветствует стилю былин: «И от того города (...) огорожено стоячими плитами каменными, а тут лѣжат сорок мученик (...) и на них по великому каменю бѣлому, а рѣзана на них подпись (...) рѣзъ велика» [32. С. 35].

В разных вариантах былины содержание надписи на камне-указателе сходно:

И на камешки было подписано:
Въ первую дороженьку Ѹхати — убиту
быть,
Во другую дороженьку Ѹхать — женату
быть,
Третьюю дороженьку Ѹхати — богату
быть
[17. Т. 2. С. 612. № 171, строки 13–16].

Илья Муромец последовательно проехал по всем указанным направлениям, очищая дороги от сил, вредящих путникам, и трижды возвращаясь к камню:

Старую подпись подкириваль,
А новую подписываль:
— Старая подпись была ложная
[18. Т. 2. С. 371. № 154, строки 52–54].

Однако ложность ее заключалась не в том, что она давала неверные ориентиры на местности, а в том, что «очищена тая дорожка прямоезжая» [17. Т. 2. С. 615–617. № 171, строки 104–106, 155–158, 168–170].

Иная разновидность камня-указателя упомянута в одном из вариантов былины «Алёша Попович и Тугарин Змеевич». Хотя Н. В. Петров считает данный сюжет перенесенным из былин об Илье Муромце [20. С. 95], всё же, учитывая редкость былины, следует признать ее определенную самостоятельность. Надпись на камне не играет роли в развитии сюжета, а ее содержание говорит об ином изводе, нежели в былинах про Илью Муромца. На сходство с последними указывает местоположение камня. Почти всегда он лежит «в чистом поле» на «росстани» дорог [9. С. 195. № 42, строки 3–14; С. 200. № 43, строки 12–27], только в одном случае он положен «на могилочке» [9. С. 183. № 36, строки 5–8]. Надписи, которые «подписаны» на камне-указателе, очень конкретны и указывают направление путей, ведущих в Киев, Чернигов и Муром (как вариант — во владения Тугарина или в некую Путерему), по одному из которых едут герои былин.

В русской фольклористике бытует убеждение, что прототипами камней-указателей являются верстовые столбы [8. С. 78]. Отчасти (как будет показано ниже) это так. Тем не менее в древнерусской эпиграфической традиции мы не найдем прямых аналогий камням-указателям. Хотя использование подписных валунов в Древней Руси фиксируется со второй половины XI в., надписи на них редки вплоть до последнего десятилетия XV в.

Менее явной является аналогия камней-указателей с валунами-«межниками» [29. Стб. 127, с. v.] или «гранями» [28. Вып. 4. С. 124, с. v.], которые клались на границу межи, поскольку былинный предмет, видимо, маркировал границу (точнее, между) между «своим» и «чужим», враждебным миром. Вырезанные на межниках знаки и надписи именовались «признаками». Тенденция их использования на Руси наблюдается с XIV в.

Видимо, более близкой аналогией былинному камню-указателю в Древней Руси являлись кресты, маркирующие направления дорог и перекрестки, которым ввиду их особого значения давались имена. Наиболее известным из них является Игнач-крест в 100 верстах от Новгорода, у которого весной 1238 г. закончился поход монголо-татар на Новгород [14. С. 76]. Ср. крест с надписями, упомянутый в былине об Алёше Поповиче и Тугарине. Характерно, что в надписи отсутствуют мифологические элементы:

...на тех дорогах правочудён крест;
На кресте подписи подписаны,
Подписаны и подрезаны
[30. Т. 7. С. 298. № 46, строки 13–15].

На кресте вырезаны надписи с указаниями направлений к трем городам — Кремлеву, Чернигову и Киеву, каждый из которых (судя по комментариям грамотного слуги Алёши Поповича) представляет для богатырей несомненный интерес: «во Крэмлеве вина дёшевы», «во Цернигове есть девушки да хорошии, / молодушки да пригожии», «третья дорога / ко великому ко князю ко

мечен путь от Москвы до Астрахани [22. Т. 6. С. 756. № 4071]. Государство неоднократно регламентировало размеры и внешний вид верстовых столбов и способ нанесения на них надписей. Указ Сената от 24 июня 1740 г. вводил столбление дорог деревянными указателями высотой в 3 сажени; при этом указывалось: «Токмо краскою <...> не прикрывать, дабы казенаго убытка не произошло, а литеры

||| Видимо, более близкой аналогией былинному камню-указателю в Древней Руси являлись кресты, маркирующие направления дорог и перекрестки, которым ввиду их особого значения давались имена.

Владимиру» [30. Т. 7. С. 298–299. № 46, строки 21–39]. Выбор, естественно, падает на столицу.

Применительно к надписи на былинном камне приведенные выше аналогии из «реальной» эпиграфики являются весьма шаткими. Возможно, упоминания в былинах камней-указателей в какой-то мере отражают раннюю письменную традицию (XI–XII вв.), когда возможность обнаружить подписной валун «в чистом поле» была равновероятной встрече со Змеем Тугарином.

Получается, что о надписях на валунах-указателях можно говорить скорее в связи с эпической традицией, а не с древнерусской эпиграфической практикой.

Снижение мифологичности образа придорожного камня связано с перенесением на эпический артефакт реалий имперского времени, когда носители былинной традиции воспринимали камень-указатель как своего рода аналог верстовых столбов, ср. «столб белодубовый» с надписью:

Прямо Ѹхать, столько пятьсот верстъ,
А на околь-то Ѹхать, семьсот верстъ
[18. Т. 1. С. 83. № 116, строки 81–82].

Еще больше сходства с верстовыми столбами в следующем варианте былины:

Стоят да три столбика дубовые,
На столбики дощечки приколочены,
На дощечках подписи подписаны,
Золотыми нумерами надрезы надрезаны:
«Первудорожку мне ехать — живому не
быть,
Втору́ — мне богатому быть,
Третью́ — мне женатому быть
[30. Т. 1. С. 344. № 61, строки 9–15].

Первые столбы, отмечавшие расстояние между Москвой и Новгородом, появились в России в царствование Петра I. Это были «столбы с подписью», ставившиеся на каждой версте. По царскому указу от 7 августа 1722 г. аналогичным образом был раз-

на тѣхъ столбахъ выжечь желѣзомъ, сдѣлавъ для того нарочно желѣзныя циферныя слова» [22. Т. 11. С. 169. № 8147]. Указ Сената от 20 октября 1760 г. уже предписывал «вмѣсто того, что вырѣзывались на верстовыхъ столбахъ литеры для показанія разстоянія, оное писать на жести, и къ тѣмъ верстовымъ столбамъ прибитъ; токмо ону же жесть дѣлать треугольникомъ» [22. Т. 14. С. 544. № 11127]. В 1764 г. Екатерина II утвердила введение каменных указателей верст, которые делались из гранита или мрамора по проекту А. Ринальди и отличались пестротой форм. Павел I, «примѣтивъ разнообразность и излишество въ разных Губерніяхъ столбовъ, показующихъ версты», 4 июня 1798 г. повелел взять за образец верстовые столбы, установленные в Ярославской губернии [22. Т. 25. С. 274. № 18543]. Наконец, 2 октября 1803 г. был утвержден единый для всей империи образец деревянных верстовых столбов с надписями двух типов: «...на первой верстѣ от каждой станціи поставлены быть должны на доскѣ <...> 1) разстояніе отъ Столицъ, 2) разстояніе отъ Губернскаго города и 3) разстояніе до станціи, на которую ѿдешь. На всѣхъ же другихъ верстахъ отъ станціи до другой, означать только разстояніе отъ одного мѣста до другаго» [22. Т. 27. С. 913–914. № 20963]. Новый стандарт предполагал сохранение старых верстовых столбов из камня «съ поправкою ветхостей и съ надписями, сходно по образцу» [22. Т. 36. С. 172. № 27787].

Легко заметить, что «белодубовые» столбы с указанием направления пути и расстояния между конечными пунктами начали проникать в былинную традицию не ранее первого десятилетия XIX в., когда верстовые столбы с прибитыми к ним досками с надписями стали неотъемлемой частью российского пейзажа.

В некоторых былинах неясно, на чем именно сделана надпись. Былина «Царь Саул Леванидович» говорит о часовне, стоящей на распутье дорог:

|| Письменные источники и народная культура

А и перва дорога написана,
А написана дорога вправо
[10. С. 136, строки 119–120].

Из контекста былины неясно, была ли надпись на стене часовни или на находившемся рядом с ней ином носителе.

Таким образом, былинный камень-путевказатель, скорее всего имеющий мифологическую или фольклорную основу, мог представлять в виде или подписанного камня, или деревянного столба, или «квазинадписи» и вобрал в себя следы разных эпох. При этом связь надписей на валунах с древне- и старорусской эпиграфической традицией не имеет надежно атрибутируемых аналогий, за исключением отнесения данных предметов к письменной эпохе. Иногда камень заменялся деревянным верстовым столбом как наиболее распространенным и знакомым символом дороги в эпоху Российской империи.

ПРИЛОЖЕНИЕ (публикация на 1-й стр. обложки)

Ярославль. Земляной город. Церковь Николы Надеина. Галерея.

Белокаменная плита с левой стороны от южного портала.

Высота плиты 79 см, ширина 51 см. Надпись в 7 строк выполнена в технике обронной резьбы в углубленном киоте. Высота киота 68,8 см, ширина 42,2 см. Буквы и рамка киота выкрашены золотистой краской, фон между буквами — ярко-синий. Стока 1 отстоит от нижнего края верхней рамки киота на 3,8 см, строка 7 отстоит от верхнего края нижней рамки киота на 3,3 см. Высота строк: 1-я и 4-я — 6 см, 2-я, 3-я, 5-я и 7-я — 6,2 см, 6-я — 5,7 см. Расстояние между строками: между 1-й и 2-й, 3-й и 4-й — 3,3 см, между 2-й и 3-й, 4-й и 5-й — 3 см, между 5-й и 6-й, 6-й и 7-й — 2,7 см. Лигатуры: строка 1 — **АГ** в слове **г҃т**, **ди** в слове **и^ндик^та**, **г^рв** в слове **г^рв**, **ни** и **нив** в словосочетании **и^нни въ**; строка 2 — **де** в слове **к^т**, **ниц** в словосочетании **ни^ц ц^ко^в**; строка 3 — слово **йма**, **аг** в слове **в^ел^ік^аго**, **лини** и **ца** в словосочетании **г^тг^теля** и **и^ндо^тво^нца**; строка 4 — **аг** и **али** в словосочетании **арх^теп^ти^копа** **ли^н**, **ки** в слове **ли^кики** (в первом случае); строка 5 — **аг** в слове **в^ел^ік^аго**, **ри** в словах **г^дри** и **ци^и**; строка 6 — **аг** в слове **в^ел^ік^аго**, **ниали** в словосочетании **кни^ии ми^хала**, **ви** в слове **м^еждор^овича**. Оформление окончаний слов с помощью выносных букв: **ци^ио^в** (строка 2), **ли^кики** (строка 4). Вензельные написания букв: буква **с** между вертикальными мачтами лигатуры **ниали** в слове **кни^ии**, буква **о** между вертикальными мачтами буквы **м** в слове **самод^ер^жца**.

Аутопсия — 2010 г.
В соответствии с надписью публикуется впервые.

1622 г. 23 июня.
лѣтъ · 3 · м^и го^д. и^ндик^та. г^рв и^нни въ.
к^т. вѣщена бысть си^и ц^ко^в
во и^нма вѣл^ікаго г^тг^теля и^ндо^тво^нца
николы арх^теп^ти^копа ли^ники
5 при дѣлк^е вѣл^ікаго г^дри ц^иа
и^н вѣл^ікаго кни^ии ми^хала м^еждор^овича
вс^еа р^сии самод^ер^жца

Примечания

¹ Сознательно опускаю вопрос об этимологии термина «Алатырь» и его описаниях в других жанрах русского фольклора, например в заговорах, см.: [5. С. 96].

² В Словарях древнерусского языка XI–XIV вв. и русского языка XI–XVII вв. данное словоупотребление отсутствует, см.: [27; 28. Вып. 9].

Литература

1. Авдеев А. Г. Наименование белокаменных и валунных надгробий в письменных памятниках Московской Руси // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств: Журнал теоретических и прикладных исследований. 2013. № 25. С. 253–265.
2. Авдеев А. Г. Об одной былинной параллели к граффито из Ростиславия // Археология Подмосковья: Материалы науч. семинара. Вып. 10. М., 2014. С. 177–178.
3. Азбелев С. Н. Историзм былин и специфика фольклора. Л., 1982.
4. Бакланова Н. А. Постройка Нового Гостиного двора в Москве в 1660–1665 гг. // Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия: Сб. ст. М., 1952. С. 47–62.
5. Белова О. В., Петрухин В. Я. Фольклор и книжность: миф и исторические реалии. М., 2008.
6. Горелов А. А. «Шляпа Земли Греческой» в былинах // Путилов Б. Н. Фольклор и народная культура. In memoriam. СПб., 2003. С. 279–289.
7. Гращенков А. В. Плита с латинской надписью со Спасской башни и титул государя всея Руси // Вопросы эпиграфики. Вып. 1. М., 2006. С. 16–25.
8. Добровольская В. Е. Предметные реалии русской волшебной сказки. М., 2009.
9. Добрый Никитич и Алеша Попович / Изд. подгот. Ю. И. Смирнов и В. Г. Смолицкий. М., 1974.
10. Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым / Изд. подгот. А. П. Евгеньева и Б. Н. Путилов. М., 1977.
11. Липец Р. С. Эпос и Древняя Русь. М., 1969.
12. Марков А. В. Бытовые черты русских былин // Этнографическое обозрение. 1903. Кн. 58. № 3. С. 42–112; 1903. Кн. 59. № 4. С. 1–27.
13. Мирзоев В. Г. Былины и летописи: памятники русской исторической мысли. М., 1978.
14. Новгородская I летопись старшего извода (Полное собрание русских летописей. Т. 3. Вып. 1). М., 2000.
15. Новгородские былины / Изд. подгот. Ю. И. Смирнов и В. Г. Смолицкий. М., 1978.
16. Новичкова Т. А. Эпос и миф. СПб., 2001.
17. Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. 1-е изд. СПб., 1873. Т. 2 / Под ред. А. Е. Грузинского. СПб., 1896. (Изв. Отд-ния рус. яз. и словесности Имп. Академии наук; Т. 60).
18. Песни, собранные П. Н. Рыбниковым / Под ред. А. Е. Грузинского. Т. 1–2. М., 1909–1910.
19. Петров Н. «Героические» деньги русского эпоса // Фетиш и табу: антропология денег в России / Сост. А. Архипова, Я. Фрухтманн. М., 2013. С. 327–342.
20. Петров Н. В. «Илье смерть в бою не написана». Надписи в былинах // Русская речь. 2007. № 6. С. 93–98.
21. Пропп В. Я. Русский героический эпос. М., 2006.
22. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. Т. 6. 1720–1722; Т. 11. 1740–1743; Т. 14. 1754–1757; Т. 25. 1798–1799; Т. 27. 1802–1803; Т. 36. 1819. СПб., 1830.
23. Путилов Б. Н. Героический эпос и действительность. Л., 1988.
24. Путилов Б. Н. Фольклор и народная культура. In memoriam. СПб., 2003.
25. Рыбаков Б. А. Древняя Русь. Сказания, былины, летописи. М., 1963.
26. Селиванов Ф. М. Поэтика былин в историко-филологическом освещении (композиция, художественный мир, особенности языка). М., 2009.
27. Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. Т. 4. М., 1991.
28. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–. М., 1975–.
29. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 2. СПб., 1902. (Репр. М., 2003).
30. Свод русского фольклора. Былины. Т. 1. Былины Печоры. СПб., 2001; Т. 6. Былины Кулоя. СПб., 2011; Т. 7. Былины Пинеги. СПб., 2012.
31. Старков В. Ф. Тексты и надписи из мест удалённых промыслов русских поморов // Вопросы эпиграфики. Вып. 2. М., 2008. С. 202–217.
32. Хожение купца Федота Котова в Персию / Публ. Н. А. Кузнецовой. М., 1958.
33. Чеснов Я. В. Человек и камень в традиционной культуре // Религиозный опыт народной культуры. Народная вера и народное творчество: Сб. науч. ст. / Ред.-сост. Н. Ю. Данченкова, А. В. Часовникова. СПб., 2011. С. 122–143.
34. Шамбина Г. С. Древнерусское жилище по былинам. К материалам для исследования бытовой стороны русского эпоса // Юбилейный сборник в честь В. Ф. Миллера / Под ред. Н. А. Янчука. М., 1900. С. 129–149.
35. Юдин А. В. Ономастикон русских заговоров. М., 1997.
36. Юдин Ю. И. Героические былины (Поэтическое искусство). М., 1975.

Дарья Александровна Радченко,
канд. культурологии, Рос. академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ (Москва)

РУКОПИСНЫЕ «НЕБЕСНЫЕ ПИСЬМА» В РОССИИ XIX в.: «ПИСЬМО ИЗ ЛАНГЕДОКА»

Среди апокрифических текстов, распространенных в традиционной культуре, особое место занимают так называемые небесные / святые письма, содержащие не только религиозно-дидактический текст, но и предписания к совершению определенных действий с этим текстом (хранение в доме или при себе, копирование, распространение). В силу того что «письма» обладают высокой способностью к контаминации и обмену не только лексикой и базовыми мотивами, но и обширными фрагментами текста друг с другом, при описании «небесных писем» в литературе основным дифференцирующим признаком нередко становится (квази) географическая или топографическая номенклатура зачина, содержащего легендоподобный нарратив о способе, которым откровение было преподано людям. Так, выделяются «римская» и «иерусалимская» версии «эпистолии о неделе»; в немецкоязычной фольклористике — «гольштейнский тип» «небесных писем», «магдебургское письмо», письмо-«гредория» и т. д. Представляется целесообразным выделить еще один «географический» тип «небесного письма» — «лангедокский».

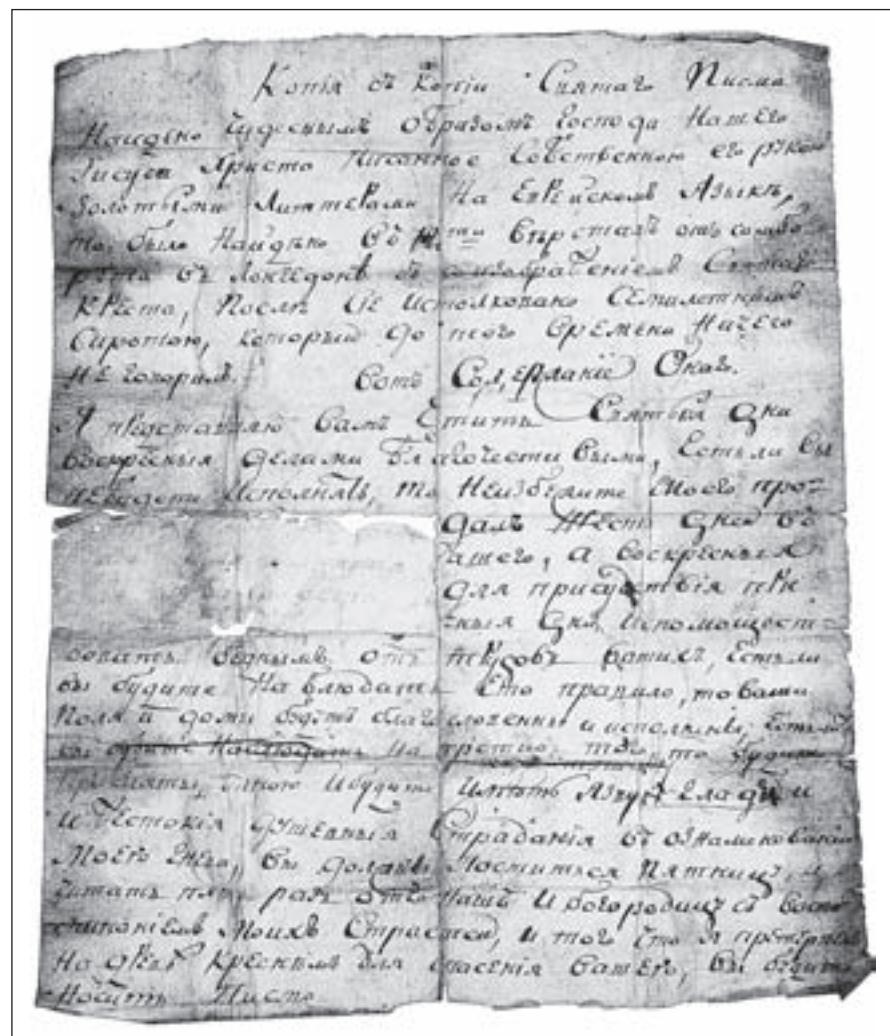
Содержание зачина данного текста содержит легенду о том, как письмо, написанное собственноручно Иисусом Христом золотыми буквами на еврейском (вар.: греческом) языке и содержащее либо изображение креста, либо только упоминание о нем, было найдено в 12 верстах от некоторого места в Лангедоке или, в искаженном варианте, — в Лонгедоне/Лондоне. В одном случае оно происходит из «Иерусалима граду» [10. С. 271]. Письмо было передано (вар.: истолковано или переведено) немым мальчиком семи лет (как правило, сиротой), который чудесным образом исцелился. Наиболее вариативный элемент зачина — географические названия, в основном вымышленные. Незнакомые переписчикам реалии часто подвергаются искажениям, поэтому местность, где, по легенде, найдено письмо, может называться: село До, село Городины, Матонг, Сомборет, Семборт, Самбопери, Самарян (последние могут быть искажениями французских вариантов Saint Marelo [17], Saint-Morate [15. С. 368–370] и т.п.).

Структура «письма из Лангедока» традиционна для данного жанра и представляет собой «текст в тексте». В качестве оболочки предписания выступает нарратив о «святом письме»: зачином служит легендоподобный нарратив о его происхождении и обретении [18. С. 321], концовкой — призыв верить в «письмо», хранить и распространять его, указание на наказание за невыполнение предписания, на вознаграждение за выполнение предписания и сообщение об апотропейских свойствах письма как артефакта. Внутреннее содержание — собственно «святое письмо» — содержит одно или несколько предписаний (в наиболее полном варианте это предписания о почитании воскресного дня и пяти, реже — двенадцати пятниц) и инфор-

мацию о последствиях выполнения и невыполнения предписания.

Публикуемое «письмо» (см. ил. 1–2) приобретено автором в 2013 г. у В. Торопиной (Москва). По сообщению предыдущего владельца, было приобретено в букинистическом магазине в Санкт-Петербурге в начале 1990-х гг. «Письмо», скорее всего, использовалось в качестве амулета. Лист, на котором оно написано, сложен в 32 раза, и, судя по потертости сгибов и размытости чернил до почти полного исчезновения записей в двух квадратах на стороне А, он мог быть вложен в ладанку или был вшил в одежду.

Судя по деталям почерка, «письмо» можно датировать первой третью — серединой XIX в. Самый ранний аналог, обнаруженный на настоящий момент [8], бытует не позднее 1831 г. (в Западной Европе данный текст фиксируется уже в конце XVIII в. — в 1795 г. [16]). Публикуемый текст, скорее всего, был написан в этот же период. Текст с данным зачином оказался довольно устойчивым. Он распространяется в основном во второй половине XIX в. и в этот период практически не подвергается изменениям. Французские рукописные и печатные аналоги (и, воз-

Ил. 1. «Небесное письмо», сторона А

можно, прототип) данного текста опубликованы М. Лионом [17]. В отечественной литературе тексты «лангедокского письма», распространявшиеся на территории Пензенской, Вятской, Оренбургской, Псковской губерний, опубликованы или упоминаются в: [1. С. 121; 7; 12. С. 625; 3. С. 95; 4. С. 416; 6. С. 5; 9. С. 18–20; 11. С. 748–749; 10. С. 271–272; 13. С. 201]. Еще один текст, практически дословно совпадающий с публикуемым «письмом», был обнаружен в кабинете орловского помещика и напечатан в журнале «Безбожник» в 1928 г. (к сожалению, само письмо, очевидно, не сохранилось):

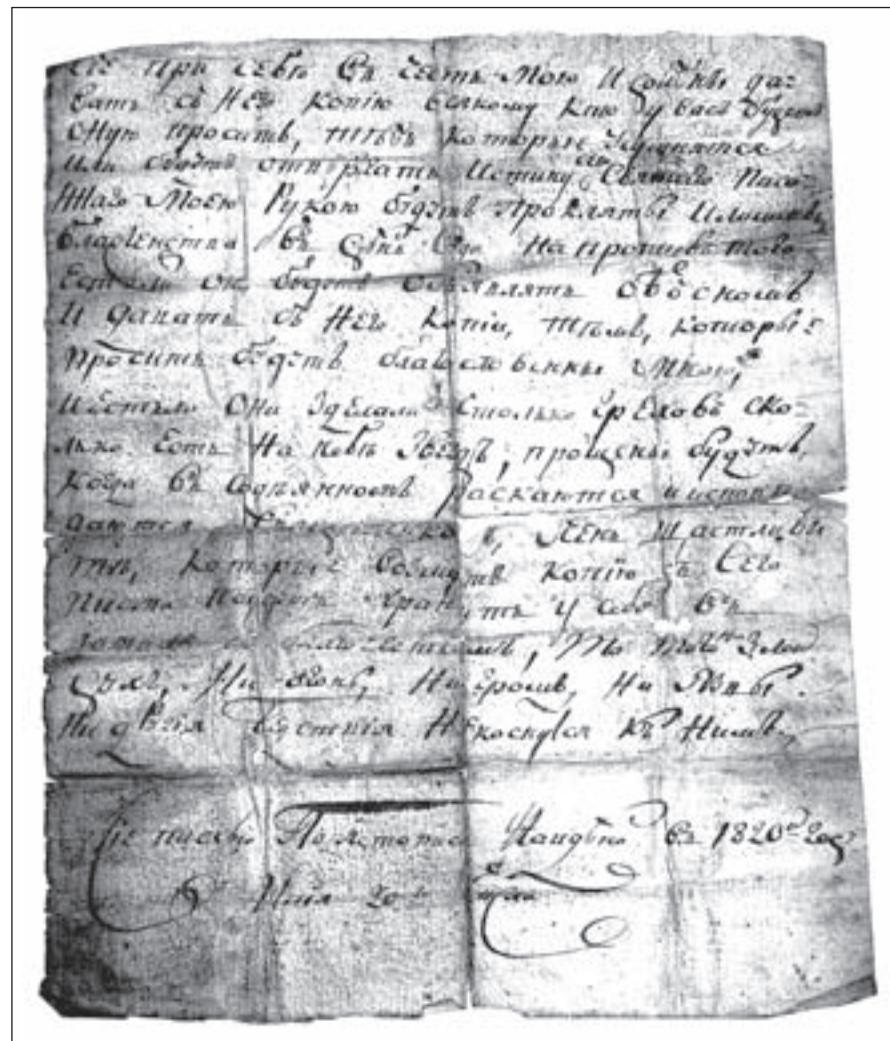
«Я предписываю вам...» Так начинается это святое письмо, написанное чудесным образом господом нашим Иисусом христом собственной его рукой золотыми буквами на еврейском языке и найденное в 12 верстах от города Самаряна в Лангедоке, которого во Франции никогда и не было. Это послание найдено в библиотеке одного бывшего помещика Орловской губ., оно помечено 1820 годом. Его содержание таково:

«Чтите святый день воскресения... должны поститься и в пятницу читать пять раз отче наш и богородице дева». Исполняющим в точности это предписание обещано, что их “поля и domы наполнены будут”, а “отбегающим сего” христос пошлет с неба “язву, голод, душевное страдание”. Кто усомнится в истине святого письма, написанного устами моими, будут прокляты, смешины и посрамлены, а, напротив, кто будет об’являть о нем и брать с него копию, будут благословлены, и если они сделали столько грехов, сколько на небе звезд, грехи, сии им прощены будут» [5. С. 15].

[Сторона А]

Копія съ копії Святаго Писма
Найдено чудеснымъ образомъ Господа
Нашего Іисуса Христа писанное собствен-
ною его рукою Золотыми Литтерами На
Еврейскомъ Языкѣ, то было Найдено въ
12ти вѣрстахъ отъ сомборетавъ Лонгедонѣ
съ со изображеніемъ Святого Креста,
Послѣ сіе истолковано Семилетнимъ
Сиротою, который до того времени ничего
не говориль. Вотъ Содержаніе Онаго.

Я представляю вамъ Читть Святыя дни
воскресныя делами Благочестивыми, Есть
ли вы не будете Исполнять, то неизбежи-
те моего про «...» дать шесть дней во «...»
вашего, а воскресныя «...» для присудствія
при «...»чныя дни испомоществовать бед-
нымъ от трудовъ вашихъ, Есть ли вы буди-
те Наблюдать Ето правило, то ваши Поля
и domы будутъ благословенны и исполненны;
Есть ли вы будите наблюдать Напротив
того, то будите прокляты мною и будите
иметь язву и гладь и и жестокія душев-
ныя Страдания въ ознаменованію Моего
Гнева, вы должны поститься Пятницу и чи-

Ил. 2. «Небесное письмо», сторона В

тать пять разъ отче Нашъ и богородицу съ
воспоминаніемъ Моихъ Страстей, и того,
что я претерпел на древѣ Крестнѣмъ для
спасенія вашего, вы будите Носить Писмо

[Сторона Б]

сіе при себѣ въ честь Мою и должны да-
вать съ него копію всякому кто у васъ буд-
етъ оную просить, тѣ же которые усум-
нятся или будуть отвергать Истину сего
Святаго Писанного Моею рукою будуть
прокляты и лишены благоденствия въ
день Суда. Напротив того Есть ли онъ буд-
етъ объявлять объ съ номъ и давать съ
Него Копіи, тѣмъ, которые просить будуть
благословенны Мною, и Естьли они здела-
ли столько греховъ сколько есть на небѣ
звездъ, прощены будуть когда въ содеян-
номъ раскаются и исповѣдаются священ-
никомъ Очень щастливы тѣ, которые возь-
мут копію съ Сего Писма и будутъ хранить
у себя въ домахъ съ благочестиемъ, То Того
ни злой духъ, ни огонь, ни Громъ, ни Язвы
ни другія бедствія не коснутся къ Нимъ.

Сіе писано По летописи Найдено въ
1820 м году Маія 20го числа

Литература

1. Белоконский И. О всеобщем обучении // Русская школа. 1898. № 10. С. 118–128.

2. Быстров Н. Беседа с крестьянами о книжке под названием «Сон Богородицы» // Прилож. к «Пензенским епархиальным ведомостям» за 1895 г. Приплетено к № 14. С. 153–160; к № 15. С. 161–168; к № 16. С. 169–176.

3. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1884 год. СПб., 1886.

4. Елабужский М. Паломничество как промысел (Из Елабужск. у., Вят. губ.) // Церковный вестник. 1893. № 26 (1 июля). С. 413.

5. Искринский. Письмо из царства небесного // Безбожник. 1928. № 5. С. 15.

6. Лаврентьев А. Такова их природа // Безбожник. 1929. № 18. С. 5.

7. Лурье В. Ф. «Святые письма» как явление традиционного фольклора // Русская литература. 1993. № 1. С. 142–149.

8. Малов А. И. Письма к русским воинам. СПб., 1831. С. 79–81. (Цит. по: Пыпин А. Н. Древняя русская литература: 1) Старинные апокрифы; 2) Сказание о хождении Богородицы по мукам // Отечественные записки. 1857 (ноябрь). № 115. С. 341).

9. Масловский А. Мнимое письмо Иисуса Христа // Пензенские епархиальные ведомости. 1882. № 23 (1 дек.). С. 18–20.

10. Материалы к истории и изучению русского сектантства и раскола. Вып. 2.

- Животная книга духоборцев / Ред. В. Бонч-Бруевич. СПб., 1909.
11. [На Новой линии...] // Оренбургские епархиальные ведомости. 1882. № 15 (часть неоф). С. 748–749.
12. Панченко А. А. Магические письма // Современный городской фольклор / Ред. А. Ф. Белоусов, И. С. Веселова, С. Ю. Неклюдов. М., 2003. С. 620–642.
13. Святое письмо // Исторический вестник. 1888. Июль. С. 201.
14. Рукописная религиозная проза Нижегородского края / Сост. Ю. М. Шеваренкова. Нижний Новгород, 2008.
15. Comte Ch., Dunoyer Ch. Le Censeur européen, ou, Examen de diverses questions de droit public: et de divers ouverages littéraires et scientifiques, considérés dans leurs rapports avec les progrès de la civilisation. Paris, 1817–1819.
16. Duchatellier A. R. M. Histoire de la Révolution dans les départemens de l'ancienne Bretagne. Livre 5. Paris, 1836. P. 334–336.
17. Lyons M. Celestial letters: Morals and magic in nineteenth-century France // French History. 2013 (<http://fh.oxfordjournals.org/content/early/2013/05/31/fh.crt047.full>).
18. Wienker-Piepho S. Je Gelehrter, Desto Verkehrter: Volkskundlich-Kulturgeschichtliches Zur Schriftbeherrschung. Muenster; New York; Muenchen; Berlin, 2000.

Светлана Николаевна Амосова,
Ин-т славяноведения РАН (Москва)

«СКАЗАНИЕ О 12 ПЯТНИЦАХ» В РУКОПИСНЫХ ТЕТРАДКАХ ИЗ ЛАТГАЛИИ

Данная публикация основана на материалах экспедиций к старообрядцам юго-востока Латвии в 2011–2014 гг. В ходе экспедиционной работы нами были не только собраны устные тексты, но и скопированы хранящиеся у старообрядцев рукописные тетради с духовными стихами, молитвами и заговорами. Самая ранняя тетрадь относится к 1930-м гг., большинство же составлено во второй половине XX в.¹, а один блокнот — в конце 1990-х — начале 2000-х гг. В состав всех сборников второй половины XX в. входит апокриф «Сон Богородицы», кроме него в некоторых тетрадях встречаются молитвы Михаилу Архангелу, Богородице и св. Василию, св. Антиоху Мниху и др. Состав рукописи 1930-х гг. совершенно иной: там только духовные стихи («Стих печального Иосифа», «О святом Антонии» и др.).

Значительный интерес представляет встретившееся в тетради жительницы г. Прейли Веры Викульевны Соловьевой (Маслобоевой) «Сказание о 12 пятницах» — апокрифический памятник, широко известный в западноевропейской и восточноевропейской традициях, появившийся на Руси примерно в XV в.² «Сказание...», по словам В. В. Соловьевой, она переписала примерно в 1960–1970-е гг. Текст записан в половинке ученической тетради в клетку шариковой ручкой. Кроме «Сказания...» там содержатся «Сон Богородицы», несколько молитв («Отче наш», «Молитва Михаилу Архангелу» и др.)³.

Напомним, что «Сказанию...» посвящено несколько специальных работ. А. Н. Веселовский выделил две редакции этого сказания — Климентовскую и Элевферьевскую⁴. С. М. Толстая рассмотрела полесские варианты «Сказания...» и сравнила их с другими славянскими

версиями этого апокрифа⁵. С. В. Иванов рассмотрел восточнославянские списки «Сказания...» (в частности, формулы вознаграждения), сопоставил их с западноевропейскими текстами и пришел к выводу, что западноевропейские тексты имели сильное влияние на восточнославянскую традицию⁶.

Нам известно 111 текстов из разных регионов, которые были опубликованы в XIX–XX вв., а также варианты «Сказания...» из Древлехранилища ИРЛИ, архива РГО и др. Для сравнения с текстом из тетради В. В. Соловьевой (далее — Пр.) мы привлекли списки «Сказания...» из Латгальского собрания Древлехранилища ИРЛИ (четыре варианта).

Первый, самый ранний список, содержится в сборнике 1855 г. Это сборник-конволют (разная бумага, разные почерки), в нем содержится «Слово похвальное пресвятой великомученице Прасковии», «Эпистолия о неделе» и другие тексты (далее — Лат. 1)⁷. Второй список «Сказания...» — из объемного сборника второй половины XIX в., куда кроме «Сказания...» входят «Григорьево видение», «Беседа трех святителей», «Сказание о несовершенном кресте» и другие тексты (далее — Лат. 2)⁸. Третий список также входит в объемный сборник второй половины XIX в., состоящий из разных тетрадей; список написан полууставом, начало списка утрачено, и текст начинается только с четвертой пятницы (далее — Лат. 3)⁹. Четвертый список — самый поздний, он имеет точную датировку — 4 марта 1959 г. и содержит имя переписчика — некой Ф. Змелевой. «Сказание...» записано в обычной школьной тетради скорописью, после него помещен «Сон Богородицы». Текст переписан с большим количеством описок и ошибок, заметно, что человек не понимал значение

многих слов и был не очень грамотным (далее — Лат. 4)¹⁰. Таким образом, мы располагаем тремя латгальскими текстами второй половины XIX в. и двумя — второй половины XX в.

При сравнении латгальских вариантов «Сказания...» (состав праздников, накануне которых рекомендовано поститься, формулы вознаграждения, т.е. то благо, которое обещано постящемуся в ту или иную пятницу, начальная и конечная формулы¹¹) выяснилось, что состав праздников и формул вознаграждения сходен только в четырех списках, а самый ранний список отличается от остальных¹². К этой же группе примыкает опубликованный текст из Макарьевского уезда Нижегородской губ. (далее — Нж.)¹³, никаких дополнительных сведений об этом списке у нас нет. Таким образом, у нас всего пять сходных текстов¹⁴.

В трех текстах из пяти есть одинаковая начальная формула: «Поучение иже восвятых отца нашего, Климента. Папы Римского о двух на десети пятницах» (Пр., Нж., Лат. 2). Вся латгальская группа также содержит стандартный набор праздников, но в двух вариантах на месте восьмой пятницы — Успение Богородицы (Пр., Нж.), а в трех вариантах на этом месте в сочетании с той же формулой — Рождество Богородицы (Лат. 2, Лат. 3, Лат. 4). Эти праздники близки по дате, они оба из одного цикла богослужебных праздников, как произошла данная замена, неясно. В названиях праздников не прослеживается никаких региональных влияний, можно только отметить, что имя Иоанна Предтечи в латгальских вариантах пишется как *Иоанн / Иван Предотеча*. Кроме того, во всех латгальских вариантах пишется *Иисус Христос* (так как все эти тексты переписывались старообрядцами), а в нижегородском варианте — *Иисус Христос*. Такие же особенности написания этих имен отмечает М. Г. Бабалык и в старообрядческих вариантах «Беседы трех святителей»¹⁵. В одном из латгальских вариантов содержится много ошибок: *Рождество Иоанна Предателя, день Казни и Района* (т.е. Косьмы и Дамиана) (Лат. 4).

Что касается формул вознаграждения, то все они довольно стандарт-

|| Письменные источники и народная культура

ны и во всех текстах совпадают, но в Нж. формула «от огня и муки вечной» соответствует Вознесению, а «от потопления» — дню Сошествия Святого Духа. В латгальских текстах ровно наоборот. Нам кажется, что в Нж. при переписывании была сделана ошибка, так как формулы полностью совпадают, даже двухчастная формула «от огня и муки вечной». Но есть одно расхождение, которое нельзя объяснить механической ошибкой: шестой пятнице перед днем Иоанна Предтечи в трех текстах соответствует формула «от меча и муки вечной» (Нж., Пр., Лат. 4), в одном из текстов формула не написана (Лат. 2), а в другом она совершенно иная — «от неплодства» (Лат. 3), и это единственный текст из нашей коллекции, где вообще есть такая формула.

Если обратить внимание на особенности записей текстов «Сказания...» данной группы, то нужно отметить, что нижегородский текст и один из латгальских имеют сходные комментарии. Так, например, к названию праздника Богоявление Христово в скобках приписано «Крещение Христово», к некоторым праздникам в скобках добавлены даты: «перед днем Косьмы и Дамьяна (1 ноября)», «перед днем Святого Святого безсеребиник Кузмы и демяну. Этот праздник поновому 14 ноября постарому 1 ноября» (нижегородский текст XIX в. — даты, естественно, только по старому стилю, а в латгальском варианте две даты — по старому и по новому стилю) (Пр., Нж.). Это довольно специфическая особенность, в других текстах из латгальской группы ее нет. Конечные формулы всех пяти текстов имеют некоторые расхождения.

Единство части данной группы объясняется простой региональной близостью и функционированием среди ста-рообрядческого населения, но совершенно неясно совпадение с этими текстами текста из Макарьевского уезда, который даже на уровне пометок (например, дат праздников) тождествен одному из латгальских текстов и не совпадает ни с одним другим нижегородским из нашей коллекции. Проследить пути распространения и функционирования данного варианта нам пока не представляется возможным.

ДРЕВЛЕХРАНИЛИЩЕ
им. В. И. МАЛЫШЕВА ИРЛИ РАН.
ЛАТГАЛЬСКОЕ СОБР.

P. IV. Op. 41. № 257. Л. 49–60

Поучение иже во святых отца нашего климента папы римского О двух на десяти пятницах, благослави отче.

1-я пятница, на первой неделе великого поста. Аще кто сию пятницу постится и той человек незапно смертию не умрет.

2-я пятница пред Благовещением пресвятой Богородицы. Аще кто сию пятницу

постится и той человек от напрасного убийства избавлен будет.

3-я Пятница на страстной неделе великого поста. Аще кто сию пятницу постится, и той человек от разбойника сохранен будет.

4-я Пятница пред Вознесением Христовым. Аще кто сию пятницу постится и той человек от потопления сохранен будет.

5-я пятница пред сошествием святого духа. Аще кто сию пятницу постится, и той человек от огня и муки вечной сохранен будет.

6-я Пятница Иоанна Предтечи. Аще кто сию пятницу постится и той человек,

7-я Пятница пред днем святого пророка Ильи. Аще кто сию пятницу постится и той человек от грома и молнии избален будет.

8-я пятница пред Рождеством пресвятой Богородицы. Аще кто сию пятницу постится, и той человек от великой болезни избавлен будет.

9-я пятница пред днем Козмы и Дамиана. Аще кто сию пятницу постится, и той человек от великого грехопадения сохранен будет.

10-я пятница пред днем святого архангела Михаила. Аще кто сию пятницу постится и той человек при смерти своей узрит пресвятую Богородицу.

11-я Пятница пред рождеством Христовым. Аще кто сию пятницу постится и того человека имя написано будет у пресвятой Богородицы на престоле.

12-я Пятница пред Богоявлением господним. Аще кто сию пятницу постится и того человека имя написано будет у самого господа Иисуса Христа в животных книгах.

Аще который человек винен в великие пятницы с женою своею или с девицею сотворит блуд, и от них зачнется детище то будет слеп или нем, или хром, или тать, или разбойник, или всякому злому делу начальник. Христу Иисусе господе нашем, ему же слава ныне.

2 пятница предблаговещением пресвятой Богородице кто в сию пятницу постится тот человек отнезапная смерти сохранен будет.

3. Пятница настрастной недели великого поста кто сию пятницу постится тот человек отмукам вечной избавлен будет.

4. Пятница предвзнесением господним кто сию пятницу постится тот человек от напрасницы сохранен будет.

5. Пред иоанном предотечем кто сию пятницу постится тот человек оттресавична болезни сохранен будет.

6. Пятница пред илиею пророком кто всио пятницу постится тот человек от грому и молнии сохранен будет.

7. Пятница предображением господним кто всио пятницу постится тот человек от мечнаго посещения избавлен будет.

8. Пятница предупспением пресвятой Богородицы кто всио пятницу постится тот человек присмерти своей узрит Богородицу влице

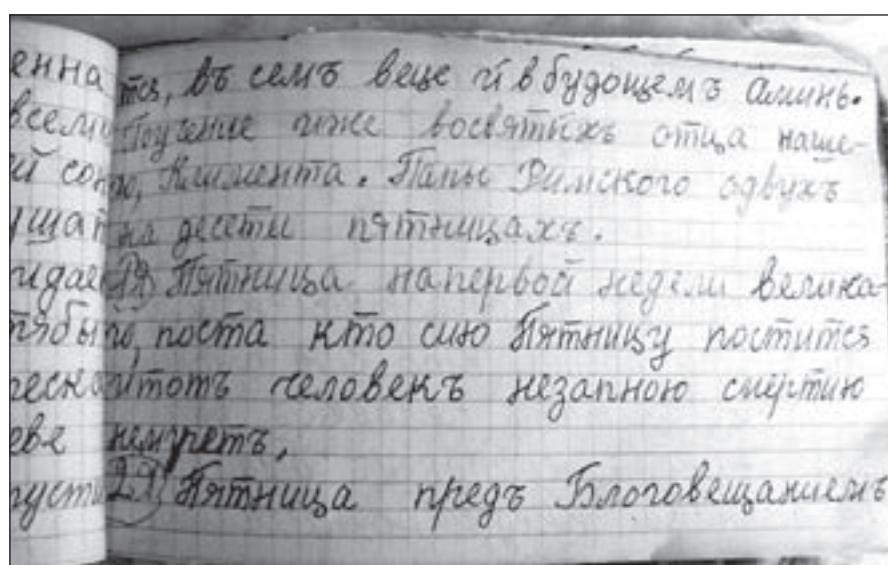
9. Пятница пред кузьмой демианом кто всио пятницу постится тот человек отскорби и болезни избавлен будет.

10. Пятница пред михайлом архистратигом кто всио пятницу постится тот человек перенесен будет чрез огненную реку

11. Пятница пред рождеством Христовым кто всио пятницу постится тот человек и в книге будет написана усамого господа нашего напрестоли в книгах животных кто вооныя святые пятницы сженою совокупится то зачадится детища слеп или нем глух или хром или разбойник или пияница и всем делом наставник надобно всякому христианину постится сия святая пятница молитвою искуходением и земными поклонами всегда и ныне и присно иловеки веком Аминь.

P. IV. Op. 41. № 169. Л. 71–72

[страницы утрачены, нет начала и конца]
настрастной неделе великого поста, кто сию пятницу постится итот человек отразбояни избавлен будет.

Страница из тетради Веры Викульевны Соловьевой (Маслобоевой) со «Сказанием о 12 пятницах». Фото С. Н. Амосовой

4. пятница предвзнесением, кто сию пятницу постится и тот человек отмечи имуки вечныя сохранен будет.

5. пятница предсуществием святого духа. Кто сию пятницу постится и тот человек отогня имуки вечныя сохранен будет.

6. пятница предднем рождества иоанна предтечи. Кто сию пятницу постится и тот человек от неплодства разрешен будет.

7. Пятница предднем святого пророка илии, кто сию пятницу постится, и тот человек от грому и молнии избавлен будет.

8. Пятница предрождеством пресвятой Богородицы кто сию пятницу постится и тот человек от великой болезни избавлен будет

9. Пятница предднем козьмы идамиана, кто сию пятницу постится, и тот человек от великаго грехопадения сохранен будет.

10 Пятница предднем святого архангела михаила, кто сию пятницу постится, и тот человек присмерти своей оуэрт пресвятую Богородицу.

11. Пятница предрождеством христовым кто сию пятницу постится имя того человека написано будет оупресвятой Богородицы на престоле.

12. пятница пред богоявлением господним кто сию пятницу постится, и того человека имя написано будет у самого господа нашего Иисуса Христа вживотных книгах. Аще который человек винен в великие сии пятницу с женою своею или с девицею...

P. IV. Op. 41. № 141. Л. 9–10

12 пятниц

Пятница первой недели

1 Пятница на первой недели Великого Поста. Кто постит тот человек не земного не умрет.

2 Пятница перед Благовещением Пресвятой Богородицы кто сию постит тот человек от нападения убийства избавлен будет

3. Пятница на строшной недели кто сию постит тот человек от разбойника сохранен.

4 Пятница перед Вознесением Христовым кто сию постит тот человек от потопления сохранен будет.

5 Пятница перед сошествием святого Духа кто сию постит отогня муки всяческий сохранен будет.

6 Пятница перед днем Иоанна Предателя кто сию постит тот человек [порвана страница] мечи и муки всяческой сохранен буде [порвана страница]

7 Пятница перед днем святого пророка Ильи кто сию постит тот человек гром и молынье сохранен будет.

8 Пятница перед Рождеством Песвятого Богородицы кто сию постит тот человек от всяких болезней избавлен будет.

9 Пятница перед днем Казни и Райиона кто сию постит тот человек от великого духа падения сохранен будет.

10 Пятница перед днем святого Архангела Михаила кто сию постит тот человек прием смерти своею Изрит Пресвятой Богородицы

11 Пятница перед Рождеством Христовым [порвана страница] то сию постит

того человека Им [порвана страница] написано будет у Пресвятой [порвана страница] родице на столу

12 Пятница перед (Богоявлением) Богоявлением Господним кт сию постит того человека Имя написано будет у сомого Иисуса Христа у животной книге.

13 Аще кто человек винен в великие Пятницы с женой своею и с девицею сотворит блют. И от их заявится детище то будет слеп Или хром Или нем Или глух СОЭУ блудница Или всякому почальнику о Христ Иисус Господь нашу Эмуже слово Инино и пресное и Сво-веки Аминь:

Конец. 4. III. 59 г.

Змелева Ф.

ИЗ КОЛЛЕКЦИИ МУЗЕЯ «ЕВРЕИ В ЛАТВИИ»

Preily_11_28_Solov'eva

**Поучение иже восвятых отца нашего,
Клиmenta. Папы Римского одвух на дес-
ти пятницах.**

1 Я Пятница на первой недели великаго, поста кто сию Пятнице постится и тот человек незапно смертию немрет.

2 Я Пятница пред Благовещением Пресвятые Богородицы кто сию пятницу постится и тот человек от напрасного убийства избавлен будет. Благовещения 7 апреля (построму 25 марта)

3 Я Пятница настрастной неделе великаго поста кто сию пятницу постится и тот человек от разбойников сохранен будет

4 Я Пятница ппред Вознесением Христовым кто сию пятницу постится и тот человек от потопления сохранен будет.

5 Я Пятница пред Сошествием Святого духа [сверху написано: Троицей] кто сию пятницу постий тот человек от огня и муки вечныя избавлен будет

6 Я Пятница пред днем Святого Ивана предтечи кто сию пятницу постится и тот человек от меча и муки вечныя избавлен будет

7 Я Пятница пред днем святаго пророка Ильи кто сию пятницу постится и тот человек от Грому и Молнии сохранен будет

8 Я Пятница пред успением Пресвятые Богородица кто сию пятницу постится и тот человек от великай болезни избавлен будит (етот праздник 28 августа постарому 15 августа)

9 Я Пятница пред днем Святаго Святаго безсеребиник Кузмы и демяну кто сию пятницу постится и тот человек от великаго Грехопадения сохранен будит Етот праздник поновому 14 ноября постарому 1 ноября.

10 Я Пятница пред днем Святаго Архангила Михаиле кто сию пятницу постится и тот человек присмерти своей оуэрт Пресвятые Богородицы (етот праздник поновому 21 ноября по старому 8 ноября

11 Я Пятница пред Рождеством Христовым кто сию пятницу постится итого человека имя написана будит у Пресвятая Богородицы напрестоле (етот праздник поновому 7 января постарому 25 декабря

12я Пятница пред Богоявлением [сверху: Крещением] Господним кто сию пятницу постится итого имя будит усамого Господа нашего Иисуса Христа вживотных книгах.

Аще который человек сию пятницы муж скеною или сдевицею будит приблуждать взаконе Божим то уних зачнется детище то будит глух или слеп или нем или хром или тать или сухорук или вор или разбойник или душегубник или всякому злому делу начальник.

Вам муж с женою надлежит читать каждый день молитву Михаилу Архангиле и все что тут написано все надо читать каждый день сверю Христовою и все прочия пятницы и среды нельзя есть нимясо ни рыбу. великий грех кто заповеди Божия переступит то лучи такому неродится на свет.

Примечания

¹ В основном это блокноты, сделанные из школьных тетрадей в клетку, тексты написаны синими и черными шариковыми ручками скорописью.

² Памятники отреченной русской литературы / Собр. и изд. Н. Тихонравовым. СПб., 1863. С. 325–335.

³ Архив музея «Евреи в Латвии»: *Preily_11_28_Solov'eva* (рукописный отдел).

⁴ Веселовский А. Н. Опыты по истории развития христианской легенды: IV. Сказание о 12-ти пятницах // Журнал министерства народного просвещения. 1876. № 185. Июнь. С. 326–367.

⁵ Толстая С. М. Следы древнеславянской апокрифической традиции в полесском фольклоре: «Сказание о 12 пятницах» // Толстая С. М. Полесский народный календарь. М., 2005. С. 543–559.

⁶ Иванов С. В. Восточнославянская «климентовская» редакция «Сказания о двенадцати пятницах»: к вопросу о происхождении и эволюции текста // Индоевропейское языкознание и классическая филология–XVII (чтения памяти И. М. Тронского). Материалы Междунар. конф. / Отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб., 2013. С. 318–342.

⁷ Древлехранилище ИРЛИ РАН, Латгальское собр. Р. IV. № 160. Л. 44об.–47.

⁸ Там же. Р. IV. № 257. Л. 49–50.

⁹ Там же. Р. IV. № 169. Л. 71–72.

¹⁰ Там же. Р. IV. № 141 (скоропись синими чернилами). Л. 9–10.

¹¹ О структуре «Сказания...» см. подробнее: Толстая С. М. Указ. соч.

¹² Древлехранилище ИРЛИ РАН, Латгальское собр. Р. IV. № 160. Л. 44об.–47.

¹³ Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 4: Нижегородская губерния. СПб., 2006. С. 327.

¹⁴ Вообще сходство текстов — довольно редкое явление для данного апокрифа, почти все тексты очень индивидуальны по набору праздников и соответствующим им формулам вознаграждения, а также вступительной и конечной формулам.

¹⁵ Бабалык М. Г. Апокриф «Беседа трех святителей» в русской рукописной книжности: исследование и тексты. Saarbrücken, 2012. С. 28.

АПОКРИФИЧЕСКИЕ МОЛИТВЫ КАРЕЛИИ

В данной публикации представлено машинописное собрание апокрифических текстов, в 1986 г. переданное в Музей истории религии Карелии (позднее назывался Музеем духовной культуры Карелии) при кафедре философии Карельского государственного педагогического института¹ студенткой-заочницей 4-го курса индустриально-промышленного факультета педагогического института А. С. Башенковой (в музее хранилось под номером МДК 1470).

Коллекция музея собиралась студентами на протяжении 30 лет. Кроме предметов материальной культуры, которым при формировании фонда уделялось основное внимание, в собрание вошло более 300 текстов народных молитв и заговоров с конца XIX по середину XX в. — тетрадки или листочки из личных собраний носителей традиции, а также переписанные студентами тексты.

Публикуемые тексты (пять текстов «Сна Богородицы», «Хождение Богородицы по мукам», три «Небесных письма», «Воскресная молитва», соединенная с текстом «12 пятницы») — это собрание из семейного архива. А. С. Башенкова сопроводила переданную коллекцию примечанием: «Данные листы с напечатанным текстом «Снов Богородицы» остались у меня в связи со смертью моей матери, которая была «верующей», жизнь моей матери была трудной, и все трудности она связывала с чем-то сверхъестественным. Она слепо верила в колдовство и считала, что от него может уберечь чтение молитв, ношение креста, посещение церкви, верила во многие приметы, такие, как ношение булавок, вбивание гвоздя в косяк двери и т.д. В своей жизни она стремилась к сближению с людьми подобного верования. До 1986 года листы находились у бабушки-знахарки, проживающей в д. Кутчезеро [Пудожского р-на]. Она завещала их моей матери. В связи с тем, что после смерти матери листы остались у меня, то в свою очередь я передаю их в музей». Можно предположить, что матерью А. С. Башенковой были перепечатаны рукописные тексты, относящиеся к первой половине XX в.

Тексты публикуются с сохранением орфографии и пунктуации оригинала, включая заведомые опечатки.

СОН БОГОРОДИЦЫ 1-й

Пресвятая Богородица наша — Госпожа и Преснадева Мария, когда спала в Вифнеме городе Иудейском то пришел к ней Иисус

Христос и сказал ей Мария магия моя возлюбленная Пресвятая Богородица. Сладчайший твой сон Господь наш Иисус Христос сын Божий. От этого сна страшного и утробы затекаются, уста мои разверзаются.

Видела я во сне; жидовы поймали руки твои. Причищие ноги связали у потока Едейского и повели на суд к потейскому Архиерею Анне Кайнафе и Филиппу: Они судили тебя на смерть со ежесвидетельством и предали тебя Понтию Пилату на кремтное Распятие и тогда Пилат у жидов твои Причищие и сказал такое слово: чимто от него преведного. Тогда повели Господа моего Иисуса Христа раздето, ко столбу привязали без пощады жилами воловьими стали бить.

|| В коллекцию Музея истории религии Карелии вошло более 300 текстов народных молитв и заговоров с конца XIX по середину XX в.

Стали пред тобою сыном моим возлюбленным нарьаться, говоря безумн[ы] жтдовье с насмешкой; если ты Христос сын Божий, то отгадай кто тебя ударил? Ты сладчайшее Чадо мое это скро тостью теперь поношение от безумных жидов и не единого слова не отвечавше. От того люто и немиломердного длен ия кровь твоя Пречистая ока кора от дерева отподоша Земля обогретая трепетом на отомщение твое готовая вся тварь яреще .... оче поведова

Тогда Господа моего Иисуса Христа поведоша на лобное место ..... на гору Голгофу Крест Тебе воздрузило и возхламиду червенну одета, терновый венец возложен на Пречистую Главу Твою Трость в десную руку дато и с наргутельством поклониша говоря: Ау, Ау ты еси Царь Иудейский.

Пречимты руки и ноги пригвоздила. И с него насмешно ругашися Царь Иудейский других спасал. Я тибя спасать не може.

Если ты Христос сын Божий то соиди со креста и мы увидим, что ты Истинный Сын Божий. И дощечку прибили поверх Твоей Главы с надписью; Сей Господь Иисус Христос Царь Иудейский. Потом повешано на крест с Тобой два разбойника. Один разбойник ТЯ замловися, а другой укорял своего товарища за проведенное досужденте то носи благоразумный разбойник словами спасемся речи таковые слова помяни Господи ада придеш во Царствие Твоем. За эти слова сошел с Тобою в рай Жидови же огня досия ярещеся же и один по насердный Жид вознес Губу со щек пити Но ты Господь от этого отрекся. Тогда один воин взял копье пронзил Пречистое ребро Твое и из сего выступила кровь быть всем благочестивым Христианам всяким различным недугом не спасение и исцеление благочестий верующих во Имя Божие

И тогда приклонив Пречистую главу твою в десную сторону Пречистый Дух Твой Богу отцу в падо

Тогда завеса церковная разралася на две части Земля сотряслася Отверглась и много успопших тела тела во святых воскресли. Небо померкло солнце проложися во тени, луна обратилась в кровь и была тьма великая от 6 час. 9 час. и потом встренену прежний свет. И рече Господь Наш Иисус Христос Сын Божий Магия возлюбленная Пресвятая Богородица иприсно Дева Мария во истину сон Твой праведно и неложен сбудется.

Если который человек великою благодатью от Бога получит и честному Господь дарует. Кто же сеи сон Твой у себя имеет тот милости от меня примет.

При смерти явлюсь с Причистой Богородицей и Ангелами возьму душу в Царствие небесное на вечные веки.

Если в котором доме сей сон сбережется к тому дому не прикоснется ни вор, ни

разбойник, ни злой человек и сохранен будет от грома, от молнии, от пожара. Если в котором доме сей сон твой в чистоте держат, станет в том доме хлеба изобилие скота умножение.

Если в котором доме женщина и мучится она дитя родить то прочитаешь этот сон или кому — либо велиши прочитать в такое время и Сам Господь увидит

Если кто в путь пойдет сей сон прочитает или с собой возмет, в чистоте носить станет будущий сохранен, от врага, разбойника от всякого зла .

Если на воде будет плавать, а сон сей при себе иметь то сохранен будет от водного потока, от бурь наносимых от лукавых.

Если кто на войну пойдет, сей сон прочитает или собой возмет и велит другим прочитать, то сохранен будет от стрельбы огненной и всяких орудий неприятельских.

Сей сон писан во святом граде Иерусалиме у гроба господня по патриархом стратисом Михаилом перед образом найдено горе о сем слава Богу прежде и ныне и присно во веки веков А м и н .

2-ой СОН ПРЕСВЯТОЙ. БОГОРОДИЦЫ И ПРИСНО ДЕВЫ МАРИИ.

Пресвятая Богородица и присно дева Влпдычица наша дева Мария спящая в фифиние на горе Елеваны Едина на час уснула пресвятая Богородица присно дева Мария и пришел к ней Господь наш Иисус Христос и глаголя ей магия. Возлюбленная Пресвятая Богородица спиши или чуешь проснулась Пресвятая Богородица и рече ему о примиолосливый творец и сын мой возлюбленный. Аз было уснус и видела сия сон дивный о тебе. Я видела тебя пойманного и связанное канату привиденного на крест вознесенного и на-

ним пробуденного кроволитье святое по всей земле излися, а тело твое пречистое от суставов твоих аки кора от дерева отпадоша рече к ней Иисус Христос и сын Божий. Мати моя возлюбленная Пресвятая Богородица праведнечи сон тебя снился о сыне и что сбытие может если лист был у гроба господня явлен пилатом римским, чтобы верили сему листу во Иисуса Христа сына Божия назарея цари Иудейского.

Во имя отца и сына и святого духа Аминь. Ее слово на свете от духа самого Господа нашего Иисуса Христа волафу патриарху, а патриарха осветил ею и послал брату своему королю против неприятеля сей лист силу такову имеет кто его или охотно верит, то такому человеку на 40 отпущений грехов и кто сей лист имеет тому та болезнь всетится не может.

Сей лист найден перед образом Архангела Михаила.

На горе Елеваний о сем слава и ныне и присно и во веки Аминь.

Кто хочет прочитать или переписать золотыми буквами Иисус Христос сын Божий приказывает сам и Божества и об"являет своего всесвятая никаких рабов не сделала коренья в сарах не копала и на ножи так в души не употребляла, чтобы верили и молились в праведного сына божия и сим его Божества тот лист написан был, чтобы мы на се м свете добрую жизнь творили. Я Вам дал 6 дней работать, а 7-й день почтить коночеванию Божества твоего.

Если не будете добро творить, то буду Вас наказывать градом и злом и воиной воздвину царь на царя, король на короля, отца на сына, сына на отца, брат на брата, друг на друга и будет между Вами великое кровопролитие на земле, отниму от вас именье Ваше, буду вас корять громом и блистанием молнии, чтобы признали гнев Божий и справедливость мою, если не послушаете меня, то буду пускать на Вас, на свет громовую тучу и огненное пламя птиц чернокрылых и будут они между Вами летать и тела Ваши клевать и отзлоповерия отстанет. Приказываю Вам Иисус Христос чтобы, Вы в субботу по вечерам недели не работали для пристия матери моей. Если бы мать моя об Вас не молилась, то Вы бы давно погибли и горькой смертью померли в неделю повешен всякий человек старый и молодой в церковь божию ходите помышляйте окрестности своих, что есть согрешили через неделю если вас поминаят через мученья строевольную, чтобы быть поведены не клянится нашено клятвою божей того будет Вам ей самы боязнь сотворили вам по образу своему по подобию везде люди могли обойдися без гнева. Один другому не укоритель свидетельства ложного не творите над убогими, не гордитесь отца и матери почтайте если по слову моему исполняете справедливо, дам царствие небесное и отпущене грехов, приказываю Вам, что верил сему листу, а кто веры не имеет таковой человек не допустим кнокаснию за грехи свои проклят будет и которые люди верят людям желая об"явить другому, из дому давать его

на имя, то если бы имели грехов как песку в море или листов на деревьях то или здесь на небе то все ему прощен будет в царствии небесном допустит честь богу млава во веки веков. Аминь.

СОН ТРЕТИЙ

Пресвятая Богородица и присно дева Мария, когда спала в граде Иудейского, то прия к ней Господь наш Иисус Христос и глаголя ей мати моя возлюбленная Пресвятая Богородица спиши или чувствуешь и рече Пресвятая Богородица о премиловой творец творец и сън мой возлюбленный аз виделся мне сон дивный о тебе и рече к ней Господь Иисус Христос мати моя возлюбленная Пресвятая Богородица по видимому сон твой справедлив и не может и рече Пресвятая Богородица со слезами. Мати уснула спать и стала видеть тебя на древе на кресте кипарисом копьем рече твое прободено, тростью ударено в лапито за ушено, в лицо твое пречистое оплевано и укусом с желчью на пост и рече ей господь наш Иисус Христос, емли кто сон твой в доме имеет при себе носит тот человек будет тзвавлен от вечных мук, если кто грамотный, тому надлежит читать каждую пятыницу, тот человек избавлен будет от вечной муки, напрасной казни.

Сия молитва живет в церкви в Иерусалиме над гробом Господним, напечатанная четырьмя патриархами, за четырьмя замками. Еще есть замок крыльцы креста церковных Ангелов слава крест царя держава верных и утверждены креста бесов в прогнанью нашему богу честь и слава о веки веков

Аминь.

[ХОЖДЕНИЕ БОГОРОДИЦЫ ПО МУКАМ]

1-я мука

Привел Пресвятую Богородицу Архангел Михаил к древу железному на ветви огненные и тут многие народы мучаются и спросила Пресвятая Богородица Архангела Михаила ан за что мучаться отвечает Архангел Михаил ан люди неправильно судили праведного, а виноватого оправдали о горе издевателям не праведным судьям и сказала Пресвятая Богородица поведи меня к вечной муки.

2-я мука

Привел ей Архангел Михаил к одной муки к огненной реке которая протекает от Востока до Запада и тут многие люди мучаются среди огня на поленьях.

Спросила пресвятая Богородица аси за что мучаться, отвечает Архангел Михаил эти мучаются дети, отцы и матери их учили, а они не почитали.

3-я мука

Привед ей Архангел Михаил и тут много народу мучаются по колено в огне стоят и спросила пресвятая Богородица, сие за что мучается отвечает Архангел Михаил это есть со-траками они прибавили с чужими мужьями.

4"я мука

И привел ей Архангел Михаил к иной муки и тут многие народы мучаются стоя в огне по пояс и спросила Пресвятая Богородица сие люди за что мучаются, отвечает Архангел Михаил детей своих учили к принсному скверагавью и к тому же утешались и смеялись за то плачь подтешений и мука вечная.

5-я мука

Привел ей Архангел Михаил к иной муки и тут многие народы мучаются по горло в огне стоят.

Спросила пресвятая Богородица эти люди за какие грехи мучаются. Отвечает Архангел Михаил эти люди без истояния пребывания отцам духовным почтение нетвонили да брали и сказала Пресвятая Богородица пойдем к иной муки.

6-я мука

И повел Архангел Михаил

Пресвятая Богородица по темным темницам течет темная река в ней рыдают и плачут и спросила Пресвятая Богородица эти люди за что мучаются, отвечает Архангел Михаил, что есть жидов которые распинали Христа, еще ли Жидов воспеманет, примет веру христианскую тем телам царствие небесного во веки не будет.

7-я мука

И привел ей Архангел Михаил к иной муки и тут многие народы мучаются по среди огня и спросила Пресвятая Богородица эти люди за что мучаются, отвечает Архангел Михаил, что все были христиане но после войною о горе иным богохульникам.

8"я мука

И привел ей Архангел Михаил к иной муки к червям ушным и тут черви в души человека и спросила Пресвятая Богородица эти люди за что мучаются, эти люди постов не имели, отцам духовным не каялись тела и крови Христовых не принимали и заплакала Пресвятая Богородица о погибели человеческой и сказала пойдем Архангел Михаил к иной муки.

9-я мука

Привел ее Архангел Михаил к озеру огненному и тут многие народы мучаются и спросила пресвятая Богородица, эти люди за что мучаются и отвечает Архангел Михаил — это есть Митрополиты, Архимандриты, игумеры, протоптеры, епископы, попы, дьяволы и церковные правители за что видели свет но не признали к страху божьему народу не учили, книги не прочитав или царствие небесное закрыли злыми делами, а среди лукавого мыслят.

10-я мука

И привел ее Архангел Михаил к иной муки к змеям лютым скрежающим в душе тело человеческое и спросила пресвятая Богородица сие за что эти люди милостини не творили нищим и убогим царства небесного во веки не будет.

11-я мука

И привел ее Архангел Михаил к иной муки идут диава с человеком, что это значит божественное Исамы считали ложным за то примут муку вечную.

Из же избави Господи Иисус Христос ему будет честь и слава и державы с без начальным отцом и благом и животворящим духом и ныне и присно и во веки веков А м и нь .

СОН ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ

Во имя отца и сына и святого духа почила, если Пресвятая Богородица Богородица и присно дева Мария было в день в святом граде Иерусалиме Иудейском в марте м-це и уснула пресвятая Богородица на одре своем и ей приснился господний наш Иисус Христос и говорит о матери моей возлюбленной и присно дева Мария. О сын мой возлюбленный спала и видела сон великий страшный и ужасный и не могу проговорить тебе для чего узвила утроба моя страшное оружье на сердце моем.

В моем сне об"являют тебе вольное страданье о сладчайшее чадо мое потом на книжки архиерейские и жидовские взяли господа моего и пречестные руки и ноги связали и сняли терновый венец и возложили на главу твою святую, тростью железною били ивланиту заушали, на лицо твое плеваху и в багряницу тебя надевали и над теплом твоим надрыгались и сделавши крест из трех дерев кипариса, кива, и кедра и возложили его на тело твое святое и ты чести его не можешь и сам упал на землю и биение жидов моего тут же.

Идущему мужу по имени Семону возложили крест твой на его и он принял его за счастье нести его и принес во святой град Иудейском Ерусалим и поставили на лобное место и на сем кресте распяли Господа моего и гвоздями прибили и приступили ребра твои святые прокалывать копьем и везде кровь вода из них на сем кресте распяли. Два разбойника единого о десную и едино ошую, единий разбойник получил слово то которое он рек во истину Господа напрасно страдающего по грезам нашим о нуждающемся обратился к господу и сказал помяни меня Господи когда приедеш во царствие твое и сказал ему господь, Ты сегодня будешь со мной в раю и тут пришли два брата Лазаревых, чтобы помазать тело твое горько плачуще и увидели Ангела устрашились и рече им ангел не бойтесь, что Вы ищите живого или мертвого и его нет здесь Господина вашего идите и проповедуйте, что Христос Воскрес из мертвых И разрушил рукописанье, Адовы на земле и на небесах Херувим и Серафими и прочих приподобных и радости всему миру и небесам, и всему роду человеческому и Христианскому тогда ты пошел с ног моих муки приме после дни и врача, а дова разрушил силу дьявола разогнал и самого сатану связали и рит имя пророки, Иисус Христос пришел на вольные страсти не только для Вас одних проводных только ты на небеса и сел о десную.

Тогда отца и сына и святого духа рече ей Господь наш Иисус Христос сын божий мати

моя возлюбленная пресвятая Богородица и присно дева Мария сон твой великий и виденье святое должно забыться и поэтому глаголя тебе, если который человек захочет сон твой Богородицы списать даже и грамоте не знает, то тому человеку не прислоняется никакой ложи нанасти и избавлен будет от злого человека или случится тому человеку быть в пути, или случится быть на торгах, то в море возвращающего будет с прибытком или придется человеку стать перед судьей или царем господином то от царя за правду жалован будет от господа на вину прощен будет к тому дому ни разбойник, ни злой человек не прикаснется, хозяину тому здоровье и скота умножение, или кто будет плавать на реках, но море то плаванье будет счастливое, еще кто пойдет и в брак, сон твой Богородицы иметь при себе, то тот человек не боится ни разбойников, ни колдунов, ни зверей лютых, ни борьбы, ни скорби, или случится женщинам родить младенца, то сон твой Богородицы

Кто этому письму верит имеет счастье.

Глаголешнего сие письмо написано Иисусом Христом, кто этому письму не верит или кроется не кажется людям, это письмо кто имеет должен давать переписывать людям.

Если бы вы имели грехов как песку в море или листьев на деревьях то все прощено будет, если кто имеет детей Г и кто носит сие письмо при себе то не может быть вредит от грому и огня и от воды не может поверить его не что ли кто женщине и у них родиться сие скоро будет счастлива и свято, кто чем усерднее молиться и кто этому верит святому духу во святую Троицу ко всем должностным оружье невидимое строит кто сие письмо при себе имеет, хоть будет и вор и разбойник этот человек невредим будет через показанья и смерть нашего спасителя должен стоять ватали.

Седьмой день оружием и оружие через приказание Ангела Михаила во имя отца и сына и святого духа, кто сие благословение при себе носит, тот на весь себе нашего и ис-

«Она слепо верила в колдовство и считала, что от него может уберечь чтение молитв, ношение креста, посещение церкви, верила во многие приметы, ношение булавок, вбивание гвоздя в косяк двери и т.д.».

положить в изголовье и страданье будет иметь легче и младенец не должен бужет от меня за твой Богородицы и должны за отрицанием моим Христос был поэтомулагаю чтобы каждый человек должен иметь при себе сей сон и читать каждую неделю своим служащим если кто имеет в доме или на дому и признаньем, то ангел Господен возмет душу его в небра Авраму Исаку и Якову во веки веков Аминь .

НЕБЕСНОЕ ПИСЬМО

Во имя отца и сына и святого духа небесное письмо было у одного графа слуга. Ему хотели голову отсечь как у графа, то он сказал почему не вредит тебе показал сие письмо следующим написано за В и В и за Г.Г.Г. теперь у графа сие письмо и дает миру пользу, хоть какая кровавая рана клади его на ее и кровь не пойдет, кто письмо при себе имеет, тот человек невредим будет ответ святого духа спасительных К.Г.Д.Г.Г.В. и сына и святого духа спасительных.

Пятером христовым спасительных было в мире сие письмо написано, был словарь в 17242 оно было писано рудотым серебряными буквами существует в ночное время над небесной, кто

Небесное письмо

это письмо написать хочет, то оно от него удаляется на 1414 то и новенным стану всех человеков должностных к тому водить дитя в церковь во имя вашего неб было наш зверь я приказываю вам 6 дней работать, а в субботу вечером праздним не работать во веки старый и молодой не работать во веки, все должны молиться Богу за свои грехи, чтобы Бог показал вам ныне нежели золотое и серебряное то так скоро могут помирать.

Освободить несправедливый Азин, что отца и мать своих принимаю напрасно.

полнится и удостоверши, что это правда, кто сие письмо при себе имеет, тот не будет взят в плен и невредим будет от негодяя, как ми-пиона я присекала всяких опасностей оружия всего мира вашего бога отца прясяга вашей крови, чтобы никакая пуля не попала в грудь будь она золотая или серебряная Бог в небе скончает меня всегда, во имя отца помирает страшной смертью, молитесь Богу на страшном суде, чтобы Бог показал вам ныне нежели золотое или серебряное дуть, чтобы имели один ответ ваших грехов, кто сие письмо имеет родит скоп и счастливо которое дано вам ангелом Михаилом Г.Г.Г.Г. Аминь .

ВОСКРЕСНАЯ МОЛИТВА

Да воскреснет Бог и расточается враз и его и да бежать от лица его ненавидящие его. Якое исчезает дым да исчезнут, яко тает воск от лица огня, такого погибнут бесы от лица любящие Бога и знаменующие крестным знамени и весели глаголицы. Радуйся пречистый и животворящий крест Господен прогоняй бесы с силою на тебя пронятого господа нашего Иисуса Христа в ад шедшего и поправшего силу.

Диволю и даровавшего нам тебе крест свой честный, нам прогнание свяского сопостава. О, пречистый и животворящий крест господень. Помогай нам со святою госпожею девою Богородицею и со всеми святыми во веки веков Аминь или огради меня Господи силою честного и животворящего твоего креста и сохрани меня о всякого зла .

1. Пятница на первой недели великого поста, кто сию пятницу постится, тот человек от напрасной смерти избавлен будет.

2. Пятница на страшной недели, кто сию пятницу постится тот человек от напрасного неприятеля охранен будет.

3. Пятница перед Благовещением кто сию пятницу постится тот человек перед смертью узрит пресвятую Богородицу.

4. Пятница перед Вознесением — ваднем Господнем, кто сию пятницу постится, тот человек от потопления сохранен.

5. Пятница перед Ивановым днем свято-го духа, кто сию пятницу постится, тот челове-к от огня и мяча сохранен будет.

6. Пятница перед Рождеством Иаан Предти, кто сию пятницу постится, тот челово-век от великой скудности сохранен будет.

7. Пятница перед Ильей пророком кто сию пятницу постится, тот человек от грома и молнии сохранен будет.

8. Пятница перед Успением пресвятой Богородицы, кто сию пятницу постится, тот человек от сумашествия и трясвицы со-хранен будет.

9. Пятница перед Михилом Архангелом, кто сию пятницу постится, тот человек от великого греха и напасти сохранен будет.

10. Пятница перед Гаврилом водним, кто сию пятницу постится, тот человек от огня и пламени сохранен будет.

11. Пятница перед Рождеством Христо-вым, кто сию пятницу постится у того человека имя написано у самого Господа в книгах.

12. Пятница перед Богоявлением, кто сию пятницу постится, тот перед смертью увидит господа бога аси Иисуса Христа. Кто сию пятницу будет иметь сношение с же-ной, то детице будет урод какой - нибудь.

СОН ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ

Возлюбленная пресвятая Богородица спала в святом граде Иерусалиме и что во сне видела и рече пресвятая Богородица, свя-той мой боже очи мои предвариша

Гортань не отрезается слава ему правда, видела сон великий страшный, ужасный якобы тебя Господа Иисуса Христа у жив-дов пойман, связан и приведен к потий-скому пилату на двор к кипарису, к кедре квоздями пригвоздиша руки и ноги к кре-сту и терновый венец возложен на голову твою пресвятую Аминь напоен и ударен по голове и оплеван и пресвятые ребра твои копьем проколоты, из ребер твоих святых идет кровь и вода на них целениях душам человеческим.

А Никодим и старец тело твое с креста сняли и благообразный Георгий плащеви-ций обмыв тебя чистой водой и в гроб но-вый положили и закрыли. А в Третий день воскес из мертвых Иисус Христос и разда-ровав руками писание всему миру даровя живом и рад ей Господь наш Иисус Христос Аминь.

Славлю тебе мать моя возлюбленная пресвятая Богородица Мария во исти-ну сон твой бог праведен и неложен. Кто сон твой Богородица в доме имеет и в чи-стоте держать будет к тому дому ни мечь, ни огонь, ни вор, ни разбойник, ни злой человек и нечистый дух не прикоснется. А еще кто куда пойдет сей сон держать станет, тому человеку в пути радость буд-дет. А еще кто сон твой при смерти помя-

нет или дает кому — нибудь прочитать, да сам внимательно прослушает тот человек избавлен будет от вечной муки и огня не угасимого, мои ангелы возьмут душу с ве-ликой честью понесут в царствие небес-ное и дают Аврааму, Исааку и Якову. Асенит будет у гроба господня в Иерусалиме от Римского царя Иудейского. А это слово от самого господа нашего Иисуса Христа при папе Римском осветиша и послал к брату своему королю против неприятеля. Сей лист имеет такую силу кто его читает или хочет слушать или списать тому человеку на всякий день отпущения грехов и милость божья. В том доме веселье и радость при-быток и всякому скоту приплод будет. А сей лист при рождении своем будет иметь при себе и родит от речи лихой буд-дет избавлен Господом от всякого зла дня и ночи, очистит всякую гадину. А сей лист в обряде в земле греческой перед образ-ом архистрата Михаила писан золотыми литерами. Тут вымолвил Иисус Христос приказываю Вам, об"являю люди мои ночь божественного моего дня святейшую суб-боту. А если вы повеления моего не будете исполнять, то я буду морить градом, ху-дым поветрием, восстанием царя на царя, отец на сына, друг на друга, и будет между всеми великое кровопролитие, всех Вас оскорблю пишу от вас отниму. Стану на-казывать Вас всякими скорбями, огнем, громом, еще спущу птиц всяких лютых, ко-торые будут клевать Вас, и будете вы кри-чать от их. И произойдет кровопролитие. Еще приказываю да бы в субботу вечером не работали для матери моей пресвятой Богородицы и ангелов хранителей Ваших. Не клянитесь ни богом, ни змею, ни какою клятвою бу вам там. Не я вас сотворил по образу своему.

Вы люди мои гнева моего не забывайте и друг друга любите, с нищими и убогими не ругайтесь, отца с матерью почитайте, матер-ными словами не ругайтесь! От матерного слова погибнете. Если вы слова мои исполняете, дам царствие небесное, отпущу Вам грехи, дам Вам покой вечный. Последний раз накзываю дабы сему кто верит mestу тот человек, если на том человеке было бы как на небе звезд или на дереву листу или в море песку, тому все грехи отпущены бу-дут, царствие небесное получит, слава во веки веков А м и нь .

Во святом городе Иудейском Бого-явление во святой церкви глас с небес не-видом к людям спадет камень мол тя-же л .

Никто не может знать и спадет тот камень З часу по полудни к патриарху в Ерусалимский собор молебственным пением творили по три утра и вечер. На четвертый день развился камень на два обретоши в нем свиток солеим богом на-писан золотыми литерами, тако глаголит Господь послушайте люди мои. Аз если бог вам пишу первое второтое писание вы не слушаете, небо и земля мимо идут, слова си же мои мимо не пройдут. Уже ская иная многие времена писал, что дни ваши скон-

чаются, страшный суд приходит и прислал господен наставлен судные книжные дела ваши явився Сам Бог ваш долготерпелив и много милостливый и буду судить живых и мертвых, воздам поделам Вашим безумным человеческим пожившие в любви и согласии между собою делайте прав-ду Воскресенье Христово и праздники господни почитайте того ради сотвори-ше Господь Адама и Еву на земле в тоже жидове ко кресту пригвоздиша в ребра копием пробитый за ваши беззаконие и в Воскресение Христово Воскрес из мертвых собою всех воскресия собою жи-вой вечный дарова же Воскресенье пода-бает всякому Православному Христинику почитать а еще который человек работать станет в воскресение хочет себе прибы-ток, но вместе погубит всю неделю. Да-ля вам 6 дней, а 7-й день святить добрыми делами и праздновать в любви и согласии друг с другом. Любите прославляйте имя мое, сирот и вдов не бережите за то и вы помилованы не будете безумно челове-цы. Человеческим смотрите на неверные силы языцы Закону вашего незнают и милости не творят и вы человеческим по моему закону не захотите делать Аз сим Бог ваш долготерпелив и многомилостлив не доконца прогневаюсь на вас окоянные жду вашего обращения от злых дел покаяние послал бы вас окоянных погубить до конца за без законие ваше да еще просит от Вас пресвя-тая Богородица Ангелы хранители погубят вас до конца если Вы не станете в среду и пятницу и праздники господни почитать правду делать не напущу на Вас окоянных скверные языцы и будет между вами ве-ликое кровопролитие всех вас оскорблем напущу мраду Велий глад трусы, огонь, воду кипящий м о р на человека и на скота еще не видимы и гнев сей спущу на Вас жажду не дам воды и осушу земли и реки леточники за злые дела ваши, за неправду не дам вам дождя ни солнца, ни тепла. Во время плодов зимних еще когда отверзу уста свои спущу на Вас зверей лютых гла-сов крылах главы у них львовьи, крылья орловьи.

Гласы женские будут на вас кричать и кусать вас злоповетрием морить спущу на вас тьму великую. Вы окаянны тогда покаетесь аси звери неподанный друг ругу, начнете рассказывать, гробы умершим своим рече отцам, матерям, братьям и се-страм умерших своим рече отцам, мате-рям, братьям, примите нас к себе уже мы не можем терпеть.

Примечания

¹ С 1996 г. — Карельский гос. пед. уни-верситет, с 2009 г. — Карельская гос. пед. академия, с 2013 г. — институт в со-ставе Петрозаводского гос. универси-тета. В связи с реорганизацией основ-ная часть музеиного фонда передана Петрозаводскому гос. университету.

Публикация В. П. Ершова
(канд. пед. наук, Петрозаводск)

Марина Владимировна Калашникова,
канд. филол. наук, Санкт-Петербургский гос. ун-т

КОГДА ПЕСНЯ ПЕРЕСТАЕТ БЫТЬ ПЕСНЕЙ: ЖАНРОВЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В АЛЬБОМАХ И ПЕСЕННИКАХ

Предлагаемая работа является приглашением к обсуждению довольно важной проблемы, связанной с определением жанровой принадлежности записанного текста. При исследовании рукописной традиции исследователь вынужден все время распределять рассматриваемые в составе сборника тексты по жанрам для их дальнейшего описания. Очевидно, что в ряде случаев эта процедура оказывается затруднительной именно потому, что тот или иной текст когда-то был записан не исследователем, а интенция составителя сборника не всегда может быть адекватно верифицирована. В данной работе мы постараемся показать, как и каким образом происходит «переход» песен в стихотворения на страницах рукописных сборников — альбомов и песенников второй половины XX в.

Вообще процесс создания рукописных сборников — от замысла до его реализации — плохо поддается анализу и в целом, как кажется, не очень хорошо изучен, особенно в отсутствие комментариев (устных или письменных) самого составителя. Представляется, что для создания таких сборников, как альбом или песенник, нужны примеры — аналогичные сборники, составленные или сверстниками, или представителями более старшего поколения: эти альбомы и песенники служат и источниками текстов, и шаблонами, а также являются если не предметом рефлексии, то тем, что читают в часы досуга. В городской традиции к XX в. формируется особое отношение к уже записанным в чей-то альбом текстам: переписывать отдельные тексты не запрещается, однако полное копирование чужого сборника является «дурным тоном».

Итак, переписывание — процесс избирательный: что-то переписывается в новый альбом, что-то оказывается неинтересным и не копируется. Однако то, что мы по привычке называем копированием, на самом деле в полном смысле этого слова копированием не является. По нашим материалам отчетливо видно, что при переписывании происходит изменение текста¹. Эти изменения не только касаются самого текста, но и отражаются на его жанровых характеристиках.

Следует также отметить, что сами по себе жанровые границы являются размытыми, а определение жанра текста как «песня» или «стихотворение» во многом становится результатом специфического волонтеризма составителя сборника. Кроме того, хотя бы примерно устанавливаются жанровые границы и жанровые определения часто не совпадают у исследователей и носителей традиции.

В такой ситуации исследователь вынужден балансировать между своим представлением о системе жанров и тем, как материал представлен составителем рукописного сборника. Рассматривая рукописный сборник, исследователь чаще всего вынужден опираться на визуальные маркеры жанра и свое знание конкретного материала.

Внешне в рукописном сборнике различие песни и стихотворения может выражаться в: 1) помещении текста в соответствующий раздел («Стихи», «Песни»); 2) указании жанра перед текстом («Стихи», «Песня»); 3) выделении припевов у песни (они сопровождаются словом «припев» и/или выделяются цветом); 4) наличии графически оформленного музыкального сопровождения (гитарные аккорды) у песни; 5) наличии фотографии исполнителя песни.

Эксперименты с участием студентов показывают, что при определении жанра записанного в чужой сборник текста читатель прежде всего ориентируется на собственное знание: если текст известен как песня, то для читателя это безусловно песня, а если это известное стихотворение, то стихотворение; в случае, если текст незнаком, читатель опирается прежде всего на визуальные маркеры жанра.

Рассмотрим конкретные примеры.

В альбоме Наталии А., 1972 г.р., составленном около 1988 г., обнаруживаем текст романса, варианты которого приведены в сборнике «Русский школьный фольклор» [3]. Как утверждает Наталия А., она переписала этот текст просто потому, что он ей понравился, она не знала, что это романсы, и никогда его не пела². В альбоме текст выглядит следующим образом³:

Флорида

З красавицы небес шли по городу Мадриду.
Донна Клара, донна Рес и красавица Флорида.
Вдруг в одной из площадей парень в них щем одеянье
Робко руку протянул девушкам на подоянье.
Донна Клара так щедра, подала 1 реалу,
Донна Рес ещё щедрей, подарила 2 реолы,
Но Флорида так бедна у неё нет не реолы
Вместо золота она паренька поцеловала
ла
Вдруг откуда не возьмись продавец цветов
душистых
Закричал: «Остановись!»
За букет алых роз парень отдал 3 реолы
И той девушке поднёс, что его поцеловала
Две красавицы с небес шли по городу
Мадриду.
Донна Клара, донна Рес, только не было Флориды
(Наталия, 1972 г.р., сост. не позднее 1988 г.).

В альбоме-источнике текст никак не маркировался как песня: ни выделенных куплетов, ни жанрового подзаголовка «Песня» — ничего, что могло бы говорить человеку, с текстом незнакомому, что перед ним именно песня. Но на самом деле в значительном количестве случаев переписчику неинтересно, что на самом деле представляет собой заинтересовавший его текст: в данном случае школьницу-подростка волнует романтический сюжет. Отметим среди прочего, что опубликованные варианты романса отличаются развязкой: в варианте 5 (А) Флорида бросилась с обрыва, а в варианте 5 (Б) Флорида бродит по городу «с печальными глазами» [3. С. 148, 149].

Рассматриваемые ниже тексты являются вариантами городского романса, более известного под названием «Фотография». Расхождения между вариантами довольно существенны, однако в данном случае интересно другое. Самый распространенный альбомный вариант содержит три пятистрочных куплета (первый может повторяться дважды):

«Фотография»
мы часто часто скорились
с тобой
я поздно ночью приходил
домой
беру я фотография
в глаза твои с тоской гляжу
хочу понять за что тебя люблю

в твоих глазах лишь только нет и нет
в твоих глазах улыбка лишь в ответ
в твоих глазах огонь и свет
там море есть там есть рассвет
но для меня там больше места
нет

пройдет быть может много
много лет
но в памяти останется на век
и будеш ты совсем другой
и станеш ты чужой женой
но в памяти останешься со мной
1 куплет: повтор
(Неизв., сост. не ранее 1988 г.,
получен в 1992 г.).

Следующие два текста обнаруживают существенные искажения в ритмической организации текста. Разбить оба текста на самостоятельные и ритмически законченные фрагменты (куплеты) не удается. В варианте без названия последний куплет содержит шесть строк вместо пяти. В тексте под заголовком «Надежда» не хватает двух строк второго куплета.

***

В твоих глазах улыбка
Лишь в ответ
В твоих глазах лишь
нет и только нет
Есть море там и есть
Рассвет
Есть солнце там закат (?)
Свет
Но места для тебя там
Нет
Пускай проходит много,
много лет
Ты в памяти моей
Оставишь след
Пусть будешь ты совсем
Иной
Пусть будешь ты чужой
Иной
Но в памяти моей
В(с)егда со мной
Я часто мучаюсь с
Собой
Хотел бы я чтоб ты
была со мной
хотел бы я в твой
Светлый час
Обнять тебя хотябы раз
сказать тебе, как неж-
но я люблю
Твой цвет волос
и глаз
(Неизв., сост. не позднее 1995 г.).

«Надежда»

Я знаю, ты меня совсем не
Знаешь
И письма как и мне
другому шлёшь
Я фотографию беру с собою
В глаза твои смотрю, хочу
Понять
За что тебя люблю я
В твоих глазах надежда и
Ответ
Есть море, силы и есть рассвет
Но только для меня в них
места нет
Опять твердят друзья совсех
Сторон
Что мол вокруг девчонок
Миллион
Но разве станет сердце
Лгать
Оно стучит, стучит опять
не хочет никому тебя отдать
Мы часто скорились с тобой
Когда я провожал тебя домой
Пусть станешь ты совсем
Иной
Пусть будешь ты чужой женой
Но вечно будешь в памяти
Со мной
(Андрей П., не ранее 1975 г.р.,
сост. не позднее 1992 г.).

Мы видим, что при записи текстов были допущены ошибки, препятствующие исполнению текста как полноценной песни: лишние или недостающие строки сбивают песенный ритм, поэтому знающий романс читатель будет удивлен и обескуражен, а незнающий, возможно, ничего не заметит, и при переписывании текст сохранит свою неполноту.

Довольно часто в альбомах встречаются фрагменты песен. Попадая в «тираж», такие отрывки становятся вполне самостоятельными альбомными стихотворениями:

Не отрекаются любя.
Ведь жизнь кончается не завтра...
Я перестану ждать тебя,
а ты придешь совсем внезапно.
Не отрекаются любя...
(Неизв., сост. не позднее 1995 г.)

Приведенный текст — начало песни А. Б. Пугачевой «Не отрекаются любя» (слова В. Тушновой, музыка А. Пугачевой). Подобным образом только фрагментом куплета в другом альбоме представлена песня «До свидания, Москва!» (слова Н. Добронравова, музыка А. Пахмутовой) (Алена И., 13 лет).

Необходимо отметить, что оригинальные песенные тексты приведенных выше фрагментов неактуальны для подростков: это эстрада прошлых лет. Таким образом, фрагмент некогда популярной, но ныне уже неизвестной песни превращается в альбомное стихотворение.

В современных альбомах и песенниках наблюдается и другая тенденция: приблизительно с 2000 г. переписчики популярных на то время песен ограничиваются только первым куплетом. В одной из типографских анкет рукой хозяйки в раздел «Любимые песни» вписано:

«Не оставляй меня, любимый.»

Я не знаю, что мне делать с этой бедой.
У меня на свете было все, да не то.
Где моя судьба — мне неведомо.
Пусть все будет, как суждено, но...
Я не знаю, что мне делать с этой бедой,
У нее небесный запах, цвет золотой.
Сердце по ночам богу молится,
Просит каждый раз об одном, но...
От Лидки!!!
(Мария П., 1991 г.р., сост. в 2002 г.).

Это первый куплет песни, исполняемой группой «ВИА ГРА» (автор слов и музыки К. Меладзе). Песня сокращена на два куплета. Причины такого обращения с текстом не связанны с недостатком места в альбоме, а, видимо, кроются в популярности песни: раз ее все знают, можно целиком и не писать. Близкий к нашему предмету феномен недопетой песни рассматривает О. Р. Николаев. Автор полагает, что причина, по которой во времена застольй «русские народные» песни, которые «все знают», никогда не допеваются до конца, кроется в их особом суггестивном механизме: «Каждый из подобных редуцированных текстов — не песня в ее цельности, а знак песни, но интонационная, эмоциональная, семантическая емкость этого знака такова, что он способен суггестивно представить песню как таковую» [1. С. 133]. Нечто похожее происходит и на альбомных страницах: либо читатель знает эту песню и возникает ситуация узнавания, либо нет — тогда читатель вполне может принять этот текст за альбомное стихотворение.

Встречаются также случаи «наращивания» текста. В сборнике «Стихи», принадлежащем Александре И., 1968 г.р., к известному тексту городского романса (правда, владелица сборника утверждала, что она переписывала только стихи) добавляется своеобразное резюме, поэтическая организация которого расходится с ритмическим строем основного текста.

В доме 8 на Тверском бульваре
Всем известно, даже детворе
Что из 108 квартир парень
Самый симпатичный во дворе...
Изредка приглашая чешку
Взмахами тревожа тишину
Самые красивые девчонки
Сообща грустили по нему
Не играл для них он на гитаре
И не рвал пионы на заре

|| Письменные источники и народная культура

Проходил и улыбался парень
Самый симпатичный во дворе
Изредка посматривал на Таню
Говорил он всем, кривя губу
— С Таней я дружить не стану
Лучше Тани я себе найду
Бродит он по свету одиноко
Все ему теперь не по душе
Понял он, что лучше Тани нету
Только Таня замужем уже
Снова клены на Тверском бульваре
Листья распускают по весне
Что же ты наделал с счастьем
Парень, самый симпатичный во дворе.
Влюблённые — всегда миров первопроходцы
А дети их — бессмертные острова
Так что же — в светлый путь
Ваш бриг не разобьется
Пока горит Любовь!
Пока она жива!⁴

Не исключено, что последние строчки в альбоме-источнике существовали как самостоятельный текст, не очень явно отде-

ленный от предыдущего, что и позволило переписчице рассматривать его как часть переписываемого текста. Слить последний фрагмент на мелодию основного текста невозможно. Обратим также внимание на то, что и содержание записанных друг за другом текстов совсем не тождественно, если не

||| Процесс создания рукописных сборников — от замысла до его реализации — плохо поддается анализу и в целом не очень хорошо изучен, особенно в отсутствие комментариев самого составителя.

противоречиво. Видимо, процесс переписывания текстов из одного альбома или песенника в другой не лишен некоторой механистичности, в противном случае не было бы таких ошибок (об этом свидетельствует тот факт, что один и тот же текст может встретиться в альбоме дважды).

Переход песен в стихотворения часто влечет за собой и изменение или корректировку исходного содержания. Например, довольно часто встречается в альбомах когда-то популярный романс на слова Ю. Жадовской. Правда, для современных владельцев альбомов и песенников это стихотворение (оригинальный текст романса, написанного в 1845 г., приведен в правом столбце):

Ты скоро меня позабудешь,
Но я не забуду тебя.
Ты в жизни полюбишь — разлюбишь,
Но я никогда — никогда.
Ты новые лица увидишь,
Новых людей изберешь.
Ты новые чувства узнаешь
И, может быть, счастье
Найдешь
[3. С. 312].

Ты новое чувство узнаешь
Другую сердечно любя
Ты скоро меня позабудешь,
Но я же тебя — никогда!
(Неизв.)

Ты скоро меня позабудешь,
Но я не забуду тебя;
Ты в жизни разлюбишь, полюбишь,
А я — никого, никогда!
Ты новые лица увидишь
И новых друзей изберешь —
Ты новые чувства узнаешь
И, может быть, счастье найдешь.
Я — тихо и грустно свершаю
Без радостей жизненный путь;
И как я люблю и страдаю —
Узнает могила одна
[2. С. 16–17].

Альбомный текст из первого столбца не сохранил последние четыре строки оригинала. Видимо, это связано с тем, что тема смерти нетипична для альбомных стихотворений; по нашему предположению в альбоме эту тему вполне исчерпывают «жестокие романсы». Кроме того, в усеченном «альбомном» виде произведение Ю. Жадовской по встречающимся в нем мотивам очень близко тем текстам, которые часто встречаются в качестве подписей на фото-

графиях. Лирическое «я» в альбомном стихотворении уступает место обращению «ты». Показателен и общий оптимистический тон образовавшегося текста: мотив надежды, вера в будущее счастье (пуская только для «него»), что также весьма характерно для альбомной традиции.

Приведем еще один текст, демонстрирующий, как переход текста из песни в стихотворение приводит к изменению исходного содержания:

«Они любили»
(Стих)
Они любили друг друга с детства,
Когда были ещё детьми
И часто, часто они мечтали
Что не забудут эти дни
Семнадцать лет прошло как в
сказке
Пошёл он в летчики служить
Она пошла в парашутисты
Родными стали в небесах.
Друзья узнали и написали
Ему письмо из далека
Они писали со злобной шуткой
Она не любит уже тебя
Ну чтож она не любит
Так и не надо, за что же я люблю её
И что мне стоит подняться в вы-

Соту

«Они любили»
Они любили друг друга с детства,
Когда были ещё детьми.
И часто, часто они мечтали
Что не забудут эти дни.
Семнадцать лет прошло как в сказке
Пошёл он в лётчиках служить
Она пошла в парашутисты
Родными стаями небесах.
Друзья узнали и написали
Ему письмо из далека.
Они писали со злобной шуткой
Она не любит уже тебя.
Ну чтож она не любит
Так и не надо за что же я люблю её
И что мне стоит подняться в высоте

2000 метров. Пропеллер жалобно
жужжал
Ну что же не любит, так и не надо
И на себя штурвалом нажал.
А в этот вечер мечтала — вернется
мой пилот,
а через день она узнала
Его разбился самолет.
КОНЕЦ
(Наталия А., 1972 г.р., сост. ок. 1988 г.)

2000 метров пропеллер жалобно
жужжал
Ну, чуже не любит так и не надо
И на себя штурмомом нажал.
А в этот вечер мечтала вернётся
Мой пилот, а через день она узна-
Ла его разбился самолёт
(Мария М., 1966 г.р., сост. в 1980 г.)

Второй текст из альбома Марии М. является источником для текста из альбома Наталии А. (это было установлено в ходе беседы с самой Наталией А.). При переписывании в текст были внесены корректизы: изменена разбивка на строки, в ряде мест не совпадают орфография и пунктуация.

Обнаруженные нами в двух альбомах тексты — это варианты неоднократно публиковавшегося городского романса. Для сравнения приведем опубликованный песенный вариант:

Они дружили друг с другом с детства,
Когда были еще детьми.
И часто-часто они клялись,
Что не забудут о любви. (2 раза).

Семнадцать лет мальчишке стало,
В пилоты он служить пошел.
В машине звездной поднялся в небо
И счастье там свое нашел. (2 раза).

Прошло три года, а может, больше,
И двадцать минуло ему.
Он часто, часто писал девчонке:
«Приеду — крепко обниму». (2 раза)

Друзья узнали и написали:
«Она не любит уж тебя».
Они написали с огромной злобой:
«Она другому отдана».

«Ну что ж, не любит — так и не надо,
Ведь я ее как жизнь люблю.
Еще мальчишкой любил девчонку,
Теперь еще сильней люблю». (2 раза)

На высоте трех тысяч метров
Пропеллер весело жужжал.
«Ну что ж, не любит, так и не надо».
И на рычаг рукой нажал. (2 раза)

Машина с визгом вонзилась в землю,
Пропеллер глухо застонал.
Красивый летчик с разбитой грудью
Губами бледными шептал:

«Ну что ж, не любит, так и не надо,
Ведь я ее как жизнь люблю.
Еще мальчишкой любил девчонку,
Теперь еще сильней люблю». (2 раза)

Тут все узнали, похоронили,
Пропеллер стал его крестом
И часто, часто на той могиле
Девчонка плакала о нем. (2 раза)

А рано утром у тихой речки
С обрыва бросилась она.

И так погибли два человека,
Ни в чем не виноватые, друзья.
И так погибли два человека,
И не вернешь их никогда
[З. С. 170–172].

Несмотря на все расхождения, песенные тексты в каждом из вариантов заканчиваются самоубийством героини, тогда как тексты из альбомов, ставшие фактически стихотворениями, такого финала не имеют: все заканчивается известием о гибели героя. По-видимому, как мы уже отмечали, это связано с тем, что тема смерти как бы избегается альбомными стихотворениями, внимание переключается на предательство друзей, в результате которого гибнет любовь.

Таким образом, превращение песен в стихотворения на страницах рукописных сборников — явление частотное, обусловленное самим процессом записи, т.е. переходом текста из устного бытования в письменное.

По собственному опыту преподавания русского языка в школе знаю, что так называемое контрольное списывание оказывается довольно серьезным испытанием: далеко не все школьники в состоянии переписать текст без ошибок.

Важно отметить следующее: характер трансформации ряда рассмотренных выше текстов обусловлен именно тем, что они переписываются, причем с искажениями: теряются отдельные слова и целые строки, наоборот — к тексту «приклеиваются» чужие ему фрагменты, песенный текст теряет разбивку на куплеты и т.д. Указанные трансформации отличаются от привычных нам изменений текста в процессе устного бытования.

Примечания

¹ Представляется, что люди в большинстве своем вообще не очень внимательно относятся к сохранению принципов организации оригинального текста при копировании. По собственному опыту преподавания русского языка в школе знаю (думаю, меня поддержат школьные учителя русского языка), что так называемое контрольное списывание — специальный вид письменной работы в 4–6-х классах — оказывается довольно серьезным испытанием: далеко не все школьники в состоянии переписать текст без ошибок, а тем более соблюсти все формальности, например деление стихотворного текста на строки определенным образом и т.п.

² Интервью с владельцами альбомов и других рукописных сборников были собраны в 2000–2005 гг.

³ Все тексты приведены в авторской орфографии и пунктуации. Разбивка на строки сделана в соответствии с оригиналом.

⁴ См. варианты: [З. С. 179].

Литература

1. Николаев О. Р. Почему мы не поем «русские народные» песни до конца? (О некоторых механизмах трансляции русской песенной традиции) // Русский текст: рос.-амер. журнал по русской филологии. № 5. СПб., 1997. С. 124–140.
2. Песни русских поэтов: В 2 т. Л., 1988. Т. 2.
3. Русский школьный фольклор. От «вызывающих» Пиковой Дамы до семейных рассказов / Сост. А. Ф. Белоусов. М., 1998.

Александр Борисович Островский,
доктор ист. наук, Российский этнографический музей (Санкт-Петербург)
Анна Владимировна Ратникова,
Российский этнографический музей (Санкт-Петербург)

«ЗВОНКАЯ МОНЕТА: МОНЕТЫ В ТРАДИЦИОННЫХ КУЛЬТУРАХ ЕВРАЗИИ»

«**З**вонкая монета» — так, согласно В. И. Далю, говорили в России о настоящих деньгах, серебряных монетах, сочетающих в себе государственный денежный знак и самостоятельную ценность благородного металла; именно монеты презентировали верховную власть и предоставляемые ею гарантии. Выставка, проходившая в Российском этнографическом музее в ноябре 2014 — марте 2015 г., была посвящена особой роли металлических денег в предметном мире традиционной культуры.

Выпуск монет, как правило, был государственной монополией. Они чеканились из определенного металла или сплава, имели строго установленные вес и геометрическую форму, на них наносили необходимые изображения: государственно значимую символику (изображение герба и/или императора либо иного верховного правителя, национального героя, святого покровителя); достоинство — «номинал»; композиции из этих изображений, надписей и прочих знаков на аверсе и реверсе.

У каждой монеты имеются **метонимические** свойства, обусловленные присутствием благородного (или цветного) металла и правом на участие в обмене, и свойства **метафорические**, связанные с символическим значением данного металла, геометрической формы, надписей и изображений в культуре того или иного народа.

Эти свойства сочетаются с **эстетикой монеты** при ее включении в конкретные контексты традиционных культур — в декор предметов вооружения, костюма, его аксессуаров, в культивированную атрибутику и предметы-обереги. Множество монет различного размера и правильной формы создавали разнообразные композиции в декоре костюма, производили легкий звон при движении. Металлические деньги в качестве элемента декора оказались в середине XIX в. настолько востребованы, что на фабриках России, Германии и ряда других европейских стран начали производить декоративные имитации монет.

Вторичное использование монет, не связанное с денежным обращением, — тема, в последние несколько лет разрабатываемая музеями Санкт-Петербурга: сотрудники Государственного Эрмитажа изучают монеты в произведени-

ях профессионального декоративно-прикладного искусства, Музея истории религии — ситуации включения монет в композицию православных культовых предметов, Музея музыкальных инструментов — денежные знаки как основу для изображения музыкальных инструментов.

Авторским коллективом РЭМ в 2013–2014 гг. разработан концептуальный подход к изучению междисциплинарной нумизматико-этнографической темы — «Монеты в контекстах традиционных культур».

В традиционной культуре монеты издавна обладали своеобразной информативной функцией — у многих народов они символизировали надежду, благосостояние, пожелание плодовитости. Монеты закладывали под фундамент строящегося дома, их жертвовали святому месту, оставляли у целительного источника, клади в могилу. В качестве благопожелания их помещали в сундук с приданым невесты, в ритуальный хлеб¹.

У казаков, украинцев, татар, у многих народов Поволжья, Кавказа, Сибири монеты — одна, несколько или множество — входили в состав праздничного женского костюма. Особенно популярны были монеты в свадебном убранстве невесты — из них делали серьги, браслеты, их включали в головные уборы, ожерелья и другие типы украшений. У народов Поволжья ряды из монет, закрепленных подобно чешуе, закрывали грудь невесты, создавая слой символической защиты.

У народов России разнообразные

различные части костюма, входили в композицию съемных украшений. В собрании РЭМ насчитывается более полутора тысяч подобных экспонатов. Наиболее представительные из них были включены в экспонату выставки.

Из вышеназванных свойств монет метонимические присущи им изначально, эстетические в большей степени проявляются и усиливаются при включении монет в костюм и аксессуары. Метафорические свойства, понятные носителям традиционной ментальности, становятся доступны пониманию исследователей только благодаря анализу роли монет в верованиях и обрядах и в составе женского костюма — при рассмотрении того, в какой части одежды и каким образом нашиты, с чем сочетаются монеты, на какую часть тела они помещены.

Части костюма и украшения, в композицию которых включены монеты, обладают определенным набором знаковых функций. Несомненно, подобные включения подчинены общим закономерностям семиотики костюма, впервые описанной П. Г. Богатыревым² и позднее прослеженным Н. М. Калашниковой³ в одежде разных народов России. Обретение либо усиление социальных, магико-символических свойств костюма и съемных украшений впервые рассмотрено петербургским исследователем-нумизматом И. Г. Спасским в связи с изучением украинских дукачей⁴.

Присутствие монет может иметь **социальную семантику**:

- маркировать государственную и (или) конфессиональную принадлежность;
- демонстрировать богатство (при обилии в декоре костюма крупных серебряных монет), высокое имущественное положение семьи;
- обозначать принадлежность к престижной социальной группе;
- указывать, в единстве с украшением определенного типа, на принадлеж-

Части костюма и украшения, в композицию которых включены монеты, обладают определенным набором знаковых функций.

монеты — русские (от допетровской эпохи и вплоть до советского времени), из Австро-Венгрии, немецкие, турецкие, арабские, китайские, украшавшие порознь или в комплексе женский свадебный костюм, символизировали достоинство невесты и ее семьи, законность и престижность заключаемого брака, прочность семейных уз и одновременно служили оберегом.

Самая востребованная сфера использования монет в традиционной культуре — женские костюмные комплексы. Монеты нашивались на

ность к определенной половозрастной группе (девушки, молодые женщины).

Также монеты могут привносить или усиливать **магическую семантику**:

- служат оберегом благодаря присутствию металла (серебра), его блеску и звуку при движении, изображениям царственных особ и святых (в особенности св. Георгия), гербового орла, иногда благодаря надписям; наконец, что не менее важно, по причине размещения монет на лбу или у висков, на затылке, по воротнику, по краям бортов, обшлагам рукавов, по боковым швам

и подолу или же по причине создания покрытия из рядов монет на груди (в женской праздничной одежде у народов Поволжья, Балкан);

- выражают пожелание богатства и плодовитости — при их обилии в костюме молодых замужних женщин;

- свидетельствуют о законности заключаемого брака и служат пожеланием его прочности — благодаря закреплению множества монет аверсом вверх (с изображением профиля царственной особы).

Метонимические свойства монет усиливают главным образом социальные семиотические качества костюма и украшений, а метафорические — магико-символические. Среди последних особенно разнообразны способы наделения монет свойством оберега. Уместно привести слова К. Леви-Строса об историко-культурной значимости украшений в оформлении облика: «Украшения ранних этапов культуры <...> имели как магическое, так и декоративное значение <...> с помощью своих украшений первобытный человек становится социальным существом»⁵.

Довольно часто в декоре костюма монеты соседствуют с раковинами каури, особенно у народов Поволжья и Сибири. Известно, что у этих и у других народов мира каури еще несколько столетий назад могли выполнять функцию денег⁶. Наряду с этим и раковина каури, и монета благодаря своей форме ассоциируются в традиционной культуре с женским началом. Интуитивно-художественное сочетание монет и каури семиотически акцентирует ценность женщины и усиливает ее магическую защиту.

Монеты, включавшиеся в состав украшений, подбирались вне зависимости от их государственного происхождения, времени выпуска. Учитывались главным образом материал, размер и изображения на аверсе, реверсе. Эстетическая значимость монет обусловливалась также и способом их включения в декоративную композицию: при сплошном покрытии основы (когда монеты плотно закреплены в ряд либо внахлест) — части костюма или аксессуара — создается образ защитного пояса либо кольчуги; при подвешивании по периметру или вдоль нижнего края одежды (украшения) возникает подобие бахромы; при изготовлении ожерелья из монет, с подбором их по размеру и помещением более крупной в центр — идея завершенности; при использовании в композиции множества монет или же помещении подвески в оправу — усиление, мультиплекция образа выхода, круга.

В разработке и затем при отборе и интерпретации экспонатов выставки авторский коллектив опирался на ме-

тодику последовательно сужающихся контекстов: функционирование металлических денег в истории региона → использование монет в обрядах различных этносов данного региона → включение монет в предметный мир этнической культуры (костюм и его аксессуары, предметы вооружения, автономные амулеты и др.) → семиотический статус экспонируемых предметов в культуре → место и роль монет в композиции предмета → свойства, появившиеся у конкретного предмета либо усиленные благодаря присутствию монет в его составе.

Изучая метафорические свойства монет, исследователи стремятся выяснить их семиотический статус в культуре конкретного народа.

Основная задача выставки — на материалах РЭМ раскрыть способы использования и значимость монет в традиционных культурах народов Евразии. Созданию выставки на протяжении нескольких лет предшествовала исследовательская работа большого коллектива — выставочной бригады сотрудников музея. В фондах музея были выявлены сотни экспонатов, содержащих монеты разных стран и времен, а также их заместители — декоративные, счетные и игровые жетоны и имитации монет. После этнографического музееведческого изучения, дополнительной атрибуции этих памятников были сформулированы основные положения, которые следовало раскрыть в рамках того или иного историко-культурного региона и конкретной культуры, используя экспозиционные средства:

- типичность (частота либо редкость) использования монет, жетонов и имитаций;
- в состав какого рода предметов традиционной культуры они включены;
- на каких местах конкретных предметов и с какой количественной характеристикой (одна, несколько, множество) присутствуют монеты;
- каким способом они закреплены (через пробитое в монете отверстие, или через припаянное ушко, или посредством оправы; аверсом/реверсом наружу; монеты закреплены внахлест/встык);
- нумизматическая география и датировка, достоинство монеты и надпись на ней (почти все монеты зарубежного происхождения и некоторые российские атрибутированы сотрудниками отдела нумизматики Государственного Эрмитажа);
- роль монет либо их заместителей в обеспечении совокупности свойств данного предмета (социально-знаковая, символическая-метафорическая, обережная, декоративная).

Такая предварительная исследовательская проработка — этнографическая, нумизматическая и семиотическая — продиктовала и структуру выставки, в которой изначально предполагалось сосуществование двух параллельных уровней: «этнографического» и «нумизматического». Нумизматический уровень решено было представить в тщательно подготовленной интерактивной справочной программе и этикетаже, в котором были описаны характеристики каждой монеты по отдельности и групп монет в составе экспонатов.

Этнографический уровень был развернут в четырех основных разделах с условными названиями «Женский мир», «Мужской мир», «Дети» и «Мир обрядовый».

Первый раздел, связанный с использованием монет в традиционной женской одежде и украшениях, оказался самым представительным как по объему материала, так и по разнообразию его семиотических и аттрактивных свойств. Экспонаты были сгруппированы по региональному принципу в шести крупных объемных витринах, расположенных по периметру зала, и в находящихся неподалеку от каждой из них небольшого размера круглых (вертикальных и горизонтальных) витринах, уподобленных монете:

- славяне Восточной и Юго-Восточной Европы;
- народы Поволжья и Приуралья;
- народы Прибалтики;
- народы Сибири и Дальнего Востока;
- народы Средней Азии и Казахстана;
- народы Кавказа.

В каждой большой витрине были созданы экспозиционные комплексы, представляющие в общей сложности девять женских и девичьих костюмов с украшениями из монет (нашитыми на одежду и съемными). Еще шесть костюмов, расположенных по кругу, были размещены в центральной круглой витрине. В этих нарядах наиболее явно проявилась эстетическая функция монеты и способы сочетания монет — между собой и с другими материалами: раковинами каури, кораллами, перламутром, стеклянными бусинами и др. Также были продемонстрированы способы ношения таких украшений. (см. 4-ю обложку).

В крупных витринах рядом с манекенами располагались экспозиционные ряды из отдельных предметов, закрепленных на торцевой стене витрины и ее стеклянных стенках, а так-

|| Выставка

же на находящихся внутри прозрачных узких панелях из оргстекла, что усиливало впечатление трехмерности как самой витрины, так и пространства выставочного зала. Такое размещение материала позволяло хорошо рассмотреть монеты на экспонатах с обеих сторон, были видны и аверсы и реверсы.

Экспозиционные ряды, составленные внутри витрины по народам и группам народов, в целом позволили наглядно представить картину бытования того или иного вида женских украшений с монетами на территории Евразии. Так, например, у русских (в основном у казачьего населения) монеты и их имитации использовались в отделке налобных, височных и затылочных частей головных уборов. У народов Поволжья и Приуралья были распространены сплошь защищенные внахлест женские и девичьи головные уборы, фибулы, перевязи и др.; на Кавказе (Южный Дагестан, Северный Азербайджан) огромное количество монет, закрепленных встык, украшало женские пояса. В Сибири китайские монеты (с имеющимся в них отверстием в центре) дополняли декор женских сумочек, футляров для трубок и другие аксессуары.

В некоторых плоских круглых витринах материал был размещен по систематическому принципу. Так, украинские *дукачи* были сгруппированы в соответствии с ареалом их бытования, что служило выявлению их стилистических особенностей, а в прибалтийской витрине подвески из «монет со спицами» (в основном монеты западноевропейского происхождения) были расположены в соот-

ветствии с датировкой монет, от XVI до XX в.

«Мужской мир» оказался небогат на предметы с монетами, на него хватило одной витрины. В ней помещались несколько трутниц с китайскими монетами (нивхи, айны, ульчи), шпильки, украшающие мужские головные уборы (русины), армянский бубен с монетами. Уникально использование заместителей монет в композиции курдского щита *мортал* конца XIX в., сплошь покрытого украшениями, обладавшими одновременно и конструктивной функцией: шайбы под заклепки были сделаны из латунных счетных нюрибергских жетонов, блеск которых, подобный блеску зо-

строй выставки был подсказан формой и цветовым тоном серебряной монеты, поэтому и появились, напоминая о движении на обширных пространствах Евразии, вертикальные и горизонтальные круглые витрины, а на полу — огромного размера темно-серые круги из ковролина, своим расположением как бы выстраивающие маршрут по выставке. Стены были задрапированы тканью разных оттенков серого цвета, на которой, изготовленные фотоспособом, размещались краткие тексты о роли монет в культуре конкретного региона, а также увеличенные до размера человеческого роста фотографии женщин из музеиного архива в праздничных

|| Основная задача выставки — на материалах РЭМ раскрыть способы использования и значимость монет в традиционных культурах народов Евразии.

лота и солнца, был угоден духу победы. Аналогично были использованы серебряные монеты в качестве шайб-прокладок в дизайне рукояти *кваддара* начала XX в. с территории Ирана.

У детей монеты функционировали не столько как украшения, сколько как обереги. Их нашивали на одежду (представлен кафтанчик кубачинского мальчика), головные уборы (шапочки туркменские, киргизская, удмуртская). Их также использовали в композиции игрушек, показаны хакасская кукла, корейская погремушка, уйгурская игрушка для подбрасывания.

В витрине, демонстрирующей использование монет в обрядовой культуре, были выставлены закладная серебряная монета, найденная при разборке дома XVIII в. (русские, Пермская губерния), скопческий кошелек с хранимыми в нем монетами времени правления Петра III и Елизаветы I (среди скопцов монеты с изображением этих царственных особ почитались, поскольку, согласно их легендам, основатель скопчества К.И. Селиванов и Петр III — одно и то же лицо, а Елизавету Петровну они считали его духовной матерью). Разнообразие евразийских ритуальных контекстов, в которых фигурировали монеты, представляли удмуртская прялка с медными монетами, подаренная девушке-невесте ее подругами, головной убор шамана (тувинцы), бубен шамана (адыгейцы), узбекские, таджикские, киргизские, аварские амулеты, уникальная ритуальная чаша для пива *гамистевис таси* из святилища, с крестами и подвесками из монет (грузины-хевсурьи).

Архитектурно-художественное решение выставки было разработано и воплощено художником-экспозиционером Б. А. Робенко. Образный

традиционных костюмах с украшениями, включающими монеты. Женские портреты были дополнены крупными фотоснимками редких монет (тоже из фондов музея), различных по своему происхождению и обладающих несомненной историко-культурной ценностью и декоративной привлекательностью.

Визуальной доминантой выставки служил расположенный в центре зала условный «хоровод» из представительниц разных национальностей в праздничных костюмах вокруг возвышавшегося в центре вертикального столба, на котором размещались нагрудники — одно из наиболее распространенных и важных женских украшений с монетами. Особую атмосферу выставки создавал мягкий, приглушенный свет в зале и мелодичный тихий звон монет, то исчезающий, то появляющийся откуда-то вновь.

Авторский коллектив выставки:

Л. С. Гущян, В. А. Дмитриев, М. Л. Засецкая, О. Н. Калинина, О. В. Карпова, Е. В. Колчина, Л. М. Лойко, А. А. Михайлова, Е. И. Нератова, А. Б. Островский (научный руководитель), Л. Ф. Попова, А. В. Ратникова (автор идеи, куратор), С. В. Романова, Л. А. Сластникова, О. В. Старостина, М. В. Федорова, В. Г. Холодная.

Примечания

¹ Богданов К. А. Деньги в фольклоре. СПб, 1995. С. 52, 54; Потин В. М. Монеты. Клады. Коллекции. СПб., 1993. С. 200.

² Богатырев П. Г. Вопросы теории народного искусства. М., 1971.

³ Калашникова Н. М. Народный костюм (семиотические функции). М., 2002.

⁴ Спасский І. Г. Дукати і дукачі України. Київ, 1970.

⁵ Lévi-Strauss C. Lebensspender Schmuck// Ornamenta. Pforzheim, 1985. S. 5.

⁶ Долголенко М. Раковинные деньги и вампум // Ювелирное искусство и материальная культура. СПб., 2002. С. 76–82.

Витрина «Дети»: кафтанчик мальчика, кубачинцы

ТРАДИЦИИ ПРАВОСЛАВНЫХ И МУСУЛЬМАН НА ПОГРАНИЧЬЕ СЕРБИИ, ЧЕРНОГОРИИ И БОСНИИ

В сентябре 2014 г. состоялась этнолингвистическая экспедиция в юго-западную Сербию на пограничье трех республик: Сербии, Черногории и Боснии, а именно в села общин Приеполе и Прибой¹. Обследование проводилось в рамках международного проекта сербских ученых «Мультидисциплинарные исторические исследования Полимья», т.е. я подключилась к научным изысканиям, которые велись в течение последних 10 лет на территории бассейна крупнейшей в юго-западной Сербии реки Лим. До сих пор этнолингвисты в полевых исследований по данному проекту не участвовали.

Полимье — регион в Старой Сербии, другими словами, это Рашка, или «сердце средневековой Сербии», как называют эту область ученые². Рядом с Приеполем находится известнейший монастырь Милешева, где в церкви Вознесения Христова сохраняются фрески XIII в., среди них — знаменитый «белый ангел»: архангел Михаил, указывающий женам-мироносицам на пустую гробницу Христа. Сразу отметим, что у сербов этого края до сих пор живы рассказы о чудесном явлении св. Саввы с посохом: считалось, что на этом месте бьет источник, который св. Савва открыл ударом своего посоха. Такие нарративы бытуют восточнее Приеполя, в частности, один из рассказов был записан в селе Бьелобабе.

Цели моей этнолингвистической экспедиции заключались в обследовании не только сербской православной традиции, но и мусульманской. С учетом того, что это край больших переселений, я имела возможность поговорить и с коренными православными сербами на этой территории, и с православными переселенцами из Герцеговины. Православные сербы в исследуемом ареале скромно отвечают на вопросы, связанные с народной мифологией, но при этом заинтересованно рассказывают о деталях народного календаря, особенно касающихся празднования Рождества, которое у сербов характеризуется сохранением множества архаических особенностей (сжигание полена *бадњак*, выпекание хлеба *чесница*, ритуал первого посещения «полазника» на Рождество, гадания и т.д.). Вопросы о похоронно-поминальной обрядности также находили живой отклик у жителей, а некоторые особенности (например, накидывание поперек гроба красной нити — берега — во время следования похоронной процесии к клад-

бищу и т.п.) оказались значимыми для выявления дохристианских народных представлений.

Интервью на сербско-черногорском пограничье в селах Горне Бабине, Врбово, Ожаль указывали на герцеговинские черты в народном календаре носителей традиции. Прежде всего, бросалось в глаза употребление терминов, связанных с *vesel-, и семантической пары к нему — *rad- в течение рождественских праздников³. Так, все три части принесенного в дом разрубленного полена здесь называют не *бадњаци*, а *весељаци*; в Сочельник выпекается специальный обрядовый хлеб *веселица* (помимо хлеба *чесница*); «полазника» (человека, приходящего первым на Рождество и выполняющего ритуалы у очага в доме) в этих селах называют только *Радован*. Отметим, что на востоке от Приеполя (в с. Бьелобабе) таких рождественских наименований я уже не встретила. Сербские православные традиции на сербско-черногорском пограничье, т.е. на западе от Приеполя, и на востоке в этом плане различаются.

Во время экспедиции были обследованы традиции мусульман, проживающих вблизи г. Приеполе: близлежащие села Качево и Хисарджик; затем села мусульман в общине Прибой (Калафати, Слатина). В смешанном сербско-мусульманском селе Слатина, куда нужно было ехать, пересекая сербско-боснийскую границу, удалось взять интервью у мусульман, оказавшихся в непосредственной близости от сербско-боснийской границы, практически в так

юго-восточнее Приеполя в направлении Съеницы (часть из них составляют даже квартал г. Приеполе) в Качево и Хисарджике — их характеризует «средняя» включенность в окружающую традицию. Можно говорить о своего рода анклавах мусульман в окрестностях Приеполя и в самом городе. Во-вторых, мусульмане родом из Черногории⁴, которые отличаются максимальной включенностью в окружающую православную традицию. У них проводятся праздники села («теферичи») в дни православных праздников (в день св. Юрия, день св. Петра и на Успение Богородицы); используются те же магические средства защиты от града и засухи, что и у сербов этого края, и т.д. В данном случае, учитывая сохранение многочисленных архаических верований, можно говорить даже не о двоеверии, а о троеверии мусульман, которые родом из Черногории. Вместе с тем долгая беседа с мусульманкой, уроженкой села Калафати вблизи г. Прибой, также показала великолепное знание ею архаических особенностей южнославянской традиции в целом. В-третьих, ценными стали беседы с мусульманами общин Прибой на границе с Республикой Сербской, там, где их меньшинство, в сербском селе Слатина; они обнаруживают хорошее знание православной традиции, для них особенно важно соблюдение законов исламского вероучения, но их также характеризует определенная включенность в окружающую их традицию, т.е. великолепное знание православных праздников и обрядов в селе, традиции посещения друг друга в дни праздников, а также понимание противопоставления «свой—чужой» (они находятся рядом с Боснией), что не свойственно черногорским мусульманам.

Все эти наблюдения позволяют сравнить исследованные в юго-западной Сербии традиции с мусульманскими (бошняцкими) в самой Боснии, которые

||| Общими для православных и черногорских мусульман оказались окказиональные ритуалы, связанные с магией отгона градоносных туч и призыванием дождя во время сильной засухи.

называемом территориальном «кармане». Кроме того, обширное интервью состоялось с мусульманами — переселенцами из Черногории (с супругами из сел Болянич и Косаница), в настоящее время проживающими в городке Прибой. В результате долгих бесед с информантами сложилось довольно полное представление о мусульманских традициях этого края.

На мой взгляд, существует как минимум три группы мусульман в приепольско-прибойском регионе, по-разному относящихся к окружающей их православной традиции. Во-первых, это мусульмане, проживающие

изучались нами по той же самой этнолингвистической программе⁵ в 2011–2012 гг.⁶ Боснийские традиции характеризует наибольшая замкнутость. Но это можно понять только при сопоставлении их с мусульманами Сербии и Черногории, поскольку в ходе работ в самой Боснии складывалось впечатление о достаточной открытости данной культуры по отношению к соседствующим традициям Южной Славии⁷, не говоря уже о благожелательной реакции на вопросы иностранных ученых.

В приепольско-прибойском регионе, как и во время этнолингвистической экспедиции в Боснии, обнаруживались

II Экспедиции

яркие общие черты южнославянской традиции. Выяснилось, что традицию здешних мусульман характеризует большое число архаизмов в языке и культурных диалектах. Вероятно, под турецким натиском на протяжении многих веков возникало стремление сохранить свой язык и народную культуру, не связанную непосредственно с православием, т.е. богатство представлений в сфере народной мифологии (заговоры, былички о «вилах» и местах их обитания вблизи села, превентивную «погодную» магию и многое другое).

Черногорские мусульмане — это семья, проживающая в городке Прибое в Сербии на границе с Боснией и Черногорией. Они часто наведываются в родные места, горное поселение Косаница, где у них сохранился старый дом и некоторые хозяйствственные строения; разумеется, они помнят различные детали далекого прошлого, поскольку их жизнь разделилась на две части — деревенскую (тогда) и городскую (сейчас). Супруга хозяина Насва Криешторац родом из Боляничей, которые находятся еще ближе к Сербии, она тоже черногорская мусульманка. Кадрия Криешторац — глава семьи, очень трепетно относящийся к своему родному селу Битини (часть Косаницы), о котором он даже издал небольшую краеведческую книжечку (с общим описанием села, его краткой истории, сельскохозяйственных занятий жителей)⁸. Их взрослая дочь, мусульманка Энвера Даутович, работает в Музее Приеполя, где мы с ней познакомились в самом начале экспедиции.

В семье в Прибое моего приезда ждали, и глава семьи Кадрия специально готовился к встрече. В результате подготовки появились его письменные заметки, сделанные на листе из блокнота. По моей просьбе этот исписанный с двух сторон потрепанный листок перекочевал в архив экспедиции. Сразу обращает на себя внимание то, что все тексты написаны кириллицей. В то же время книга автора, опубликованная в Прибое в 2013 г., напечатана латиницей. В данном случае скорее актуальны традиции сербскохорватского языка, когда латиницу или кириллицу каждый выбирал сам по своему желанию или в зависимости от каких-либо иных экстралингвистических факторов. Рассказы на листке на разные темы разделены и снабжены заголовками. Любопытно, что первым повествованием как самым интересным для данной традиции стал рассказ «Мельница» (*Млин*), в котором описываются магические функции мельницы, притягивающей «дьяволов». Затем, конечно же, следовало, по мнению Кадрии, поговорить со мной о самом интересном и уникальном — о моменте на свадьбе, когда невеста, по обычаю, прово-

дила первую ночь с кем-либо из близких родственников жениха (*Женидба*), и напоследок — об очень значимом и для православных, и для мусульман Черногории празднике народного календаря — о дне св. Петра (*Петровдан*).

МЕЛЬНИЦА

Старые люди рассказывали, что в мельницах, особенно в тех, которые находились в заброшенных местах — далеко от села, случалось что угодно (*свашта*): к мельнику, который бы остался на ночь на мельнице, как только он уснет, приходили некие привидения (*привиди*) — будто бы⁹ дьяволы (*ђаволи*), и на мельнице готовили богатый ужин. Когда уже готовы были сесть за стол, одни из них предлагали разбудить мельника, чтобы он ужинал с ними, тогда как другие дьяволы были против по той причине, что он скажет ТО САМОЕ (*ОНО*)¹⁰ — т.е. «Помоги, Боже!» (*Боже помози*) — что означало по-исламски «Бисмиллах»¹¹, а в этом случае они должны были разбежаться, дьяволы.

Но поскольку мельник не спал, а от страха не смел им показаться, то этот их разговор напомнил ему, что нужно сказать — «Помоги, Боже!», и, когда он это сказал, дьяволы с большой скоростью разбежались, а весь ужин, котел и остальная посуда осталась мельнику. Так мельники, которые были храбрыми, это и делали.

ЖЕНИТЬБА

В некоторых краях Черногории по Санджаку до недавних пор был обычай, что во время женитьбы молодая первую ночь (*право вече*) спит с деверем или близким родственником молодого, если у него нет братьев.

Случалось так, что если в родном месте невесты не было этого обычая, то молодая о нем и не знала, а также были случаи, когда девушка выходила замуж, не познакомившись с парнем, потому что его родители посоветуют и приведут невесту, и были проблемы, так как молодая своим мужем считает только того человека, который с ней спал первую ночь. Таким образом, были случаи, что молодая должна была насилию жить с настоящим мужем, за которого ее сосватали и которому отдали.

ДЕНЬ СВ. ПЕТРА

В нашем kraе, как и во многих других, был обычай 12 июля, день св. Петра, праздновать возжиганием факелов, называемых «ЛИЛА».

«Лилы» делали из коры хвойного дерева — ели (смрча, диал.) — и наполняли кору смолой; она могла и всю ночь гореть, светить. Это делали в первую очередь чабаны. Чабаны в канун дня св. Петра собирали цветы — ромашку (*бели петровац*)¹² — и плели венки, которые насаживали на загоны со скотом, соревнуясь в том, чей венок будет лучше: самый большой и самый красивый будет водружен над постройкой для скота.

В канун дня св. Петра, как только стемнеет, наступит ночь, в селе собирается молодежь, да и люди постарше, зажигают факелы, не-

Черногорская мусульманка Насва Криешторац держит гусли с изображением Иосипа Броз Тито

сут их и колокольчики для скота, двигаясь по селу от дома к дому. При подходе к дому они громко звонили, чтобы разбудить хозяек — жительниц гор (*планинке*), которые им с удовольствием дарили брынзу, масло, яйца. Можно было брать ночью и алкоголь, и кофе, и сахар, и всё остальное, что требовалось для приготовления обеда, и то богатого обеда.

Когда бы закончили обход всех семей в селе, выбранные поварихи готовили обед, и все праздновали день св. Петра: с песнями, танцами и другими развлечениями. Это продолжалось до полудня. Когда заканчивали с обедом, расходились.

Насва Криешторац в своем интервью¹³ употребила и термин *лилаши* (участники обхода с факелами *лила*); она же сообщила, что в этих процессиях с факелами *лила* идут вместе «и сербы, и мусульмане». Обращаясь к карте из моей книги 2004 г.¹⁴, видим, что обычай распространен в западной Сербии, центральной Боснии, восточной Герцеговине и северной Черногории (в так называемом Герцеговинском kraе), включая и территорию экспедиционных исследований 2014 г., откуда сведения ранее отсутствовали, причем карта в монографии создана по опубликованным источникам, касающимся обычая XIX–XX вв. и у мусульман, и у православных.

Общими для православных и черногорских мусульман оказались окказиональные ритуалы, связанные с магией отгона градоносных туч и призывающим дождя во время сильной засухи. Так, при приближении града и православные, и мусульмане выносили во двор трапезный столик-треножник (*синију*), предметы домашней утвари (ложки, вилки) и призывали по именам самоубийц, чтобы те отнесли черные

тучи подальше от их села («в долины, в горы, где волк не найдет, где человек не живет...»). Во время засухи люди независимо от своей конфессиональной принадлежности поливали водой могилу утопленника («раньше было много утопленников...»), предпочтительно рано утром до восхода солнца.

Гадания о событиях будущего года (о жизни и смерти, благополучии в хозяйстве и урожае и т.п.) происходили идентично: *у плећку се гатало* («гадали по лопатке от жертвенного животного»), однако у православных сербов это происходило на Рождество, как и по всей Сербии¹⁵, а у мусульман — на праздник *Курбан-Бајрам*, когда приносились жертвы (домашнее животное, как правило, овца).

Беседы с супругами-мусульманами из Черногории позволили составить картину поверий, связанных с известными им с детства мифологическими представлениями. Так, удалось зафиксировать известные в этих краях поверья о человеке, управляющем ветрами и бурей (ср. черног. *здуовит* ‘ тот, кто владеет ветрами’)¹⁶: была отмечена лексема *здуховњак* ‘человек, который идет вместе с ветром’ наряду¹⁷ с *здухе ‘ветер’* (Кадрия Криешторац). Особенno полными, как и везде в этих местах, были сведения о мифологических персонажах *виле*: указывались конкретные локусы их пребывания вокруг села, где ранее проживали черногорские мусульмане: *вилина пећина* (букв. «пещера вил») — огромная пещера, вмещавшая стадо коров; *вилина соба* (букв. «комната вил») — с трех сторон окруженное скалами плоское место.

Другая собеседница — Хатиджа Алагич, сербская мусульманка из окрестностей Прибоя (село Калафати, расположено по дороге между Прибоем и Приеполем)¹⁸, о «вилах» рассказывала более часа, отвечая на мои вопросы о самых разных особенностях этих персонажей. Начала она свой рассказ с того, что недалеко от ее села есть «лысая» скала, и когда люди ходили туда за дровами, то слышали, как ткут, поют и разговаривают друг с другом вилы:

И там было слышно, как ткут и поют, в одной пещере, наверху. «Пещера вил» (*вилја пећина*) ее называют. Поют, и одна другую окликает. Но это можно было слышать только рано утром. Шли раньше на работу в лес рано. Люди там работали: рубили елки и складывали. Вилы же тогда забирались на верх и смотрели, но не смели подойти близко. Какая-то «Божья сила» (*божја моћ*) не давала. [А что они пели?] Пели какие-то песни, мне бабушка рассказывала. Пели: «Нельзя, нельзя воду на воду лить, порча — это порча» (*Не ваља, не ваља воду на воду сипати, чини су чини*). Затем: «Нельзя, нельзя одну ногу под другой мыть, порча — это порча» (*Не ваља, не ваља ногу под ногу прати, чини*

су чини). Затем: «Нельзя, нельзя корову по-дойником бить...» (*Не ваља, не ваља краву крављачом тући...*) Сама себе сделаешь, что молока у коровы не будет. [Смеется.] [А могли обычный человек их увидеть?] Говорят, что когда-то могли видеть. Если был добрый человек, никогда не ругался, никогда ничего старым плохого не сделал... никогда не совершил ошибки¹⁹.

Далее собеседница неожиданно рассказала историю о любовных встречах вилы с обычным мусульманином из села.

ВИЛА НА ЛИМЕ

И еще это слышала. Там случилось, где был Лим, где большой порог был (*где је велики вао био*). Был один человек, у него было две жены, он не хотел спать с ними в доме, ушел спать на улицу. И тогда пошла жена посмотреть, где он, почему не хочет оставаться в комнате спать с женами, почему ушел спать вниз к плетню, вниз ближе к Лиму. Жена пошла и вдруг увидела у плетня золотую тапку. Она ничего не посмела сделать — тогда мужей уважали! Ничего не смела сделать, только взяла эту тапку и перевернула. Перевернула эту тапку и вернулась, не смеяла довести до того, чтобы они ее увидели. И они были там, сколько хотели. И человек этот был «виловитый» (*виловит*). Вилы сами к нему приходили. А жил и среди своих домашних. Так вот, его жена тапку тогда подняла и перевернула. А вила вышла после [любовной] встречи с мужчиной и сказала, что больше ни разу к нему не придет. «А почему?» — спрашивает. «Кто-то пришел и за нами наблюдал: тапочки ведь перевернуты». И не хотела тапочки взять, ушла босая. Ушла, а он на следующий день был дома и так сильно захотел искупаться! Спокойно, как обычно, пошел на тот камень, на камне сидит-сидит, а вила вдруг там перед ним внизу появилась. И он к ней рванулся, чтобы с ней «побаловать», а она ему — кандалы на ноги! И утопился. И не знаю, сколько был под тем камнем, никак не могли его найти. А когда нашли — кандалы у него на ногах надеты! Вила, когда догадалась, что их контролируют, утопила его, чтобы он никому не достался.

[Видели ли люди круги на траве после их танца?] Есть такое. Грибы вылезут. «Редуши» (*редуш*) их называют. Белые редуши. И пахнут красиво. И вот так: растут по кругу, и трава зеленая, красивая, голубоватая. Пахнут ароматно, приятно их есть. Говорили, что вилы танцевали и пот (зно) у них капает на землю, и эти грибы

вырастают из этого пота. [Где чаще всего танцевали?] Около безлюдных скал, около воды, в горах. Среди скал, в пещерах их обычно видели. А камни в этих пещерах служили им столами. [Как выглядят вилы?] Красивые, белые, с волосами, грудастые (*лијепе, бијеле, космате, сиснате*). Умели через плечо грудь перебросить, чтобы ребенок сосал молоко, чтобы ребенка своего покормить (который находился сзади на спине. — А.П.) [Как называли ребенка вилы?] «Вилёнок» (*вилче*). Если кто его видел, значит, очень добрый человек был, такой, как ангел. Такой человек, про которого вы [православные] скажете: «ангел», а мы [мусульмане] говорим: «мелек»²⁰. [А что такое виловит човек?] Если виловит, значит, к нему придут вилы. Виловит — тот, который любит вил и имеет с ними... [интимную связь]. Но этот человек не должен никому говорить, что он «виловитый», иначе вилы его уничтожат. [Снова возвращается к своему рассказу: как только другие люди выяснили, что он встречается с вилой, поэтому она его убила.]

[Что делают, когда приходят к людям?] Занимаются любовью, а после она рожает ребенка. Говорят: «родила с ним ребенка». Это *вилче*. И этот человек, когда вырастет, «знает», всё умеет! [И всё может?] Всё может, если захочет. Но нет уже больше таких людей. Один из тысячи. [Вилы умеют ткать?] Говорят: «работящая, как вила» (*радна ко вила*). Наша бабушка была наподобие вилы. Сколько она соткала и такого, и такого [показывает коврики и полотна], и я от нее научилась.

По мере долгой беседы с Хатиджой разговор неожиданно снова вернулся к «вилам», когда обсуждалась родильная обрядность.

[Что делали, если ребенок много плачет?] Когда сильно плачет... у меня заболел ребенок, я пошла к врачам, они сказали, что

Памятник перед музеем Приеполя: мать-сербка с сыновьями — православным и мусульманином

II Экспедиции

ничего не могут, чтобы я несла его к старым женщинам. Пришла к одной: «Спасай, а то умрет!» — «Э!» — говорит. И нашла две-три корки хлеба, две-три щепотки соли, на этот хлеб положила... [Здесь собеседница обратилась к проходящей мимо соседке-молодухе: «Слушай, ты же молодая, может, тебе понадобится, если Бог даст!»] И говорит: «Пойдем сюда, я тебе скажу». «Пойдем», — говорю. Я это всем рассказывала. Говорит она²¹:

Одна гора напротив другой горы,
Другая гора напротив горы,
Третья гора напротив горы... (до 9 гор),
И за горой — ель, а под елью — вила.
«Вила, вилица, по Богу сестрица,
Достаточно плакал мой сын за твою дочь,
Теперь твоя дочь — за моего сына,
Вот тебе соли и хлеба, ужинай,
А завтра завтрака не жди!»

И она мне всё это рассказала, 100 динаров [столько собеседница дала за заговор], больше не было, сахара. И я принесла домой [ребенка], как только визжит, я вот так проговорю, соли и хлеба вынесу, и он замолчит. [Вам нужно было эти крошки куда-то носить?] Вынесу из дома и брошу в сторону горы. Перед домом стою и это бросаю, три раза поверну [ребенка] и брошу, чтобы поела вила. [Усмехается.] И ее дочь! И ребенок перестает плакать. И так делаю три раза. [Как начинается?] «Бисмилах» (Смилах), а вы скажете: «Помоги, Боже!» К горе повернешься и ребенка в руках держишь. И начинаешь: «Одна гора напротив горы...» До девяти гор. И если потом на другой день вечером опять заплачет, тогда опять, и так — три вечера, и после больше не будет плакать.

О «виле» в целом удалось собрать наиболее полные сведения в исследуемом регионе главным образом от мусульманского населения. Более отрывочные, но вполне четкие представления известны у мусульман юго-западной Сербии о персонаже *mora*; о драконе — его называют *aždaha* (записаны традиционные этиологические легенды о возникновении из-

вилистой реки или ручья, впадающих в Лим); о невидимом существе *drakavač*, предвещающем смерть и характерном для верований всей западной Сербии, и др.

Примечания

¹ В состав экспедиции входили также сербские ученые: историк Славолюб Пушица и этнограф Лиляна Люич, которым выражают благодарность за научную организацию полевых исследований Приепольского и Прибойского краев. Автор признателен и благодарен также научному сотруднику Института этнографии Сербской академии наук и искусств Ивице Тодоровичу за консультации и научную поддержку экспедиции.

² Подробнее об истории Старой Сербии и перипетиях, связанных со смешанным православно-мусульманским населением этого края, см.: *Terzić C.* Стара Србија (XIX–XX век). Драма једне цивилизације. Рашка. Косово и Метохија. Скопско-Тетовска област. Нови Сад; Београд, 2012. С. 77–110.

³ О корне *vesel- и его дериватах в славянских языках и традициях см.: *Толстые Н. И. и С. М.* Слово в обрядовом тексте (культурная семантика славянского *vesel-) // XI Международный съезд славистов. Славянское языкознание. М., 1993. С. 162–186.

⁴ Семья Криешторац около 35 лет проживает в г. Прибой, где и состоялась беседа.

⁵ *Плотникова А. А.* Материалы для этнолингвистического изучения балканославянского ареала. М., 1996. Переизд.: М., 2009.

⁶ Экспедиции 2011–2012 гг. в Боснии проводились совместно с Е. С. Узенёвой.

⁷ См., в частности, заметку об одном из сел центральной Боснии: *Плотникова А. А.* Архаические верования боснийского села Умоляни // ЖС. 2013. № 2. С. 6–9.

⁸ *Kriještorac K.* Naši preci. Priboj, 2012.

⁹ Употреблена лексема *наводно* ‘как говорят, полагают’.

¹⁰ Сохраняется орфография источника в случаях, когда значимый термин дается заглавными буквами.

¹¹ «Во имя Аллаха» — начальная часть арабской формулы «Бисмиллях الرَّحْمَنِ الرَّحِيمِ» («Во имя Аллаха, Милостивого, Милосердного»).

¹² Во время самой беседы Кадрия упомянула, что венками из ромашек (*bijeli petrovac*) украшали в этот день и молочную посуду.

¹³ Разговоры происходили по очереди: пока Кадрия готовился к интервью, я беседовала с хозяйкой, даже еще не познакомившись с хозяином.

¹⁴ См. карту с комментариями: *Плотникова А. А.* Этнолингвистическая география Южной Славии. М., 2004. С. 454–459.

¹⁵ См., например: *Кулишић Ш., Петровић П. Ж., Пантелић Н.* Српски митолошки речник. Београд, 1998. С. 121–122.

¹⁶ *Станић М.* Ускочки речник. Т. 1. Београд, 1990. С. 269.

¹⁷ Ср. также: *здуач* — человек необычных способностей, дух которого ночью оставляет тело и борется с другими погодными демонами за урожай, хорошую погоду, здоровье людей и скота, удои молока коров и овец (*Вујићић М.* Речник говора Прошћења код Мојковца. Подгорица, 1995. С. 47).

¹⁸ Добавим, что Хатиджа Алагич (*Хатиђа Алагић*), 1937 г.р., без образования, очень хорошо знала травы, лечебные и «магические» (*од урока* ‘от ст glаза, от порчи’), по ее словам, активно лечилась ими в течение жизни.

¹⁹ Для сравнения с бошняками в самой Боснии следует отметить, что в ответ на этот вопрос на Белашнице и в Високо мне говорили, что этих персонажей мог увидеть только «истинный мусульманин».

²⁰ *Melek, meleć* ‘ангел’ — турецкий происхождения (*Škaljić A.* Turcizmi u srpskojhrvatskom jeziku. Sarajevo, 1979. S. 456).

²¹ Оригинальный сербский текст заговора (по аудиозаписи):

Једно брдо према брду,
Друго брдо према брду,
Треће брдо према брду... (до 9 брда),
И за брдом јела, и под јелом — вила.
«Вило, вилице, по Богу сестрице,
доста плакао мој син за твојом кћери,
одсад твоја кћер за мојим сином,
ево ти соли и љеба, вечерай,
а сутра доручка не чекај!»

А. А. Плотникова,
доктор филол. наук, Ин-т
славяноведения РАН (Москва)

Фото автора.

Российского государственного гуманитарного университета (А. Б. Мороз, Н. В. Петров, В. А. Кухтина, Н. А. Савина, Ф. О. Орлов). Было обследовано 18 населенных пунктов, опрошено 93 информанта, записано 53 часа аудио- и 20 часов видеоматериалов.

Помимо особенностей фольклорной ситуации региона важно было выявить степень распространенности на данной территории тех фольклорных практик, сюжетов и мотивов, которые были зафиксированы экспедицией 2013 г. на западе Смоленской области, с целью изучения специфики тради-

ЭКСПЕДИЦИЯ НА РУССКО-БЕЛОРУССКОЕ ПОГРАНИЧЬЕ

В июле 2014 г. состоялась российско-белорусская этнолингвистическая экспедиция в рамках проекта «Ареальная структура белорусско-русского лингвокультурного пограничья: язык и фольклор»¹. Полевые исследования проводились в Чериковском, Кричевском и Мстиславском районах Могилевской области

Белоруссии. В экспедиции принимали участие исследователи из Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы имени Я. Коласа и Я. Купалы Национальной академии наук Республики Беларусь (Т. В. Володина, Е. М. Боганева, Т. И. Кухаронок, Н. П. Антропов), из Института славяноведения РАН (О. В. Белова) и из

ции русско-белорусского культурного пограничья. Целый ряд текстов, записанных на Смоленщине (купальские песни с мотивом «изгнания кошек», обряд «венчания» коров на Троицу, рассказы о кладах [10; 7; 9]), на востоке Могилёвской области нам не удалось зафиксировать. В то же время в Чериковском и Кричевском районах был зафиксирован круг фольклорных текстов, характеризующих данную локальную традицию (о почитании *криниц* (источников), о святых озерах и провалившихся церквях, обрядовый комплекс *свеча*, обряд вызывания дождя — пахание реки/дороги, катание куклы в лапте) и др.

В публикации представлена небольшая подборка текстов, зафиксированных в экспедиции.

ОБРЯД «СВЕЧА»

В 2013 г. Г.И. Лопатин опубликовал обобщающую работу, посвященную обряду «свеча» [6]². В ходе экспедиции нам удалось непосредственно наблюдать этот обряд, собрать обширный материал, а также выявить локальные особенности обрядового комплекса.

«Свеча» включает в себя несколько основных этапов: создание специальной обетной свечи, приуроченное к какому-либо христианскому празднику; ее перенесение из дома в дом (в некоторых случаях свеча находится в одном доме); освящение свечи и празднование в честь нее в выбранный день. Г.И. Лопатиным описаны случаи, когда наличие свечи для проведения обряда не является обязательным, «свечой» в контексте обряда называют икону (Костюковичский р-н Могилёвской обл., Красногорский р-н Брянской обл.) [6. С. 19]. Все зафиксированные нами варианты обряда предполагали обязательное наличие свечи.

Бытование обряда «свеча» было отмечено нами в Кричевском (д. Лобковичи, д. Костюковичи, д. Сокольники) и в Чериковском (д. Норки, д. Удога) районах. В каждой из этих деревень живут хранительницы свечей, которые следуют традиционным правилам проведения обряда. Нам удалось записать рассказы от каждой из них: в каждом конкретном случае отмечены уникальные особенности, связанные с возникновением обычая, хранением свечи и отношением к ней.

Начало исполнения обряда связано с *оброком* (обетом), который может быть индивидуальным или коллективным. В первом случае свеча закреплена строго за одной семьей, ее появление обычно связано с несчастьем в семье (уход родственника на войну, тяжелая болезнь и т.п.). Во втором случае предполагается оброк целого социума, как правило деревни. Тогда в обряде

участвуют несколько семей: свечу передают из дома в дом, следуя обговоренной очередности. День, в который проводится ритуал, также выбирают коллективно. Так, в д. Сокольники «свеча» приурочена к празднику Николы (Никольская «свеча»), в д. Костюковичи отмечается Спасовская «свеча»³. Упоминали также Духовскую, Покровскую, Ильинскую «свечи». В обряде активно участвуют в основном женщины.

Создание свечи обусловлено типом обета: она изготавливается либо одним хранителем, либо коллективом.

||| Особо интересной представляется форма, в которой описанный обряд существует в д. Норки, где почитание свечи соединяется с почитанием старинной иконы Петра и Павла

Как правило, используют домашний воск, из которого лепят небольшую свечу. Каждый год к ней добавляют кусочки воска (*надсчитывают*), поэтому каждый год свеча увеличивается в размере. Для фитиля используют льняную нить (иногда количество ниточек в фитиле может быть регламентировано и равняться девяти) или сверху на свечу прикрепляют обычные церковные свечки, которые и зажигают. Свечу стараются украсить: повязывают ленты, шьют *платье* из цветных тканей и лент. Ее ставят в решето с зерном, под решето подкладывают расшитое полотенце.

Передача свечи осуществляется раз в год в выбранный праздник. Хозяйка свечи несет ее в церковь — *отправлять*. В церкви совершается служба, хозяйка пишет записки за здравие всех, кто участвует в обряде. Во время богослужения священник, по мнению информантов, освящает свечу (об отношении клира см. ниже). Из церкви женщины все вместе несут зажженную свечу в дом, где она будет находиться весь год. Новая хозяйка шьет для свечи другое *платье* и ставит свою посуду с зерном, старое же могут отнести в церковь или оставить себе. Если свечу не относят в церковь, читают совместно молитвы в доме, где хранится свеча. Порядок переноса свечи в другой дом регламентируется: из дома в дом по одной стороне улицы, по договоренности, по необходимости и т.п. После «перехода» свечи устраивается застолье (либо только у прежней владелицы, либо еще и в новом доме). Застолья организуются совместно всеми исполнителями обряда, гости приносят хлеб, зерно. Семейную свечу в другой дом не передают. Тем не менее хранители все равно шьют каждый год новое *платье* для свечи, но в церковь их не отдают, поэтому в таких домах могут храниться целые коллекции подобных платьев.

В течение года свечу стоит, как правило, *на куме* (в красном углу) — на столике в решете с зерном, под которое подложено расшитое полотенце. Рядом стоят иконы, святая вода, веточки бересклета и вербы. Иногда в свечу втыкают монетки или прикрепляют к ней маленькие свечки в качестве «ручек». В течение года свечу могут зажигать в случае сильной грозы, смерти человека, во время молитвы.

Особо интересной представляется форма, в которой описанный обряд существует в д. Норки, где почитание свечи соединяется с почитанием ста-

ринной иконы Петра и Павла, о которой говорят: *оброк Норков*. В день этих святых жительницы деревни относят икону и свечу к находящемуся в 4 км от деревни источнику Брязгун. По легенде происхождение этого источника связано с днем Петра и Павла, там же, на источнике, появилась икона, которая теперь охраняет и защищает жителей деревни от несчастий. Этот вариант обряда внесен в список нематериального наследия Белоруссии⁴, т.е. охраняется государством и поддерживается информационно и организационно, вследствие чего в его структуре очевидны элементы режиссуры, а сам ритуал сближается с праздниками типа дня села (обряд почитания иконы, свечи и источника сопровождается ярмаркой, концертом, выставкой ремесел).

В качестве примера приведем развернутый рассказ об обряде «свеча», записанный в д. Костюковичи Кричевского р-на.

У нас и раньше праздники праздновали. Ины все большие эти годовые праздники праздновали. У нас, например, вот Илья. Ильинчина второго августа. У нас свечи были, мы свячу, значит, отправляли. Мирская у нас свечи была. [...] [А мирская свеча — это значит не в семье, а всей деревней?] Не-не-не, не всей деревней, а у нас ў посёлках. [...] Ну, вот, бярут воск, бярут воск, вот збираются все, и разогревают яго, и вот так тоненько размешивают его, разогревают в воде в горячей. Ну, а тады во делают такую свечечку. Свечечку, на первый раз дак она такая небольшенькая свечечка. Ну вот, ины, значит, ўсе по клочку. Все, каждая, сколько там нас, значит. И мужчины, и женщины, все. Ну, это, мужчины сидят, а женщины уже, значит, наклеивают. Ну, а тады отправляют, Богу молятся на тый вечэр. Ну и, значит, помолятся Богу, за стол садятся. А свечечку эту поставить ў решето, ў решето зерна, полотенце. А тады и свечечку ставить. И ина стоит ужо, значит, во, например, ё

II Экспедиции

лето у мене. А на будущий год — к вам, например. Значит, опять, значит, собираются, опять надсуковают, ў церкву несут, отправляют ея. А тады с церкви уже приходят, приносят проскуру. И эту свечку перенанышивают к другому уже. Запалют свечку и нясут ў другую хату, и, значит, горящую вечером. «...» [То есть вечером насукают, а утром переносят?] Не, не, вот я ж говорю, что надсукали, вот перед етым, значит, перед Ильём надсуковали. А «...» назавтра га я несу ў церкву ея, на самого Илью. «...» А тады уже, як приду я с церкви, тады уже перенанышаем. «...» [Отправлять — это что значит?] Ну, обречённая, отправлять, ну, в церкву несут, отправляют тама. [А что там?] Светит батюшка. Ну, я пишу, ето, которые... участвуют, ўсех за здравие. И подаю. Подаю я, ну, там батюшка отправляет и здравие это читает. «...» Всех, которые участников этих, всех участников, и мужчин, и женщин — всех. «...» [Как обрекались? Что это значит?] Ну, обречённый обрекает, такой ёсть, который вот даже... ушёй мужик на войну. Обрекаюсь я, буду каждый год тебе оправлять свечу, каб Господь дал, чтоб тихо, мирно, чтоб ты вернулся домой. Вот так это, одиноческие, значит, свечи. [Это не мирские?] Нет, это обречённые это называется. Это обрекается человек... вот, значит, ждать, ти сына, ти хозяина. Чтоб уже всё благополучно было, вот это ёсть обречённые. «...» [А мирская свеча как начинается?] Тоже, вот, значит, предложила я, значит, говорю: «Женщины, давайте сделаем мирскую свечу. Хто хочет, хто пожелает?» Ну, все говорят: «Я, я, я». — «Пожалуйста, приходите во столько то, значит, к вечеру там, приготовьте воск, и всё». Вот так и началось. «...» Ну, ето тоже обречённое, «...» чтоб урожай был родил, чтоб дожди приходили вовремя, чтобы всё у семьи... благополучие было. «...» [В чем стоит свеча?] Ну, ина стоит сразу на... ў зерне. Ну, её делают такую широкиньку... «...» Вот решето небольшинько такое, ситец такий маленький, насыпают зерна, ложат полотенце и ё поставят. Ина на куте ўсё и стоит год. «...» А тады уже, як хозяева уже встречают... Ина, хозяйка та, встречает и, значит, обмен делает. Ина своё, значит, решето отдаёт с зерном мне, а я ёй со свячей это. [То есть вы всё вместе ей отдаете?] Да, да-да. А ина мне зерно, значит, з решетом это мне назад возвращает. Меняет. «...» [Много зерна должно быть в решете, где свеча?] А, в решете? Да не, во, пригорше... одны пригоршечки. Не целое решето, ничего, пригорше... ну, нехай двое, там уже всё, это одели, закон... Чтоб ина не... не голая, значит. Чтоб уже пожелать с добром, с зерном, чтобы уже хозяйке этой передавать. «...» [У вас мирская или своя свеча?] Ну, ина у меня... Не, у меня мирская та осталася тады, ўсе поумирали, ну, у нас там уже больше не было, кому. Ина у меня осталася, я хотела сдать. А эта, значит, церковная, говорит: «Нехай ина у вас и стоит». Ина говорит, кали надо во, кто помреть, говорит, запалите ея, говорит,

пускай горить. Ну, як раз же у меня свекрова помёрла, я её палила, и... [Когда свекровь в доме лежала?] Угу, угу. [А еще когда ее палят?] Ну, кали... ти Богу молиться, можно запалить мирскую эту свячу [СГВ].

Поскольку заметную роль в обряде играет священник и в структуре обряда посещение церкви занимает важное место, мы спросили об этом ритуале настоятеля храма св. Николая на Замковой горе в г. Кричеве.

Значит, я когда в Кричев переехал, тут, мне это было немножко диковато, таким шоком было такое, значит, нарядные эти свечечки, там юбочки там шьют всякие такие, чуть ли там не лялечка такая, куколка. Вот. Обетная свеча, некоторые ещё дореволюционные эти свечи, я удивился, что там такая восковая такая баба сделана, потом сверху ставят простую свечечку, тонкую. Значит, какие-то обеты люди давали, там на какой-то праздник там, то ли на Успение, и вот периодически на разные праздники приносят, у нас на тот столик ставят они. Ну я икону убираю, вот на плоский столик. И она всю службу стоит, они там собирают денюшки, в деревне своей, список тех, кто жертвовал, кто сколько хочет, пожертвовали. Значит, список этих людей, мы этот... берём, на литургии поминаем, на молебне потом этот список и потом просто эту свечу на молебне кропим святой водой. И всё, это для людей достаточно. Потом... [Никакой специальный молебен не служится?] Нет, ничего, ничего, никакого, потому что это было бы нарушением каких-то правил церковных, просто... в удовлетворение человеческих потребностей, так сказать, запросов, я просто кроплю святой водой. И самого человека. Всё. Больше никаких вопросов нету. Эту свечу потом, мне рассказали, везут в деревню туда, откуда приехали, где храма нету, там собираются все эти люди, которые... кто жертвовал, кто не жертвовал, и вместе трапезничают [ИА].

КАЛЕНДАРНЫЕ ОБРЯДОВЫЕ ПРАКТИКИ И ПАРЕМИИ

Особым маркером исследуемого региона можно назвать обилие календарных паремий, которые в краткой формуле фиксируют память народной культуры о календарных праздниках и обрядах, связанных с ними, в ситуации, когда происходит неизбежный процесс забывания календарно-обрядового фольклора, его «десемантизация и деритуализация ...» и решительное преобладание форм вербальных над невербальными» [8. С. 3]. Приводим паремии, которые представляются нам уникальными и отражающими специфику локальной календарной традиции. При отборе материала мы руководствовались наличием того или иного примера в публикациях: некоторые паремии были обнаружены в литературе только единожды, другие являются особыми вариантами существующих текстов, соответствий нескольким формулам найти не удалось, и именно эти формулы представляют для нас особый интерес.

[КНД:] Так ты огурки мои не взошли. И огурков нема сеять, ужо поздновато. Ужо и Пахом тый прошёл. [Обращается к ТМ:] Ну ты ж Пахом чула? Это дети [имеет в виду собирателей] это не знают. [ТМ:] Знаю, знаю, обычно на Пахома сеют огурцы. «...» [КНД:] **На Пахома будут огурки мяхом⁵.** «...» Огурцы мяхом. Ну, много огурцов бывает. [ТМ:] Мяхом, да, тады... И вот именно на Пахома, в этот день, сеют огурцы у нас. [КНД:] Такий праздник бывает. Это ў конце мая. Двадцать девятого мая.

[Вы говорили, есть две Пречистые?] Ну, да одна Пречистая ў августе, а другая — ў сентябре Пречистая. **Одна з мохнаткою, а другая з дярюжкою⁶.** [Одна — что?] Первая з мо... з лохмыткою. «...» А другая — з дярюжкою. Это... это уже холод-

Празднование у источника Брязгун в 4 км от д. Норки Чериковского р-на в «Павлов день». 2014 г. Фото О. В. Беловой

ная самая. [Что такое лохмытка?] Ну, палка это... обгорелая — лохмытка называется. [Почему первая Пречистая с лохмыткою?] Не знаю. А вторая — з дярюжко. Ну, первая еще, верно, не так холодна. А вторая уже холодная, дак з дярюжко Пречистая [НАФ].

На Покров — это бьют петуха на кроу⁷.

[Смеется.] Обязательно, если Покрой — значить, что-то, что-то забить. Чтобы кроу вышла. «...» На кроу, да. [Смеется.] [Зачем кровь?] А так, приговорка эта, ну, была [Б33].

А говорят всегда, от Юрья до Юрья никогда коров не выгоняют. У нас сейчас так выгоняют. Это же присказка ёсть. **От Юрья до Юрья корми всякого дурня⁸.** [Что это значит?] Ну, значит, корми. Вот, от Юрья в осени, он же в осени Юрий бывает. Значит, становить. А до вясны, до... следующей вясной выгоняют [СГВ].

Это Юрья два. «...» Весенний и осенний «...» **Юрий один гвоздить, а другой мастиТЬ⁹.** Это Юрья называется. [Один что?] МастиТЬ, а другой гвоздить. «...» Один стелит пол, а другой гвозди убивает. [Это как?] Во это во значить, весенний — это стелит, это трава появляется на этого, на Юрью. Всё. А ўосень — значит, он гвозди прибивает, значит, морозы [СГВ].

[Слышали про Варвару?] **А Варвары — это половину ночи оторвали¹⁰.** Тоже бывают и Варвары. «...» Ну, прибавляется... прибавляется день. «...» Варвары половину ночи оторвали — это до декабря ж ўсё уменьшаются дни, а тады уже всё убольшаются после декабря [НАФ].

Я говорю, **Савва делает сани, а Варвара — швея¹¹.** Ина, значит, швейка. Значить, ткала, пряла. «...» Варвара, ина была труженица. Ина, значит, трудилася, ткала, пряла. Так говорят: «Ой, нельзя». Не, говорят, ина была труженица. Ина ткала, пряла, красны сновала. «...» [На Варвару можно прядь или, наоборот, нельзя?] Ну, ина... вечером, значит, нельзя, значит, тады... а днём — делали ж. [Савва делает сани — это что значит?] Савва — это во... ёсть телега, а есть сани, такие деревянные, тоже на конях ездили. [А почему так говорят: «Савва делает сани»?] Ну, это... Савва работник тоже был. Значит, ён... значит, трудиўся. Так что... можно, говорят, днём, а ноч... вечером нельзя, как говорится, праздники, ну [СГВ].

[КНД:] **Хто саввит да варварит, тыи покрыла не маєт¹².** [Что это значит?] Раньше эти, ткали все. Люди ткали. А кто праздники эти отмечает, говорят, «покрыла не маєт». Ну, накрыть, як помреть человек... [ТММ:] Покрыло. Покрыло — это покрывало. [КНД:] Покрывало, як помреть человек, его накрывали полотном. Ну, полотно ткали и накрывали его полотном. А ти кто саввит, варварит, тыи покрыла

не маєт. Ти поняли вы? [Что значит «саввит, варварит»?] Ну, кто праздники эти отмечает, ў этот праздник делает всё. А я, примерно... отмечаю, ну, примерно, я отмечаю — значит, у тебе нема ничего. В эти праздники ткуть и прядут. И мычки скуают, всё делают, всё делают. [ТММ:] Всё делают. [КНД:] Это праздник такой, что всё можно делать¹³.

[Не говорят, почему Миколы два: один зимой, другой весной?] Два Миколы бывает, да. Як-то... один... Один бывает вес... Микола вясною один. **Один холодный, один голодный Микола¹⁴.** [Один холодный, один голодный?] Микола, бывает два Миколы ў году [НАФ].

Андрос, говорят, ударили Ганне ў нос¹⁵. Ганна отлятала. [Смеется.] Нешто так говорили... Ганна отлятала на два дни, ти на три... три, нешто я такое не знаю... Андрос ударил Ганне ў нос — это я чула. «...» А что ины предсказывает — это я не знаю [СМП].

МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКАЯ МАГИЯ

Большой корпус текстов посвящен разным видам предписаний при дожде/засухе/грозе. Одним из самых распространенных способов вызывания дождя является высыпание мака в колодец или в несколько колодцев. Другая часто встречающаяся практика — пахание плугом дороги или берега реки, причем в качестве тягловой силы могут выступать как мужчины, так и женщины (одна женщина, *честные вдовы*). Еще один способ вызывания дождя — дети должны катать по дороге куклу в лапте. Среди причин засухи часто называется общее для восточных славян поверье о нарушении запрета городить забор в Чистый четверг или на четвертой неделе после Пасхи, закрывая тем самым дождь. С пасхальной атрибутикой связана также практика защиты от грозы: крашеную скорлупу с пасхальных яиц хранят под крышей дома; грозовую тучу отгоняют полотенцем, на котором святили продукты на Пасху.

[Если долго дождя нет, что-то делали?] Надо сыпать ў три колодца свяцёный мак. «...» Святить мак, вон ёсть... вон четырнадцатого августа Спас Маковей. Это светлют мёд и мак. Так во это ў три колодцы по шепотке сыпать. И говорить: «Пошли, Господь, дождя! Пошли, Господь, дождя!» Всё. «...» Раньше у нас, як дождя дуже не было, мужчину ставили ў плуг, и... а женшины за ручки. И дорогу... дорога ж, были дороги обыкновенные, не такие, асфальтные, а дороги... и пахали, каб дождь пошёл. Во, это я знаю, это спрадвеку у нас тянулось это по старинушке. [Внутри деревни или надо выйти куда-то?] Не, внутри деревни. Даже [о]коло своего двора. Вынес плуг. Мужчина, баба ж не потянет плуг, она ж твёрдая, до-

рога ж эта. Ну, говорят, тады дождь пойдить. Ну, пробовали, и шёл. Шёл дождь. [Они пахали, чтобы правда вспахать или просто протащить?] Да, да, да-да-да. Не, чтоб земля отвернулася. «...» Во, тады, говорят, пойдит дождь. «...» [Одетые или голые пахали?] Не-не-не, одетые, одетые. «...» [Дорогу пахали утром?] Кого... утром, утром. Утром ранышка, утром, часов в шесть, ага, утром. [Говорили что-то, когда дорогу вспахивали?] Тоже не... «Дай, Боже, дожжа! Дай, Боже, дожжа! Дай, Боже, дожжа!» [Водой не поливали?] Не. [А не пахали речку?] Речку... речку пахали тоже. Но только, но не у нас. Дорогу — дак я знаю. А речку... Тоже... соседняя деревня тоже говорит: «Мы речку пахали, каб дождь пошёл» [СГВ].

[Ранее говорила о том, что скорлупу от освященных на Пасху яиц использовали от грозы.] А это, я уже убедилася сама лично. В это... в полотенце такое вот ложишь, что-то там поставить, или в корзине сейчас носишь. Так полотенце это... То пирог, то ещё что наложишь. Так. И вот светить батюшка, и это полотенце я не стираю до следующего году. Не стираю, я могу другие положить, но а это не стираю. «...» Действительно, як мама говорила, так я и... Как только гроза большая находитъ, гроза большая находитъ, да. Я выхожу на двор и махаю кресть-накресть. Говорю: «Господи, Господи, свенчёное полотенце, разгони ты эти тучи по всем бокам. «...» Нам такие тучи не надо. Дождик нам надо, но страх не надо». Вот, поверьте, дети [обращаются к собирателям], помогает. Вот это помогает. [Вы просто выходите на улицу...] На двор прямо, на двор. [И крест-накрест машете?] Крест, такой, накресть... И всё разгоняется... [Один раз машете?] Три раза [Б33].

[ГНА читает заговор от дождя:]
Туча-тучечка, звать тебя Пелагейкой,
Иди на мхи, на болота, на гнилия колоды,
Там тябе петь, гулять, нашей благи не
ломать.
Аминь.

[Почему ее звать Пелагейкой?] Ну. [ЧЛИ:] Так обычай старицой, наверно, быў. [Один раз читают заговор?] Да... Три разы. Три разы. [Читают заговор в доме или на улице?] На улицу выйдешь... В доме... Да где хочешь. [Нужно что-нибудь сделать, когда читаешь заговор?] Ничё... Перекрестиўся на... крыльце. [ГНА одновременно:] Перекрестиўся, и всё.

[Делали что-то, если была засуха?] А я вот, я вам расскажу, что делали у нас, можно? Я сама там делала. Это уже было так, то, что моя ёшё баба жива была, а мы были дитями. Шили, короче... баба шила такую Мокриду, типа куклы такой, да... И начёйки типа такие, типа железные такие вот. «...» И вот мы... была такая засуха, вы не поверите. Ну не было дождя, вообще не было. «...» Значит, что делали. Ложили туды Мокриду, куклу вот эту баба

II Экспедиции

сама сшила, помню, хорошо сшила баба куклу, из тряпок сшила, положила туда. И вот мы тянем эту, типа ночёйки такие, да, вот они дремчат по песку, по дороге. И: «Ой, Мокридочка-Божка, дай же нам дожжа!» Вот это во помню хорошо, даже слова. «Ой, Мокридочка-Божка, дай же нам дожжа!». И тянем вот так... [Что такое Мокридочка?] Мокридочка — это вот эта кукла, которая находится ў этих ночёйках. Она гремит, едет, и мы тянем её по дороге. По дороге, особенно мы тянули её по крыжевой как бы дороге, да вот... и сюда тянем, сюда, мы просили эту Мокриду, чтобы дала дождя. Что вы думаете? Дождь пошёл, дождь пошёл. <...> Значит, мы по очереди тянем, нас пять человек было. И, как бы, уже вечером тянули, днём мы не тянули, вечером, каб нас... никто нас ня видел. <...> И, значит, утроих идут,плачут, а мы ёдвоих типа [прочитает]: «Ай, Мокридочка-Божка, дай же нам дожжа!» И так плачем, что дождя нету [ТММ].

Примечания

¹ В июле 2013 г. российские участники проекта проводили исследования в Велижском р-не Смоленской обл.

² Автор ориентируется преимущественно на материалы, собранные им на территории Гомельской и Могилёвской областей Белоруссии; отмечены также варианты обряда на территории Смоленской и Брянской областей России.

³ Приурочена к празднику *Спас Маковей* — празднованию Происхождения (изнесения) Честных Древ Животворящего Креста Господня, Семи мучеников Маккавеев, матери их Соломонии и учителя Елеазара (1/14.VIII). — Примеч. ред.

⁴ Жывая спадчына Беларусі (http://livingheritage.by/nks/1054/?sphrase_id=7595).

⁵ Ср.: Сей агуркі на Пахом — будзеши настіць мяхом [5. С. 118].

⁶ Ср.: Першая Прачыстая — з дзяржакаю, другая Прачыстая — з маёнткаю [4. С. 526].

⁷ Нам удалось найти единственную параллель: Зарежутъ барана Коледами или к Покрови [11. С. 179]. Другие фиксации данной формулы нам неизвестны. Нами было записано несколько вариантов: [В Покров] делают кровь [ТММ]; [На Покров] бывают животное якое-нибудь на крою [НАФ].

⁸ Ср.: Да Юр'я корму і ў дурня [5. С. 108]; На Юр'я каб сена было і ў дурня [1. С. 524]; Да Юр'я кармі дурня, а на Юр'я самнакорміца [4. С. 442].

⁹ См. переклички в связи с другими праздниками народного календаря. Ср.: *Варвара мосціць, Сава цвякі вострыць, а Мікола прыбывае* [1. С. 68]; *Юры (Ягоры) мосціць, а Мікола гвоздзіць* [5. С. 118]. Кроме того, эта формула напрямую соотносится с приметой: *Колькі на асенніяга Юр'я снегу, столькі на вясенняга — травы* [2. С. 597].

¹⁰ Ср.: *Варвары половинуночи атарвали* [3. С. 51]; *Варвара нач урвала, а дзень надтачыла* [5. С. 217]; *Варвара начы ўварвала, а днія прытачыла* [4. С. 558];

Варвара кавалок начы ворвала, а днія прытачыла [11. С. 42].

¹¹ Данный текст особым образом встраивается в систему народных верований, связанных с почитанием этих святых. Первая часть фразы строится на созвучии (*Савва — сани*), и Савва представляется как работник. Вполне возможно, что истоки данного образа можно обнаружить в других формулах, где наступление морозов связывают с деятельностью трех святых, ср.: *Барбара мосціць, Саўка цвякі вострыць, а Мікола прыбывае* [2. С. 599]; Ужэ будзе зима. Ужэ *Варвара вогонь разводзіць, а Сава гвоздзі робіць, а Мікола гвоздзі забівае, мосты робіць* [11. С. 219].

¹² Несмотря на интерпретацию информантов, согласно которой в день Варвары разрешается прядь и ткать, возникновение этого текста предположительно связано, наоборот, с распространенными запретами на ткачество в этот день, ср.: «На Варвару не пралі, бо яна верацёнамі замучаная» [4. С. 559]; «Гэты дзень быў бабскім святам, таму не пралі кудзелі, але талакно малоць і лён трапаць дазвалялася» [2. С. 599]; «На Варвару нэ преплі, ныдэ. Кауть, варовита [например, волк овечку задавіт]» [11. С. 42].

¹³ Вероятно, имеется в виду, что не следует слишком строго соблюдать запреты, дабы не остаться без савана на собственные похороны, ср.: «Було ны варвары й ны савиты, а трэба було кудильку соваты; Як баба не напрала, то кажэ, тре было ни савиты, ни варвариты, ни андроситы, тилько кудильку кундосіты» [11. С. 42].

¹⁴ Ср.: *Две Міколы — одна голадна, літом, а зымой — холадна* [11. С. 145].

¹⁵ В народной традиции уделяется внимание тому, что по христианскому календарю дни почитания Варвары (4/17. XII), Саввы (5/18.XII), Николы (6/19.XII), Андроса (Амвросия) (7/20.XII) и Ганны (Анны) (9/22.XII) следуют друг за другом, ср.: «Варвара, Саўка, Мікола і Андрос ішлі ўмесці; Ганна асталася за красачкамі, а будні дзень і наступіў» [4. С. 559]; «Ужэ будуть Варвары да Савы, да Андросий, да Юрий и Мікола, е и Катерина» [11. С. 33]. В ряде публикаций под Андросом ошибочно понимается день Андрея Первозванного (30.XI/13.XII) [5. С. 216–217; 11. С. 33–34]. Приводимые авторами цитаты этого не подтверждают, так как не содержат указания на дату. Кроме того, в этом случае день св. Андрея выбивается из цепочки праздников, следующих один за другим. В действительности под Андросом подразумевается день св. Амвросия Медиоланского (7/20.XII): «[Кто такой Андрос?] [ЯЛК:] По книжному ён Амвросий. [Смеется.] [Не говорили, что Андрос ударил Ганну?..] ў нос. <...> [ЯЛК:] Это во Андрос, а тады через день — Ганна. Вот и получается: Андрос ударил Ганне в нос. [Смеется.] [Почему ударил?] [ЩРИ:] Ну потому что ее праздник уже наступает. <...> Это его праздник кончается, а ей наступает. <...> [ЯЛК:] И ён через день».

Литература

1. Беларуская міфалогія: энцыклапед. слоўнік / С. Санько, Т. Валодзіна, У. Васілевіч і інш. Мінск, 2004.

2. Васілевіч У. Беларускі народны каляндар // Паэзія беларускага земляробчага календара / Склад. А. С. Ліс. Мінск, 1992. С. 554–612.

3. Добровольский В. Н. Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914.

4. Жыцця ад вечнага ладу: беларускі народны прыкметы і павер’і. Кн. 2 / Уклад., прадм. і пер. У. Васілевіча. Мінск, 1998.

5. Лозка А. Ю. Беларускі народны каляндар. 2-е выд., перепрац. і дап. Мінск, 2002.

6. Лопатин Г. И. «Ікона звалась Свячой...»: абрац «Свяча» ў прасторы традыцыйнай культуры Гомельшчыны. Гомель, 2013.

7. Мороз А. Б. Обряд «венчания коров» в Велижском районе Смоленской области // ЖС. 2014. № 3. С. 3–6.

8. Неклюдов С. Ю. После фольклора // ЖС. 1995. № 1. С. 3.

9. Петров Н. В. Былички Велижского района Смоленской области: клады и черти // ЖС. 2014. № 3. С. 14–16.

10. Петрова Н. С. Об одном мотиве купальских песен Велижского района Смоленской области // ЖС. 2014. № 3. С. 7–9.

11. Толстая С. М. Полесский народный календарь. М., 2005.

Список информантов

Б33 — Буракова Зинаида Захаровна, 1945 г.р., д. Костюшковичи Кричевского р-на.

ГНА — Господарева Нина Акимовна, 1939 г.р., д. Норки Чериковского р-на.

ИА — свящ. Андрей Игнатушко, ок. 1975 г.р., г. Кричев.

КНД — Козловская Надежда Демьяновна, 1939 г.р., д. Лобковичи Кричевского р-на.

НАФ — Никитенко Анна Фоминична, 1939 г.р., д. Костюшковичи Кричевского р-на.

СГВ — Степанова Галина Васильевна, 1939 г.р., д. Костюшковичи Кричевского р-на.

СМП — Самченко Мария Петровна, 1939 г.р., д. Костюшковичи Кричевского р-на.

ТММ — Тарабарова Марина Михайловна, 1968 г.р. (Казахстан), в 6 лет переехала в Могилёвскую обл., с 1986 г. живет в д. Лобковичи Кричевского р-на.

ЧЛИ — Чепелева Любовь Ильинична, 1944 г.р., д. Норки Чериковского р-на.

ЩРИ — Щурина Раиса Ивановна, 1956 г.р., д. Лобковичи Кричевского р-на.

ЯЛК — Язепова Лидия Кузьминична, 1942 г.р., д. Лобковичи Кричевского р-на.

В.А. Кухтина, Н.А. Савина,

студентки Российской гос.
гуманитарного ун-та (Москва)

Работа выполнена в рамках проекта «Адаптивные механизмы культуры русско-белорусского пограничья: судьба народной традиции в меняющемся мире» (РГНФ—БРФФИ, № 15-24-01004)

«ЗАПАД» И «ВОСТОК» В СРАВНИТЕЛЬНОЙ ДЕМОНОЛОГИИ

In Umbra. Демонология как семиотическая система: Альманах. — Вып. 3 / Отв. ред. и сост. Д. И. Антонов, О. Б. Христофорова. — М.: РГГУ, 2014. — 464 с.

Третий выпуск альманаха по демонологии включает статьи, размещенные под разнообразными рубриками, ориентированными на проблематику «классической» демонологии западноевропейского Средневековья с его инквизицией (см. первую рубрику — «Ведьмы, демоны, инквизиторы») и разработанной «иконографией» (вторая рубрика — «Инфернальный портрет» Средневековья) и на проблематику демонологии фольклорной, по преимуществу славянской (восточноевропейской), связанной с книжными и иноэтническими импульсами, но не столь «схоластичной». Рецензенту представляется показательной тема «встречи» двух демонологий, которая облегчалась наличием универсального языка, описывающего мир демонического. На Западе наука доходила до опытов создания формализованного языка и классификации ведовства, в частности, в «Демономании» Жана Бодена (ей посвящена статья О. И. Тогоевой, с. 17–40); к этой проблематике примыкает статья Г. В. Бакуса, анализирующая судьбы двух ведьм, сожженных инквизицией в 1484 г.: одна из них раскаялась перед казнью, другая отвергла покаяние (с. 64).

Статья Г. С. Зелениной посвящена отражению этноконфессионального конфликта в эпоху Реконкисты и Реформации в еврейских эсхатологических сочинениях, где в образе апокалиптического зверя — Уробороса, змея, пожирающего свой хвост, выступает инквизиция. Подвергнутые насилиственному крещению иудеи, преследуемые инквизицией, которая подозревала конверсо (маранов) в тайной приверженности иудаизму, воспринимали христианские эсхатологические идеи о близящемся конце света и демонические образы христианской эсхатологии, в том числе образ апокалиптического зверя. Замечу, что эти сформировавшиеся в сефардской среде эсхатологические ожидания некритически переносятся на ситуацию на Руси¹, где ожидали конца света в 1492 г. и обвиняли «жидовствующих» еретиков в стремлении сорвать православных христиан в преддверии Страшного суда: действительно, русские книжники-ригористы конца XV — начала XVI в. подозревали новгородских и московских еретиков не только в кощунственных магических обрядах, но и в тайном исповедании иудаизма, однако русских еретиков обвиняли как раз в неверии в близящийся конец света².

В. Е. Махов в статье, открывающей рубрику «Инфернальный портрет» Средневековья, исследует трансформацию и «ресемантизацию» средневековых мотивов «в духе ренессансно-барочной аллегорики» (с. 108): дьявол последовательно антропоморфизируется, возникает тенденция к формированию романтического образа падшего ангела в духе врубелевского демона; одновременно от религиозного содержания освобождаются представления о материальном мире, в частности о стихиях — стихия огня «реабилитируется», не служит лишь воплощением адского пламени (с. 124). Тема визуализации демонических образов затрагивается и в статье Сары Кюн «Спасение от челюстей смерти», где эти образы рассматриваются на примере позднесредневекового исламского и восточнохристианского искусства. Один из анализируемых сюжетов — поглощение и извержение Ионы «kitom» — известен и в христианском и в мусульманском искусстве (сюжет напоминает о поглощающем Уроборосе): с этим сюжетом сопоставляется декоративный мотив человека (маски) и дерева (креста) меж двух змей. Семантика поглощающих чудовищ здесь не сводится к инфернальному, «челюстям ада», она включает мотив воскрешения. Заметим, что речь идет об универсальных симметричных мотивах (в христианском искусстве не менее популярен мотив Даниила меж двух львов), связанных с символикой мирового дерева: эти мотивы характерны и для дохристианского искусства, в частности славянского, где распространена маска, находящаяся меж двух зооморфных существ (ил. 1). Не должен в связи с этим вызывать недоумения и мотив Уробороса на раннехристианских рунических камнях Северной Европы (ил. 2) — на тулове змея, хватающего собственный хвост, помещается надпись, призывающая к спасению души (при том что в скандинавской мифологии змею, опоясывающему землю, приписывают функции эсхатологического чудовища). М. Р. Майзуль в статье, посвященной образу смерти, обнаруживает в средневековом европейском искусстве тенденцию изображать смерть по преимуществу в виде скелета или скошающейся мумии (с. 201).

Раздел «История — книжность — фольклор» открывает статья О. Б. Христофоровой, рассматривающая отражение в русской миниатюре и фольклоре распространенный книжный сюжет о трапезе благочестивых, коим прислу-

живают ангелы, и пире нечестивых, окруженных бесами. Особое развитие в миниатюре и фольклоре получили мотивы, связанные с осквернением пищи бесами, — для «канонического» книжного текста эти мотивы были бы кощунством. С. Ю. Неклюдов исследовал демонологические аспекты фольклорного образа Разина: маргинальные группы разбойников (*«збойников»* и т.п.) героизируются в славянском фольклоре³. Разин как культурный герой наделяется хтоническими признаками — Неклюдов приводит мотив мучения Разина в Жигулевских горах, где его грудь сосут змеи (с. 249), и сравнивает образ казачьего атамана с мифологическим образом скандинавского Локи, скованного в горной пещере: напомню, и над Локи подвешена змея, из пасти которой каплет яд, и Локи корчится в мучениях (таково происхождение землетрясений). А. В. Полонская прослеживает фольклорные корни демонического персонажа «порец», распространенного в литературе на

Ил. 1. Славянская фибула с мотивом маски, находящейся между птицами. Бронза. Среднее Поднепровье (?). VII в.

Ил. 2. Рунический камень с надписью на туловище змея, хватающего свой хвост. Швеция. XI в.

языке идиш: древние демонические черты, присущие библейскому Исаю, обнаруживаются в пореце, ассоциирующемся с враждебным чужаком в новой истории евреев — польским шляхтичем в идишской традиции (с. 275 и сл.).

Славянской demonологии посвящен раздел «От покойника к водяному». Статья В. А. Черванёвой представляет анализ лексики, описывающей акустические и визуальные признаки появления «ходячего покойника». Л. Н. Виноградова характеризует количественные признаки, свойственные нечистой силе, — единичность и множественность ее персонажей. Множественность свойственна воплощению болезни, духам судьбы, календарным персонажам — русалкам и схожим демонам на Балканах. Специально рассматривается образ русалки на Русском Севере, где известны былички о единичном демоническом персонаже, расчесывающем волосы у воды, и в украинско-белорусской зоне, где распространено представление о множественности календарных демонов, появляющихся на Русальной неделе (с. 352–354). Северорусский образ безусловно родствен «восточному» общетюркскому (евразийскому) образу упомянутой Л. Н. Виноградовой албасты (с. 353). Русальная неделя и имя русалок восходят к античному празднеству розалий (русалий), очевидно воспринятым еще праславянами (?) на Балканах (ср. с. 354). Сложной проблеме общности и различий в demonологических представлениях у восточных и западных славян (русских и поляков) посвящена статья Е. Е. Левкиевской; автор возводит формирование принципиальных различий в отношении к праславянскому (общеславянскому) языческому наследию к разделению вер (православие у восточных славян, католицизм у западных). Это наследие есть живая часть культуры для православия, в католицизме все сводится к «милому этнографизму» (с. 375). Представление о «терпимости» православной церкви к древним верованиям является общим местом исследований по культуре славян (включая участие представителей клира в «языческих» обрядах)⁴, однако «этнографизм» свойствен разве что европейской поэзии эпохи романтизма, но никоим образом не

ведовским процессам. Православию действительно была в основном чужда схоластика «Молота ведьм», но «языческое» наследие было неприемлемым и для него: во всяком случае, и русалии (с их античными истоками), и славянская традиционная обрядность в целом воспринимались православными книжниками как иноверие и даже ересь (здесь католические и православные книжники-ригористы были едины)⁵. В православии, лишенном образцов латинского юридического быта (договор с дьяволом и т.п.), сформировалось более «интимное» (с. 397) отношение к нечистой силе.

Последний раздел сборника посвящен быличкам: его открывает публикация «мифологических рассказов» М. Гайдук, подготовленная В. В. Запорожец (к сожалению, публикатор не дает комментариев к текстам). Мотивы этих рассказов подробно прокомментированы Е. Е. Левкиевской (с. 426–439) в контексте карпатской традиции (родной для исполнительницы) и «прихрамового» фольклора (объединяющего сюжеты, характерные для восточнославянской религиозной среды). На основе материалов, записанных от М. Гайдук и других исполнителей, Д. И. Антонов в своей статье делает наблюдения по поводу апеллятивной стратегии в быличке, справедливо указывая на такие базовые приемы коммуникативного процесса, как «намек», «отстранение от контекста», вопросы, с которыми рассказчик обращается к слушателю, «информационно-дидактические» ходы. Однако говорить о сознательно выстроенной стратегии можно лишь в том случае, если достоверно известно, что анализируемые тексты были зафиксированы именно в том порядке и в той форме, как они опубликованы; что интервью представляло собой непрерывный коммуникативный процесс (т.е. первый текст выслушан собирателем прежде всех остальных, а завершающий, в котором рассказчица «окончательно переходит» к очередной речевой стратегии, был действительно завершающим) — в противном случае построения и выводы «реконструктора» оказываются уязвимыми (статья Д. И. Антонова основана на публикации В. В. Запорожец, в которой вошедшие в подборку записи представляют собой не сплошную расшифровку интервью,

а компиляции, составленные на основе разновременных записей одного сюжета).

Разнообразие тем и подходов, отраженных в очередном выпуске альманаха серии «Демонология как семиотическая система», показывает, что проект не только объединяет все более широкий круг исследователей мифологической прозы, но каждый раз открывает новые перспективы в изучении сравнительной demonологии.

Специалисты по фольклору, этнографии, культурной антропологии и многочисленные читатели с нетерпением ждут очередного выпуска серии.

Примечания

¹ Таубе М. Ересь «жидовствующих» и переводы с еврейского в средневековой Руси // История еврейского народа в России. Т. 1. М.; Иерусалим, 2010. С. 367–396. Русские преследователи ереси следовали примеру испанской инквизиции — к полному истреблению «Моисеевой ереси», т.е. иудаизма, призывали и сами испанские правители (см. в статье Г. С. Зелениной, с. 93–95).

² Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения на Руси. XIV — начало XVI в. М., 1955. С. 319–320.

³ Ср.: Словацкие народные разбойниччьи песни и баллады / Сост. и предисл. П. Г. Богатырева. М., 1976.

⁴ Ср.: Нидерле Л. Славянские древности. М., 1956. С. 297.

⁵ См.: Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения на Руси... (обличение «поганских» обрядов относится, естественно, к эпохе становления древнерусской книжности в XI — начале XII в., ср.: Повесть временных лет. СПб., 1996. С. 11).

В. Я. Петрухин,
доктор ист. наук, Ин-т
славяноведения РАН; НИУ Высшая
школа экономики (Москва)

В данной научной работе использованы результаты проекта «Восток и Запад Европы в Средние века и раннее Новое время: общее историко-культурное пространство, региональное своеобразие и динамика взаимодействия», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2015 г.

ЦЫГАНСКИЙ АРХИВ И. М. АНДРОНИКОВОЙ: НОВЫЙ ЭТАП ДИСКУССИИ

В данный момент развивается полемика по поводу цыганских поговорок из коллекции И. М. Андро-

никовой (собранной в 1930–1960-е гг.). Этот богатейший материал был в 2006 г. издан отдельной книгой [13].

Литературовед И. Ю. Махотина приложила усилия для того, чтобы вывести данный источник из научного оборота. Собрание И. М. Андрониковой было объявлено подделкой. Поскольку дискредитация коллекции проводилась фактически без доказательств, нам пришлось выступить в ее защиту. После этого в полемику вступили филологи В. В. Шаповал [11] и О. А. Абраменко [1].

ОТНОШЕНИЕ ОППОНЕНТОВ К МНИМОЙ МИСТИФИКАЦИИ

Мы с глубоким удовлетворением отмечаем, что филологи не поддержали тезис И. Ю. Махотиной о «масштабной мистификации». Напротив, коллеги разделили точку зрения автора данной публикации. В. В. Шаповал пишет: «Н. В. Бессонов абсолютно справедливо призывает: «Архив нуждается не в бойкоте, на котором настаивает пристрастная критика, а в научном осмыслинении». Сам же лингвист уверен, что в данном случае говорить о подделке нет оснований. Возможно, среди подлинных записей затесались рабочие выписки из публикаций. Но это «почти естественно, учитывая историю архива» [11. С. 59]. Далее В. В. Шаповал называет цыганские фразы из коллекции «ценным материалом», который было бы жалко отсеивать по формальным критериям. Даже если что-то записано с грамматическими ошибками, требуется «далнейшее бережное изучение» [11. С. 60].

Констатируем разницу подходов. И. Ю. Махотина поставила задачу «разоблачения мистификации» [9. С. 113]. Авторитетный лингвист, напротив, предлагает изучать тот же самый архив — ведь «не так много цыганских материалов оставил нам ХХ век» [11. С. 60].

Вторая участница дискуссии, О. А. Абраменко, высказываетя ясно: «...полностью разделяю мнение А. Ю. Русакова и В. Калинина <...>: «Издание это представляет большой интерес, несмотря на отмечаемые составителем трудности, связанные с интерпретацией этого материала». В злоказненность создателей картотеки я не верю — вряд ли была мысль сфальсифицировать доселе неизвестный корпус собственно фольклора» [1. С. 62]. Отметим кардинальную разницу. По И. Ю. Махотиной, фальсификация есть, по О. А. Абраменко — нет.

Итак, «разоблачения» повисли в воздухе. В «масштабную мистификацию» не верят А. Ю. Русаков, В. И. Калинин, В. В. Шаповал, О. А. Абраменко и Н. В. Бессонов. Казалось бы, можно закрыть полемику, поскольку своей цели автор добился. Но это лишь формальное достижение. Дискуссия выявила кризисные явления в отечественном цыгановедении. Поэтому мы вынуждены тезисно восстановить ее ход (не у всех читателей имеются под рукой соответствующие тексты).

1. Тверской литературовед И. Ю. Махотина в своей диссертации [8] и статье [9] объявляет архив И. М. Андрониковой мистификацией. Делается это с нарушением научных норм.

2. Начинается «цепная реакция» поддержки: Н. Г. Деметер и М. В. Смирнова-Сеславинская выступают со статьями, предостерегающими ученых от цитирования архива. М. В. Смирнова-

Сеславинская категорично заявила, что фольклорную коллекцию «невозможно рассматривать в качестве достоверного источника». При этом аргументация свелась к беглому повтору тезисов И. Ю. Махотиной. В числе «новых улик» — то, что картотека поговорок записана разными почерками» [10. С. 194–195]. Странный аргумент, если учесть, что архив собирался группой лиц.

3. Н. В. Бессонов выступает с двумя статьями [3; 4], в которых приводит многочисленные доводы в защиту достоверности фольклорного материала. Забегая вперед, скажем, что эти аргументы никто не решился оспаривать (что свидетельствует об их надежности).

4. Приняв к сведению изложенные доказательства, новые участники дискуссии филологи В. В. Шаповал и О. А. Абраменко признали, что материалы И. М. Андрониковой являются ценным источником. То есть по главному вопросу они выразили солидарность с ключевыми положениями статей Н. В. Бессонова.

5. Далее начинаются необъяснимые вещи. Нападки на коллекцию не осуждаются даже намеком. Напротив, И. Ю. Махотина удостоена комплиментов за свою компетентность. Оказывается, она «вовсе не призывают к «бойкоту» архива <...> а, напротив, «спокойно и честно» анализирует его материалы» [1. С. 61]. То есть допущенная подделка сносок (проходя по сноскам, читатель не обнаруживал там заявленного) и подмена предмета обсуждения (анализ авторских сказок вместо коллекции поговорок) — не в счет.

6. Зато в адрес Н. В. Бессонова направлены все критические стрелы. Филологи предъявляют ему множество претензий, касающихся второстепенных деталей¹. Более того — сказано, будто его статья «выходит за рамки научной полемики». Напомним при этом, что два авторитетных журнала не усмотрели в аргументации и тоне автора этических нарушений.

Итак, читатели видят, что логика в происходящем отсутствует. Корпоративная солидарность поставлена выше истины. Далее мы покажем, как оппоненты продемонстрировали отсутствие научной беспристрастности.

«КАРТ-БЛАНШ» НА ПОДЛОГИ

В своих статьях автор данной публикации доказал, что И. Ю. Махотина использовала недопустимые в науке приемы (в частности, ложные ссылки). К его большому удивлению, никто не дал этому негативной оценки. Напротив, О. А. Абраменко развернула острие критики в адрес Н. В. Бессонова. «Кажется, будто на дворе не начало XXI в., — пишет она, — а самые мрачные времена борьбы с вредными направ-

лениями в науке» [1. С. 61]. Вступиться за И. Ю. Махотину, используя такую формулировку, можно лишь в случае, если факт подтасовки не имел места. Но ведь утверждения о подлоге легко проверяемы. Несчастной И. М. Андрониковой было действительно приписано ошибочное мнение, которого та никогда не выражала [4. С. 65]. В таких случаях полагается не сетовать на «недопустимый тон», а высказаться по существу вопроса.

Не менее странную позицию занял В. В. Шаповал. Невозможно опровергнуть, что И. Ю. Махотина приписала ему свою точку зрения. Логично было бы ждать, что этот подлог заденет известного филолога. Однако В. В. Шаповал не осудил подтасовку. Напротив, он попытался взять часть вины на себя. Оказывается, он чувствует себя «невольным вдохновителем» обсуждаемой статьи, поскольку вел с И. Ю. Махотиной частную переписку [11. С. 58]. Трудно понять, какое это имеет отношение к подлогу. Мы знаем реальную позицию московского лингвиста как на 2008, так и на 2014 год. Невозможно поверить, что публично филолог призывает бережно изучать архив, а конфиденциально называет его «масштабной мистификацией».

Автор с глубоким уважением относится к О. А. Абраменко и В. В. Шаповалу. Но в вопросе об архиве Андрониковой ими была проявлена ангажированность.

ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ РЕАЛЬНОСТИ

О. А. Абраменко пишет: «...ничто не свидетельствует о том, что И. Ю. Махотина нападает на И. М. Андроникову лично, порочит ее доброе имя. И. Ю. Махотина говорит лишь о том, что пользоваться архивом как научным источником без дополнительных изысканий и выверения материала по меньшей мере затруднительно» [1. С. 61].

Неужели действительно так? Продолжим автореферат диссертации И. Ю. Махотиной. В свое исследование И. Ю. Махотина ввела раздел о мистификациях. Начинает она с текстов, которые ученые единодушно считают обманом. Список открывает мошенничество Елисеева-Кунавина (т.е. публикация от имени несуществующего этнографа). Далее упомянут Х. фон Влислюцкий (который выдавал сочиненные сказки за полевые записи). А в finale в этот позорный ряд включена обсуждаемая книга: «Анализ публикации архива И. М. Андрониковой показал, что в сборнике «Язык цыганский весь в загадках» (2006), содержащий 13 140 текстов, воспроизводятся не полевые записи, а материалы В. Н. Добровольского, А. Н. Куна и др.» [8. С. 8].

Что это, как не нападки лично на И. М. Андроникову? Во-первых, ее имя

|| Обзоры, рецензии

стоит в одном ряду с именами одиозных фигур. Во-вторых, перед нами утверждение, будто в архиве Андрониковой вообще нет полевых записей. А ведь это — легко разоблачаемая ложь. В предисловии к книге Андрониковой перечислены фамилии информантов [6. С. 12]. Более того, до сих пор живы свидетели ее работы в цыганских семьях [3. С. 145]. В-третьих, И.Ю. Махотина утверждает, будто под видом полевых записей воспроизведены тексты Добровольского, Куна и неких неназванных авторов. Это — обвинение честного человека в подлоге. Наконец, в своей статье И.Ю. Махотина называет то, что собрала И.М. Андроникова, «фiktивным источником» и «масштабной мистификацией» [9. С. 113].

В понимании О.А. Абраменко всё перечисленное отнюдь не порочит доброе имя ленинградской собирательницы. Откровенное глумление теперь называется «спокойным и честным анализом»! А если бы та же методика была применена против самой О.А. Абраменко? Представим, что ее фамилия поставлена в один ряд с разоблаченными мошенниками. Представим также, что ее полевая работа отрицается, а этнографическая книга [2] объявлена подделкой. Наверняка это было бы воспринято как личное оскорбление.

Отличие состоит в том, что О.А. Абраменко и сама смогла бы себя защитить, а за покойную Ингу Михайловну пришлось вступиться автору этих строк. В результате он выслушивает в свой адрес резкую критику.

Читаем дальше: «Никто не ставит под сомнение труд публикатора архива С.В. Кучепатовой...» Так ли? Сомнения в ключевых тезисах С.В. Кучепатовой выразила сама О.А. Абраменко.

Опираясь на текст предисловия, мы рассказали в прошлой публикации, что архив создавался группой лиц начиная с 1930-х гг. [3. С. 137]. Однако О.А. Абраменко пишет, будто всё это «ничем не подтверждено. По некоторым свидетельствам, карточки И.М. Андрониковой переписывала ее тетя. И только» [1. С. 61].

И только? Разве не пояснила в предисловии С.В. Кучепатова: «Известно, что цыганский фольклор собирали мама и тетя Андрониковой? И разве не было рассуждений публикатора о том, что в пользу существования ранних записей говорят такие персонажи поговорок, как урядник, городовой, околоточный, становой и т.д. [6. С. 9, 10]?

Что за формальный подход? Официальных подтверждений полевой работы не имел никто из дореволюционных авторов. Между тем лингвисты методично анализируют записи М.Григорьева (1851), К.Голодникова (1879), М.Доловко-Сильвестровича (1889) и прочих любителей. И уж конеч-

но будет крайне затруднительно через 70 лет подтвердить бумагой с печатью работу в цыганских семьях Н.В. Бессонова, О.А. Абраменко, К.А. Кожанова и прочих современных цыгановедов.

Отчего такое недоверие к сведениям из предисловия публикатора? Известно, что С.В. Кучепатова из осторожности и щепетильности написала гораздо меньше, чем узнала от свидетелей. Но за опубликованный минимум она отвечает своей незапятнанной репутацией.

КУДА ДЕЛСЯ УКРАДЕННЫЙ АРХИВ?

О.А. Абраменко задает вопрос: «Исключительно любопытно, чем был пресловутый « обыск », во время которого якобы были изъяты² основные части наследия И.М. Андрониковой... Н.В. Бессонов предполагает, что обыск был инсенирован некими «коллегами», ибо только для них представляли интерес фольклорные записи. Но где же тогда эти коллеги, присвоившие собранный И.М. Андрониковой фольклор? Где их публикации? Где 600 песен? Где более 100 сказок?» [1. С. 62, 63].

Мир цыгановедения тесен. Ответ на эти вопросы О.А. Абраменко много лет назад получила от автора данной статьи. Нас хотят спровоцировать на публикацию с подробностями? Это исключено. Поскольку в данном сюжете есть криминальная составляющая, она может быть раскрыта либо в рамках законного расследования, либо внутри профессионального сообщества.

АНАЛИЗ ПАРАЛЛЕЛЕЙ: ОГРАНИЧЕНИЯ МЕТОДИКИ

Вернемся к научным вопросам. Как уже поняли читатели, основной способ поставить под сомнение материалы И.М. Андрониковой — это поиск параллелей с дореволюционной публикацией В.Н. Добровольского [5]. В.В. Шаповал уверяет нас, что И.Ю. Махотина «прощудировала вдоль и поперек» книгу «Язык цыганский...» [11. С. 59]. Если так, то почему в статье, послужившей поводом для дискуссии, она привела из данного издания так мало примеров? Поставив себе целью «разоблачение мистификации», И.Ю. Махотина нашла всего 11 поводов для конкретного обсуждения. Да и то 6 из них ей пришлось взять вовсе не из коллекции афоризмов, а из авторских сказок И.М. Андрониковой [9. С. 113–116]. На основании столь серьезного «анализа» была объявлена фальсификацией вся обсуждаемая коллекция. А ведь было рассмотрено всего 0,08% материала!

В.В. Шаповал пишет: «Возможно, и 300 таких примеров кого-то не убедят» [11. С. 58]. Что ж, даже 300 параллелей (цифра явно завышенная) составят всего лишь 2,3% от 13 140 фраз. Выражаясь метафорой коллеги, чер-

вонного золота здесь увесистый слиток, а «фальшивое золото» приходится искать по крупицам.

Кстати, не стоит преувеличивать значение похожих фраз. Цыганские диалекты содержат всего по 3 тысячи слов. При таком скромном лексическом запасе фразы, близкие к образцам В.Н. Добровольского, можно при желании вычленить из любого объемного русско-цыганского текста. Настоящего plagiarismа (с дословным совпадением) нам до сих пор никто не предъявлял. А возможные причины внешнего сходства мы уже обсуждали ранее [3. С. 140; 4. С. 65, 66].

Теперь о будущем. Мы заранее согласны «отбраковать» все фразы, имевшие несчастье оказаться хоть отдаленно похожими на записи Добровольского. Столь объемная коллекция не сильно обеднеет — зато формальных поводов для отторжения не останется. Но отметим при этом, что даже для И.Ю. Махотиной совпадения не имеют доказательной силы. Приведем пример. В одной из своих публикаций по фольклору [7. С. 299–319] тверской литератор видел анализирует две действительно близкие фразы. Первая из книги всё того же В.Н. Добровольского. Вторая — из фольклорной коллекции Е.Муравьёвой (собранной в начале 1940-х гг.).

Джид' аваса, нам'раса ... и шукар паса тэ живас (Живы будем, не умрем и хорошо будем жить).

Джид' аваса, канна на мэрасса и шукир сарэ задживаса (Живы будем, когда не умрем, и хорошо все заживем).

Здесь сходство действительно налицо. Объявлена ли на этом основании «фiktивным источником» коллекция Е.Муравьёвой? Естественно, нет. В данном случае И.Ю. Махотина задачу «разоблачения» предшественницы себе не ставила. Поэтому сделан следующий вывод: «...фрагмент может быть текстовым клише, привнесенным в оба этих текста из общего источника, возможно, плясовoy песни». То есть сходство есть, но никакого «криминала» в этом не усматривается. Согласимся с взвешенным подходом. Хорошо было бы применить такое же уважение к материалам И.М. Андрониковой.

Обратим внимание читателей на то, что прекрасно известно цыгановедам. Сборник Добровольского — это 80 страниц крупным шрифтом. Поговорки в сборнике «Язык цыганский» — это 585 страниц мелким шрифтом. При таком соотношении объемов невозможно говорить о сколько-нибудь серьезном влиянии дореволюционной публикации на коллекцию Андрониковой. Да и по тематике две книги не сходны. Первая — об оседлых цыганах, вторая — о кочевых.

Таким образом, всё зависит от задачи, которую ставит перед собой исследо-

дователь. Можно и далее упорно искать пресловутые «300 параллелей». Но если бы В. В. Шаповал задался целью перечислить фразы, которые: а) точно отражают цыганскую жизнь, б) не имеют аналогов в ранней литературе и в) записаны без грамматических ошибок, счет сразу же пошел бы не на единицы, а на тысячи. Если же добавить образцы, в которые по техническим причинам вкрались незначительные искажения, объем качественного материала сразу же удвоится³.

К слову сказать, мы все уважаем В. В. Шаповала за его труды по реконструкции цыганских фраз, которые были записаны старинными любителями. Здесь лингвиста не смущали даже самые чудовищные ошибки. Профессионал способен восстановить изначальное звучание в, казалось бы, безнадежных случаях. С книгой «Язык цыганский весь в загадках» таких усилий не потребуется. Большинство дефектов сводится к неправильной расшифровке почерка или к падежным окончаниям, неточно записанным на слух.

Теперь нам остается ждать обещанной публикации В. В. Шаповала (см. [11. С. 58]). Если мы увидим лишь педантичное перечисление «сомнительных» афоризмов, то объективным такой анализ не будет. Выражаем надежду, что автор оценит источник в целом. С оговоркой, что процент параллелей ничтожен, а достоверные по любым параметрам фразы исчисляются тысячами, читатели не будут введены даже в невольное заблуждение.

ОЖИДАЕМАЯ СУДЬБА КОЛЛЕКЦИИ АФОРИЗМОВ

Надежды И. Ю. Махотиной вывести сборник из научного оборота провалились. Но как будет использован этот корпус текстов?

О. А. Абраменко дает совет коллегам из смежных отраслей: «...как лингвистический, фольклорный и этнографический источник собрание “афоризмов” проще не использовать, чем использовать...» [1. С. 62].

Проще? Может быть. Но разве наука создана для поиска легких путей?

И разве можно согласиться с перечнем областей, в которых материалы И. Ю. Андрониковой предлагаются не привлекать? Допустим, по поводу лингвистики мы не выражали бы особого протеста. Специалистов, способных дать грамотную экспертизу фраз на русско-цыганском диалекте, можно перечислить по пальцам одной руки. Но именно этнографическая информация здесь восхищает правдивостью. Мы уже говорили — и повторим еще не раз: архив достоверно отражает кочевой быт и отношения в цыганской семье. Кроме того, это окно в мир цыганской истории. Если требуется проиллюстрировать социальные перемены, которые произошли с начала XX в. до эпохи Гагарина, то лучшего подспорья не найти. Здесь не только устойчивые выражения, но и фразы, сказанные по конкретным поводам. Достаточно сделать оговорку, что с лингвистической точки зрения некоторые цыганские фразы нуждаются в правке.

Примечания

¹ Ответ на которые будет дан в ином месте.

² Что означает это «якобы»? Ничего не было изъято? Публикатор разъясняет, что И. М. Андроникова обращалась в различные издательства, Отдел науки ЦК КПСС и Совет Министров РСФСР с просьбой разрешить издание четырех этнографических книг. С такими серьезными инстанциями не шутили.

³ Вопрос о фразах, изначально сказанных цыганами по-русски, уже разбирался ранее. Эта часть коллекции также достоверна.

Литература

1. Абраменко О. А. К полемике вокруг цыганского архива И. М. Андрониковой // ЖС. 2014. № 1. С. 61–63.
2. Абраменко О. А. Очерки языка и культуры цыган Северо-Запада России (русская и лотфитка рома). СПб., 2006.
3. Бессонов Н. В. Цыганский архив И. М. Андрониковой // Традиционная культура. 2013. № 2. С. 137–147.

4. Бессонов Н. В. Цыганский архив И. М. Андрониковой: мистификация или достоверный источник? // ЖС. 2013. № 3. С. 64–66.

5. Добровольский В. Н. Киселевские цыгане. СПб., 1908. Вып. 1.

6. Кучепатова С. В. От составителя // Язык цыганский весь в загадках: Народные афоризмы русских цыган из архива И. М. Андрониковой. СПб., 2006.

7. Махотина И. Ю. О чём поет цыганская «дочка пташка»? // А. М. Смирнов-Кутаческий: личность и научное наследие: Материалы и исследования. Тверь, 2008. С. 299–319.

8. Махотина И. Ю. Цыгане и русская культура: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2011.

9. Махотина И. Ю. Фиксация и изучение фольклора русских цыган в XIX–XXI веках // Традиционная культура. 2012. № 3. С. 108–119.

10. Смирнова-Сеславинская М. В. Текстовые источники изучения языка и культуры цыган России — краткий обзор публикаций // Журнал социологии и социальной антропологии. СПб., 2012. Т. XV. № 4 (63). С. 188–200.

11. Шаповал В. В. Книга «Язык цыганский весь в загадках»: продолжение дискуссии // ЖС. 2014. № 1. С. 58–60.

12. Шаповал В. В. Харкуно совнакай: «фальшивое золото» вторичных источников // 8th International Conference on Romani Linguistics. (4–6 Sept. 2008. St. Petersburg). St. Petersburg, 2008. P. 55–56.

13. Язык цыганский весь в загадках: Народные афоризмы русских цыган из архива И. М. Андрониковой / Сост., подгот. текстов, вступ. ст. и справ. аппарат С. В. Кучепатовой. СПб., 2006.

Н. В. Бессонов,
независимый
исследователь (Москва)

В связи с развернувшейся на страницах журнала дискуссией о судьбе наследия И. М. Андрониковой отмечаем, что мнение редакции может не совпадать с мнениями авторов опубликованных материалов.

НОВОЕ ИЗДАНИЕ ЛИТОВСКИХ СКАЗОК НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Литовские народные сказки / Сост. Б. Кербелите. — М.: Форум; Неолит, 2015. — 416 с.

Ранее русскоязычные читатели имели возможность познакомиться с литовскими сказками лишь благодаря двум популярным переводным сборникам, один из которых издан в 1930 г., второй — в 1965 г. [8; 7]. И вот перед нами третья, и первое научное, издание литовских сказок на русском

языке, подготовленное замечательным специалистом по народной прозе литовской исследовательницей фольклора Брониславой Кербелите.

В нынешнее собрание вошли 154 текста. В сборнике публикуются как известные сюжеты, так и редко встречающиеся сказки, 80 текстов взято из

рукописных источников, находящихся в Ханилище рукописей литовского фольклора Института литовской литературы и фольклора и в Отделе рукописей библиотеки Вильнюсского университета, остальные — из литовских научных публикаций. Глобальная задача — представить в полном виде литовский сказочный репертуар — не ставилась в силу обилия материала, поэтому сборник ограничен двумя типами сказок, которые считаются одними из самых архаичных¹: это сказки о животных и волшебные. В сборник включены варианты одного и того же сюжета, которые демонстрируют вариативность фольклора.

|| Обзоры, рецензии

Принципиальной позицией переводчика и публикатора (сказки перевела Б. Кербелите, редактор перевода — известный фольклорист Ю. А. Новиков) было минимальное редакторское вмешательство в тексты. Все вставки, дополняющие исходные рукописные тексты или расшифровки интервью, отмечены курсивом и даны в квадратных скобках. В тех случаях, когда необходимо было переводить некоторые устаревшие языковые формы, не имеющие аналогов в русском языке, в сносках дается литовский оригинал с необходимыми лингвистическими пояснениями (например, употребление глагола в настоящем времени вместо повелительного наклонения — в смоделированном сказкой заговорном тексте, где девушка заклинает дерево стать толще, тем самым нивелируя усилия антагониста, пытающегося это дерево сгребрьст, ‘становишься’ вместо ‘становись’: ‘*Rietu, parietu* *«...» rietu* — Становишься толще, толще *«...»* толще», с. 95). Также отдельно комментируются имена собственные, звукоподражания и другие слова, которые невозможно перевести дословно, например: «Чююкелис — от слова *čiuožti* (кататься на санках/коньках)» (с. 134) или: «Жак — междометие, выражает быстроту падения или удара» (с. 193).

Тексты в сборнике расположены в соответствии со структурно-семантической классификацией сказок, автором которой является Б. Кербелите. Так, волшебные сказки разделены на две основные группы: «Отношения с чужими и с родичами», «Испытания». Третья группа — «Формирование сложных сюжетов» — дополнительная и включает по несколько сложных вариантов сюжетов «Муж-уж» (ATU 425M), «Братец и сестра» (ATU 405, 450), «Братья и ведьма» (ATU 300 + 303), «Ученик колдуна» (ATU 325) и почему-то только один текст на сюжет «Конек-помощник» (ATU 531 + 327B).

Отметим, что сборник содержит удивительно большое количество сказок с ритмизованными вставками, где герои и антиподы поют, причитают, закликают и т.п.:

Дед точит ножичек,
Баба моет корытце —
Зарежет, зарежет Медведка... (с. 63);

Меня батюшка зарезал, зарезал,
Лауме-ведьма съела, съела,
Кости в окно выбросила, выбросила...
(с. 130).

Всего 40 текстов из 154 в данном сборнике включают различные ритмизованные вставки (сказки на сюжеты AT 122L*, 159, 163, 212, 312, 313, 314B, 327C, 327F, 400, 405, 425M, 450, 451A, 480, 500, 511, 707, 720, 720B, 780, 883D*). Эти кон-

струкции довольно устойчивы; соответствия им обнаруживаются в различных национальных версиях одного сюжетного типа, например «Можжевельник» (ATU 720) или сюжет типа «Леноры» (ATU 365): возникает даже соблазн более детально говорить о генетической связи сказок такого типа².

Иногда встречаются и сказки с этиологическим толкованием в finale. Замечательна в этом отношении сказка № 93 «Про лауме-ведьму», в которой братья наказывают ведьму, приклеивая ее дегтем к коню; конь бегает по полю, раздирает лауме на мелкие кусочки: «Теперь в память об этом зимой, когда снег на солнце блестит, люди, которые знают со старины этот случай, говорят, что это блестит жир лауме, который конь разбросал по всем полям. Все» (с. 209).

Каждый текст в сборнике снабжен отсылкой к указателю типов народных сказок [4], который отличается глубиной семантической проработки сказочного материала и общей структурной целостностью, и к международному указателю сюжетов AT³.

Б. Кербелите справедливо полагает, что любое народное повествование можно представить в виде одного или нескольких элементов. Элементом, удобным для анализа, оказывается не большой сюжет, а единица несколько иного уровня — элементарный сюжет, который состоит, прежде всего, из столкновения героя с противником из-за материального или нематериального объекта. Сходные элементарные сюжеты объединены в структурно-семантические типы, записанные метаязыком, больше похожим на команду программирования. Запись таким абстрактным языком показывает, что сказки на два, казалось бы, разных сюжета оказываются структурно и семантически тождественны. Вот две сказки. Одна про портного, который избивает волка так, что тот становится голым, затем волк приводит стаю, чтобы расквитаться, волки лезут на дерево, где сидит герой, он кричит: «Кому я дам, тому я дам, а голому так дам!» (с. 42–43), голый волк пугается и убегает, остальные падают с дерева, портной спасается (AT = ATU 121 «Волки взбираются один на другого»). Другая — «За добро платят злом» (AT = ATU 155 «Неблагодарная змея возвращена в ловушку»). В ней человек вытаскивает из ямы ужа, который обвивается вокруг его шеи и душит. Человек жалуется животным, те отвечают: «Так на свете за добро платят!» (с. 43–45). Только лиса помогает человеку освободиться, а человек убивает лису. Основной элементарный сюжет здесь связан с противником, чьи первоначальные намерения убить героя нарушаются благодаря хитрости или умением самого героя и/или других персонажей. По указателю Кербелите оба этих

текста относятся к типу 1.1.1.19 «Герой добивается уменьшения возможностей антипода».

Нельзя не отметить удобство справочного аппарата издания: паспортные данные текста и комментарии к сюжету даны сразу после текстов, а не в конце книги, что позволяет сразу узнать про тот или иной сюжет и текст. В комментариях к сказкам сообщаются имя и возраст информанта, место и время записи, имя собирателя, источник оригинального текста — данные рукописи из архива либо печатного издания. Также указано число вариантов каждого текста (подразумеваются варианты, учтенные в Каталоге литовского повествовательного фольклора⁴) и описаны его основные варианты. Так, о сказке № 65 «Кузнец и черт» сказано: «Имеется 163 варианта. Кузнец принимает на noctleg нищего / отдает хлеб старику / подковывает коней Бога и святых и за это получает возможность сделать так, чтобы кто-либо привил к его наковалне/дереву. Иногда кузнец отказывается просить у Бога неба. Поэтому после смерти его не пускают на небо. Он бросает туда свою шапку/фартук, заходит на небо за своим предметом и остается там» (с. 148).

Отдельную ценность представляют собой Введение (с. 8–30), в котором излагается краткая история собирания и изучения сказок в Литве и объясняются авторские структурно-семантические методы анализа сказочных текстов Б. Кербелите.

Выскажем несколько замечаний к изданию.

Несколько дезориентирует большой временной охват текстов, объединенных сборником: здесь приведены записи с конца XIX в. (1880-е гг.) до второй половины XX в. (1970-е гг.). Несмотря на то что почти везде указана дата записи текста, в комментариях к некоторым особенно интересным текстам она отсутствует, и непонятно, зафиксировано ли время записи этой сказки в архиве или нет. Когда мы видим литовскую сказку, похожую на русскую («Лиса-кума», № 19, с. 55–56), хочется понять, записана ли она в конце XIX в. (и тем самым принадлежит литовской традиции) или в середине XX в., когда сборники сказок на русском языке были доступны для чтения большинству рассказчиков.

Не совсем понятно в комментариях к текстам отсутствие части номе-ров сказочных типов по AT либо замена их знаком дефиса: вероятно, это произошло по недосмотру. Например, без соответствия международным указателям остаются сюжет «[Похороны ведьмы]»⁵: K⁶1.1.14. / AT (с. 117, № 50); его можно опознать в сюжете «Девушка, встающая из гроба», AT = ATU 307) и сюжет сказки № 61 «Ведьма и Лукошюка»: K 1.1.1.19. / AT -: ведьма, пытаясь приманить мальчика, имити-

руя голос его матери, лишается глаза, ноги, руки, языка, затем головы (с. 141; сп. «Ведьма и рыбакский сын», АТ = ATU 327 F)⁷. Собственно, таких лакун могло быть меньше, а справочный аппарат мог бы стать более фундаментальным, если бы в конце сборника помещалась сводная таблица, где номера сказок, опубликованных в сборнике, соотносились бы с номерами сюжетов по АТ или ATU.

Благодаря книге Б. Кербелите читатели наконец-то получили возможность детально ознакомиться с реальными текстами, а не только с их описаниями (такая ситуация сложилась с некоторыми, если не сказать со многими, фольклорными архивами; приведем один показательный пример: большинство текстов финских мифологических рассказов, сюжеты которых описаны в указателях [12; 13], не опубликованы и есть только в архивах).

«Литовские народные сказки» вышли в издательстве «Форум», которое, как мы надеемся, будет и дальше радовать исследователей новинками в области фольклористики и культурной антропологии⁸.

Примечания

¹ См. об этом, например: [10. С. 353–356; 9].

² См., например, итальянскую (*Soreliina mia, Coltello ammolato. Secchio preparato, Mi vogliono ammazare*) и другие сказки с ритмизованными вставками, упомянутые в связи с проблемой распространения сказочных сюжетов в прекрасной работе В. М. Жирмунского [2].

³ Б. Кербелите не использует более позднюю, расширенную и переукомплексованную версию указателя, подготовленного Х. Й. Утером (ATU), считая, вероятно, более раннюю систему Аарне (АТ) более удобной. В рецензии мы будем использовать и АТ и ATU, отмечая,

где это встречается, совпадения номеров знаком равенства.

⁴ Картотека находится в Институте литовской литературы и фольклора Академии наук Литвы, создана автором рецензируемой книги, включает более 85 тысяч рукописных и опубликованных вариантов, охватывает период с 1835 по 1982 г.

⁵ В квадратных скобках в книге приведены названия, предложенные составителем сборника.

⁶ В тексте шифр указателя Б. Кербелите «Типы народных сказок. Структурно-семантическая классификация литовских народных сказок» — К — отсутствует.

⁷ Сюжеты сказок без соответствий в АТ и ATU: № 1, 50, 61, 63, 86, 87, 88, 135, частично 140.

⁸ В этом издательстве в последние годы публиковались и другие фольклорные сборники [1; 3; 6; 5; 11].

Литература

1. У истоков мира: Русские этиологические сказки и легенды / Сост. и comment. О. В. Беловой, Г. И. Кабаковой. М., 2014.

2. Жирмунский В. М. К вопросу о международных сказочных сюжетах // Жирмунский В. М. Фольклор Запада и Востока: Сравнительно-исторические очерки. М., 2004. С. 435–444.

3. Знатки, ведуны и чернокнижники: колдовство и бытовая магия на Русском Севере / Сост., подгот. текстов, вступит. ст.: Н. А. Бирюкова, А. С. Васькина, П. С. Задорожный, В. А. Комарова, Ю. В. Ляхова, А. Б. Мороз, О. А. Окунева, Н. В. Петров, Е. Б. Рабей, А. А. Скулачев; Предисл., узатели, коммент., карта: А. Б. Мороз, Н. В. Петров. М., 2013.

4. Кербелите Б. Типы народных сказок. Структурно-семантическая классификация литовских народных сказок. Ч. 1–2. М., 2005.

5. Ключева М. А. Народные подвижные детские игры: Современный фольклорный сборник. М., 2014.

6. Корепова К. Е. Русская лубочная сказка. М., 2012.

7. Королева-лебедь / Сост. А. Лебите. Вильнюс, 1965.

8. Литовские народные сказки / Пер. Ф. Шуравина. Рига, 1930.

9. Мелетинский Е. М. Миф, сказка, эпос // Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М., 2000. С. 262–276.

10. Протт В. Я. Русская сказка. М., 2005.

11. Русские волшебные сказки / Сост. и comment. К. Е. Кореповой. М., 2015.

12. Симонсуури Л. Указатель типов и мотивов финских мифологических рассказов. Петрозаводск, 1991.

13. Jauhainen M. The type and motif index of Finnish belief legends and memorates: Revised and enlarged edition of Lauri Simonsuuri's Typen- und Motivverszeichnis der finnischen mythischen Sagen (FFC; №. 182). Helsinki, 1998 (FFC; №. 267).

Сокращения

AT — The types of the folktale: A classification and bibliography. Antti Aarne's Verseichnis der Marchentypen / Transl. and enlarged by S. Thompson. Helsinki, 1961. (FFC; №. 184).

ATU — Uther H.-J. The types of international folktales: A classification and bibliography. Based on the system of Antti Aarne and Stith Thompson. Helsinki, 2004. (FFC; №. 284–286).

FFC — Folklore Fellows Communications.

Н. В. Петров, канд. филол. наук

Н. С. Петрова,
аспирантка,
Российский гос.
гуманитарный ун-т (Москва)

Работа написана в рамках проекта ЦТСФ РГГУ «Тексты и практики фольклора как модель культурной традиции: сравнительно-типологическое исследование» (грант РНФ, № 14–18–00590).

АВТОРЕФЕРАТЫ ДИССЕРТАЦИЙ ПО ЭТНОГРАФИИ, ФОЛЬКЛОРУ, ЭТНОЛИНГВИСТИКЕ, ЗАЩИЩЕННЫХ В 2014 Г.

Абдулаева З. Э. Этнокультура Дагестана: антропологические аспекты: Автореф. дис. ... канд. философ. наук. — СПб., 2014. — 20 с.

Бычков Д. В. История исполнительства на русских народных музыкальных инструментах в Курском крае: конец XIX — начало XXI в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Курск, 2014. — 26 с.

Баравина Г. Н. Концепт души в традиционном мировоззрении тунгусо-язычных народов Якутии: традиции

и современность: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Якутск, 2014. — 24 с.

Батолина Ю. В. Гостеприимство как антропологический феномен: Автореф. дис. ... докт. философ. наук. — СПб., 2014. — 45 с.

Гагиева Н. Г. Узорное вязание коми (зырян) конца XIX — начала XXI в. в контексте традиционной культуры: Автореф. дис. ... канд. искусствоведения. — Саранск, 2014. — 23 с.

Галимова Э. М. Традиционная музыкальная культура пермских татар:

Автореф. дис. ... канд. искусствоведения. — Казань, 2014. — 26 с.

Голембовская Н. Г. Лингвокультурные антиномии в русских и литовских паремиях: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Волгоград, 2014. — 26 с.

Головин А. С. Лингвокультурный концепт «родство» в английских, немецких и русских паремиях: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 2014. — 23 с.

Девицкая Е. Н. Цветовая характеристика мира в лексике русских и немецких народных сказок: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Курск, 2014. — 17 с.

Егоров С. Б. Традиционная культура южных вепсов: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — СПб., 2014. — 32 с.

Зыкова И. В. Роль концептосферы культуры в формировании фразеологизмов как культурно-языковых знаков: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. — М., 2014. — 52 с.

|| Обзоры, рецензии

- Ильина Е. В.** Концепт *Белое море* в языковом сознании поморов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Архангельск, 2014. — 17 с.
- Каранов Д. П.** Этнокультурное развитие ингерманландских финнов в конце XIX — 20-х гг. ХХ в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — СПб., 2014. — 22 с.
- Кашлатова Л. В.** Женские божества и духи в фольклоре и обрядовой практике среднеобских хантов: Автореф. дис. ... канд. культурологии. — Саранск, 2014. — 18 с.
- Ким Е. В.** Корейцы Сибири: этносоциальные, этнополитические процессы XX—XXI вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Новосибирск, 2014. — 33 с.
- Кобзарева Н. И.** Эволюция мира старости в крестьянской среде в 50 гг. XIX в. — 1917 г.: по материалам губерний Центрального Черноземья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Белгород, 2014. — 23 с.
- Косинова Л. В.** Китайский комический дискурс: на примере жанров «сяншэн», «куайбань», «санекдот»: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Волгоград, 2014. — 21 с.
- Кремшокалова М. Ч.** Когнитивно-дискурсивная модель малых жанров устной речи: на материале благопожеланий и проклятий: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. — Нальчик, 2014. — 39 с.
- Кривошлыкова М. В.** Стереотипы восприятия «чужого»: на примере русско-башкирских контактов на Южном Урале: Автореф. дис. ... канд. культурологии. — Екатеринбург, 2014. — 22 с.
- Майны Ш. Б.** Народные игры в традиционной праздничной культуре тувинцев: историко-культурологический анализ: Автореф. дис. ... канд. культурологии. — Кемерово, 2014. — 23 с.
- Михайлова А. А.** Музикальный феномен в социокультурном пространстве полигэтнического региона: саратовская гармоника в Поволжье: Автореф. дис. ... докт. искусствоведения. — Саратов, 2014. — 50 с.
- Мнацаканян Л. А.** Тембраакустическая модель как инструмент исследования фольклора и композиторского творчества: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Ростов-на-Дону, 2014. — 26 с.
- Мусанова С. С.** Русский фольклор в традициях прилужских коми: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — СПб., 2014. — 26 с.
- Нехай С. М.** Художественно-поэтическое своеобразие жанров лирической песни в устном творчестве адыгов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Майкоп, 2007. — 22 с.
- Норбоева Т. Б.** Этническая мода в современном костюме бурят: культурологический анализ: Автореф. дис. ... канд. культурологии. — СПб., 2014. — 21 с.
- Петрова В. А.** Эпическая традиция эвенов в контексте духовной культуры и быта кочевого народа: конец XIX — начало XXI в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — М., 2014. — 34 с.
- Радзецкая О. В.** Музыкальное искусство Мордовии как этнокультурный феномен: Автореф. дис. ... докт. искусствоведения. — Саранск, 2014. — 55 с.
- Рахимов К. С.** Таджикская версия эпоса «Гуругли» в традициях школы Хикмата Ризо: Автореф. дис. ... канд. искусствоведения. — М., 2014. — 25 с.
- Резниченко Е. Б.** Свадебная притча Поморья как система локальных традиций: Автореф. дис. ... канд. искусствоведения. — М., 2014. — 26 с.
- Самбуру М. В.** Открытка в контексте культуры: атрибуция, научное описание, экспонирование: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — М., 2014. — 28 с.
- Сафонова Н. А.** Традиционный русский свадебно-обрядовый комплекс в культуре Южного Урала: Автореф. дис. ... канд. культурологии. — Саранск, 2014. — 25 с.
- Сафьянова М. А.** Традиционный русский быт в языковой картине мира: на материале паремий с наименованиями орудий труда и предметов домашней утвари: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Тюмень, 2014. — 29 с.
- Сидорова М. Б.** Когнитивный аспект формульности в эпическом дискурсе: фреймовый подход: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 2014. — 25 с.
- Сомаев Татиан.** Лексико-семантические особенности персидских пословиц: с привлечением материала из арабского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Душанбе, 2014. — 20 с.
- Суторова А. С.** Погребальная обрядность бурят: конец XIX — начало XXI в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Улан-Удэ, 2014. — 26 с.
- Султанова А. М.** Орнаментальный декор в традиционном искусстве народов Северного Кавказа (карачаевцев и балкарцев): Автореф. дис. ... канд. искусствоведения. — М., 2014. — 26 с.
- Толмачева А. Ю.** Миграционные процессы у российских немцев Оренбургской области: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — М., 2014. — 32 с.
- Фильчиков С. С.** Проблемы трансформации традиционной культуры индейцев североамериканских прерий под влиянием европейской цивилизации: Автореф. дис. ... канд. культурологии. — СПб., 2014. — 17 с.
- Французов Д. А.** Костюм тюрksких кочевников лесостепного Поволжья VII—X вв.: к проблеме выделения этнокультурных групп: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Казань, 2014. — 21 с.
- Хокон С. И.** Этнокостюм в современной культуре адыгов: этнокультурные аспекты: Автореф. дис. ... канд. культурологии. — Саратов, 2014. — 20 с.
- Хохлачёва М. В.** Свадебная музыкально-этнографическая традиция северных районов саратовского Поволжья: Автореф. дис. ... канд. искусствоведения. — Саратов, 2014. — 26 с.
- Хэмлет Т. Ю.** Сюжет волшебной сказки *Чудесные дети* [СУС 707; АТУ 707] в сравнительно-типологическом освещении: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 2014. — 18 с.
- Чанба Н. В.** Героическая хоровая песня абхазов: Автореф. дис. ... канд. искусствоведения. — Саратов, 2014. — 22 с.
- Шведов М. Н.** Чайная культура китайцев: истоки и эволюция: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Томск, 2014. — 23 с.

Материал подготовила
О. В. Трефилова,
Ин-т славяноведения РАН (Москва)

ВСЕРОССИЙСКОЕ СОВЕЩАНИЕ О МОНИТОРИНГЕ ФОЛЬКЛОРНЫХ ТРАДИЦИЙ И МЕРАХ ПО СОХРАНЕНИЮ ФОЛЬКЛОРА

Министерство культуры Российской Федерации совместно с Государственным республиканским центром русского фольклора (ГРЦРФ) 25 марта 2015 г.

провели Всероссийское совещание о мониторинге фольклорных традиций и мерах по сохранению фольклора.

С приветственным словом к участникам совещания обратилась замести-

тель директора Департамента государственной поддержки искусства и народного творчества Министерства культуры РФ Е. Ю. Занина. Она отметила, что мониторинг фольклорных традиций является одной из наиболее актуальных задач, поставленных перед работниками культуры обществом и государством, и пожелала удачной работы всем собравшимся.

Совещание открыл и.о. генерального директора ГРЦРФ А. В. Ефимов. Он отметил, что идея проведения мониторинга состояния традицион-

ной культуры в регионах Российской Федерации была высказана сотрудниками ГРЦРФ несколько лет назад, когда специалисты по фольклору и традиционной культуре начали активно обсуждать конкретные меры по охране объектов нематериального культурного наследия. Центр русского фольклора не мог оставаться в стороне от этой важной и актуальной работы и внес ряд предложений, способствующих изучению состояния фольклорных традиций. В выступлении говорилось о том, что работа по актуализации фольклорного наследия возможна только тогда, когда понятно, в каком объеме и в каких формах существуют данные явления народной культуры. Этот проект рассматривается ГРЦРФ как совместная деятельность специалистов в разных областях науки, научно-исследовательских, научно-организационных и научно-методических организаций, связанных с традиционной культурой и фольклором. Он охватывает территорию всей Российской Федерации и поэтому не может быть осуществлен одним учреждением даже федерального подчинения. Подобная работа должна курироваться Департаментом государственной поддержки искусства и народного творчества Министерства культуры Российской Федерации, а Центр русского фольклора готов координировать деятельность региональных центров.

Е. А. Дорохова (Москва) в своем докладе указала на то, что многие организации заявили о своем участии в мониторинге фольклорных традиций, но, к сожалению, в настоящее время они столкнулись с проблемой отсутствия единой программы и единых стандартов проведения подобного исследования. Ближе других к осуществлению данной задачи стоят ученые разных народоведческих специальностей (этнографы, этномузыковеды, фольклористы, антропологи, этнохореологии и т.д.), которые занимаются изучением традиционной культуры и фольклора, осуществляя фронтальное экспедиционное обследование отдельных территорий России. Докладчица отметила, что мониторинг близок к другим программам по сохранению и актуализации фольклора, таким, как Единый электронный реестр фольклорных коллекций и Каталог объектов нематериального культурного наследия народов России (оба проекта в 2014 г. осуществлялись ГРЦРФ).

Результаты первичного мониторинга фольклорных традиций коренных народов Республики Татарстан представила **Ф. Х. Завгарова** (Казань). Работа началась в 2013 г.; к настоя-

щему моменту можно говорить о некоторых результатах исследования и о проблемах, с которыми столкнулись исследователи. Особое внимание в докладе было сосредоточено на работе в полигэтническом регионе и необходимости подготовки специалистов, владеющих знаниями о фольклоре и традициях разных народов Татарстана.

А. Н. Власов (Санкт-Петербург) в своем выступлении отметил, что большое значение в подготовке программ для мониторинга фольклорных традиций того или иного региона имеют работы энтузиастов-краеведов, но в то же время предостерег от некритичного отношения к результатам их труда.

М. А. Енговатова (Москва) указала на то, что фольклорные архивы являются местом сосредоточения информации о состоянии народной культуры, и привела в качестве примера звуковой архив РАМ им. Гнесиных, материалы которого отражают изменение состояния многих региональных традиций на протяжении нескольких десятилетий.

Отметив, что в настоящее время мы фиксируем разрушение фольклорной культуры многих регионов России, **А. В. Кулёв** (Вологда) предложил обратить внимание на работу региональных центров традиционной культуры и рассмотрел их деятельность на примере Вологодской области.

Т. С. Рудиченко (Ростов-на-Дону) проанализировала современное состояние традиционной культуры Ростовской области и выявила тенденции изменений, которые происходят в этом сложном многонациональном и многоконфессиональном регионе. Она отметила необходимость учитывать переселенческие потоки, оказывающие существенное влияние на трансформацию народной культуры.

Основываясь на результатах экспедиций преподавателей и студентов Санкт-Петербургской государственной консерватории, **Г. В. Лобкова** (Санкт-Петербург) отметила стремительное угасание фольклорных традиций Северо-Запада России и выразила готовность передавать собранные материалы в региональные центры традиционной культуры. В то же время докладчица выразила озабоченность тем, что эти записи часто остаются невостребованными.

Ряд докладчиков (**Е. В. Киселева**, Санкт-Петербург, **Г. Р. Хусаинова**, Уфа, **С. В. Калина**, Красноярск, **Л. В. Мартынова**, Вологда) в своих выступлениях говорили о современном состоянии народной традиционной культуры в своих регионах, о мерах по сохранению фольклора, о работе областных домов народного

творчества и о проблемах, с которыми сталкиваются эти учреждения культуры (о нехватке кадров, их недостаточной подготовленности и компетентности в сфере знаний о фольклорных традициях).

В. Г. Болдырева (Ижевск) обратилась к проблемам фольклорной культуры в полигэтнических зонах и на примере Удмуртии рассказала о современном состоянии и перспективах функционирования народных традиций в этом регионе.

О комплексном подходе к проблемам сохранения традиционной культуры говорила **Т. Ф. Пухова** (Воронеж). На примере деятельности Центра изучения региональной культуры и этнографии филфака Воронежского государственного университета она продемонстрировала принципы совместной работы по мониторингу южнорусских фольклорных традиций как с учреждениями высшего и среднего специального образования региона, так и с учреждениями культуры. Она отметила, что общая работа позволяет не только выявить народные традиции, но и во многом актуализировать их.

Формы и принципы мониторинга традиционной культуры на территории Ульяновской области представил **М. Г. Матлин** (Ульяновск). Он отметил необходимость многоступенчатой работы по выявлению, сохранению и актуализации фольклорных традиций, указав, что сбор полевого материала и его интерпретация — дело ученых, но именно они должны предоставлять информацию о выявленных фольклорных объектах работникам учреждений культуры, которые могли бы на основании данной информации заниматься актуализацией традиции и ее популяризацией.

Ряд докладчиков рассказали о конкретных результатах практического изучения фольклора. Так, **Н. В. Свешникова** (Москва) представила мультимедийные проекты лицея № 1553, **Е. Г. Боронина** (Москва) обратилась к работе студии «Оберег» по изучению и актуализации певческих традиций восточного Подмосковья, **Е. А. Дорохова** (Москва) — к работе по развитию и сохранению фольклорных художественных традиций в системе школьного и дополнительного образования.

Об изучении и актуализации фольклора в многонациональных регионах говорили **А. С. Ярешко** (Саратов) и **Л. Р. Сурметова** (Тюмень). А. С. Ярешко в своем докладе представил работу по изучению традиционной культуры научным центром Л. Л. Христиансена, сотрудники которого на протяжении многих лет не только собирают фольклор народов Сара-

|| Научная хроника

товского Поволжья, но и успешно занимаются его популяризацией. Иная ситуация в Тюмени: несмотря на активную работу местных национальных сообществ, фольклор национальных общин региона остается малоизученным. Проблемы, возникающие при выявлении народной культуры того или иного этноса, были продемонстрированы на примере сибирских татар.

С. Н. Старостин (Москва) рассказал о посвященном традиционной культуре проекте телеканала РТР «Мировая деревня» и о его функционировании в сети Интернет, отметив, что в настоящее время такие передачи могли бы стать действенным средством актуализации традиционной народной культуры.

Д. В. Морозов (Москва) представил работу по мониторингу и реконструкции традиционной казачьей культуры на Верхнем Дону, которую проводят сотрудники ГРЦРФ и фольклорно-этнографический ансамбль ГРЦРФ.

Подводя итоги, участники выработали резолюцию совещания о мониторинге, в которой было предложено:

1. Обратиться в Министерство культуры Российской Федерации с просьбой о принятии ряда неотложных мер по сохранению фольклорных традиций народов России:

• дополнить статьи готовящегося к утверждению проекта закона о культуре в Российской Федерации, связанные с сохранением культурного наследия, пунктами, в которых должны предусматриваться полномочия федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов

Российской Федерации и органов местного самоуправления в сфере культуры в области сохранения, использования и популяризации объектов нематериального культурного наследия федерального, регионального и местного значений;

- включить в состав нематериального культурного наследия традиционные обычаи, обряды, празднества, фольклор, народную музыку, народную хореографию;

- произвести государственный учет и оказать поддержку учреждениям культуры, науки и образования, в которых содержатся фонды аудио-, видеозаписей традиционных обычаев, обрядов, образцов фольклора, народной музыки, хореографии, в осуществлении ими деятельности по обеспечению сохранности, научной обработке, публикации и пополнению имеющихся фольклорно-этнографических материалов (на уровне целевых программ и государственного задания);

- поручить Государственному республиканскому центру русского фольклора разработать программу мониторинга, уточнить направления его проведения, выявить регионы, которые согласятся стать местом апробации данной работы;

- поручить Государственному республиканскому центру русского фольклора разработать методику выявления и пополнения перечня фольклорно-этнографических архивов, принадлежащих учреждениям образования и культуры.

2. Создать центральную рабочую группу (экспертный совет) по координации проекта мониторинга состояния фольклорных традиций.

3. Создать региональные группы по мониторингу локальных традиций.

4. Разработать и aproбировать методику мониторинга в регионах Российской Федерации.

5. Провести в данных регионах pilotные мониторинговые исследования.

6. Поручить региональным рабочим группам сформулировать по итогам pilotных исследований результаты мониторинга и представить предложения по корректировке и дополнению программы применительно к местным традициям.

7. Поручить центральной рабочей группе изучить результаты мониторинга, обобщить итоги работы, внести корректировки и дополнения в программу исследований.

8. Разработать методику выявления и пополнения перечня фольклорно-этнографических архивов, принадлежащих учреждениям образования и культуры.

9. Провести предпечатную подготовку и издать материалы Всероссийского совещания; рассмотреть вопрос о том, чтобы сделать его ежегодным.

10. Поручить Государственному республиканскому центру русского фольклора создать систему координации деятельности учреждений культуры, науки и образования в сфере народной традиционной культуры.

В. Е. Добровольская,
канд. филол. наук

Е. А. Дорохова,
доктор искусствоведения,
Гос. республиканский центр
русского фольклора (Москва)

Уважаемые читатели!

Подписка на журнал «ЖИВАЯ СТАРИНА»

принимается в отделениях связи
по Объединенному каталогу «Пресса России»

Подписной индекс 45355

Для зарубежных читателей подписка
оформляется в ЗАО «МК-Периодика»

E-mail: info@periodicals.ru

Internet: <http://www.periodicals.ru>

По вопросам приобретения изданий Центр русского фольклора обращаться:

119034, Москва, Турчанинов пер., 6;
тел.: (499) 245-15-26, 245-22-05
E-mail: crf@inbox.ru

«Фаланстер»
Москва, Малый Гнездниковский пер., 12/27;
тел.: (495) 749-57-21;
E-mail: falanster@mail.ru

Интернет-магазин: Издательство ЛКИ
тел.: (499) 135-42-46, 135-42-16
E-mail: Zakupki@urss.ru

Ответственный секретарь
редакции **A. С. Подгаец**

Научный редактор

О. В. Трефилова

Корректор

M. K. Егорова

Дизайн, верстка

O. E. Самсонова

Ответственный за печать
и подпись **Э. Р. Жукова**

Адрес редакции:

119034, Москва,
Турчанинов пер., 6

Тел.: (495) 708-3102,
(499) 245-2205

Факс: (499) 246-9323;

E-mail: crf@inbox.ru
(с указанием: для «Живой
старины»)

Сайт: www.folkcentr.ru

Журнал зарегистрирован
в Министерстве печати
и информации Российской Федерации.
Свидетельство № 01827
от 30 ноября 1992 г.

Подписано в печать 07.09.2015.

Формат 60×90 1/8.

Печать офсетная. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 9,0. Заказ № 143

Цена договорная

Отпечатано в типографии: ООО «Принт сервис групп»

105187, Москва,
ул. Борисовская, д. 14

E-mail: 3565264@mail.ru

Рукописи не возвращаются.
При перепечатке ссылка
на журнал обязательна.
© «Живая старина», 2015

▲ Свеча Т. В. Ивановой, 1938 г.р. (д. Удоха, Чериковский р-н). Фото О. В. Беловой

▲ Свеча М. Е. Ратобильской, 1932 г.р. (д. Сокольники, Кричевский р-н). Фото А. Б. Мороза

► Свеча Г. В. Степановой, 1939 г.р. (д. Костюшковичи, Кричевский р-н). Фото А. Б. Мороза

► Свеча Н. А. Господаревой, 1939 г.р. Праздник у источника Брязгун в Павлов день (д. Норки, Чериковский р-н). Фото А. Б. Мороза

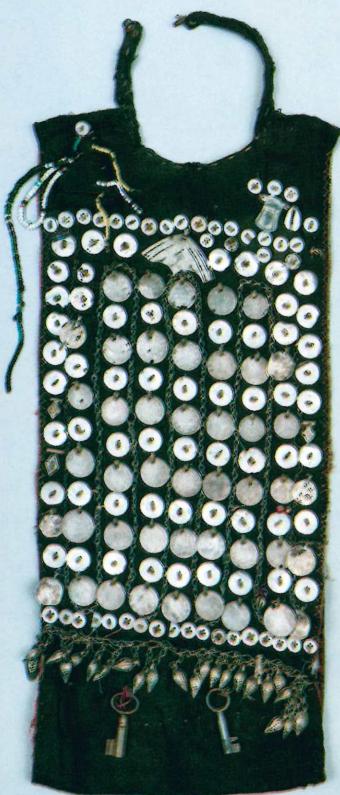

В этом номере журнала публикуются материалы российско-белорусской экспедиции в Могилёвскую область Белоруссии. Одним из интереснейших элементов локальной традиции является обрядовый комплекс «свеча», включающий создание обетной свечи, ее перенесение из дома в дом и празднование в ее честь. Читайте материалы экспедиции на с. 58–62

▲ Чесслечная перевязь девичья «тэвэт». Чуваши. Конец XIX — начало XX в.

▲ Нагрудник женский «т'мэтэнү». Гинухцы. Дагестанская обл. Андийский окр. Селение Гинух. Вторая половина XIX в. — 1900-е гг.

▲ Часть головного убора замужней женщины «позатыленъ». Казаки-некрасовцы. Османская империя, Добруджа, г. Тульча. Конец XVIII — середина XIX в.

▼ Наверху: шапочка детская «тахъя». Туркмены-човдуры. Туркменская ССР, Калининский р-н. Середина XX в. Внизу слева: браслет детский. Туркмены. Туркменская ССР. XX в. Внизу справа: Амулет детский. Туркмены-йомуды. Западная Туркмения. Конец XIX в.

В СЛЕДУЮЩИХ НОМЕРАХ:

- Государственному республиканскому центру русского фольклора — 25 лет
- Л. Н. Виноградова (Москва). Почему дождь при солнце называется «слепой дождь»?
- А. В. Коровашко (Нижний Новгород). Почему баба — «шелуха»?
- С. Ю. Королёва (Пермь). «Наивная» деревенская проза Ивана Федосеева
- Материалы фольклорно-этнографических экспедиций
- Обзоры, рецензии
- Научная хроника

▼ Нагрудное украшение-амулетница. Аварцы. Дагестанская АССР, Гунибский район, селение Бацда. Конец XIX в. — 1970-е гг.

